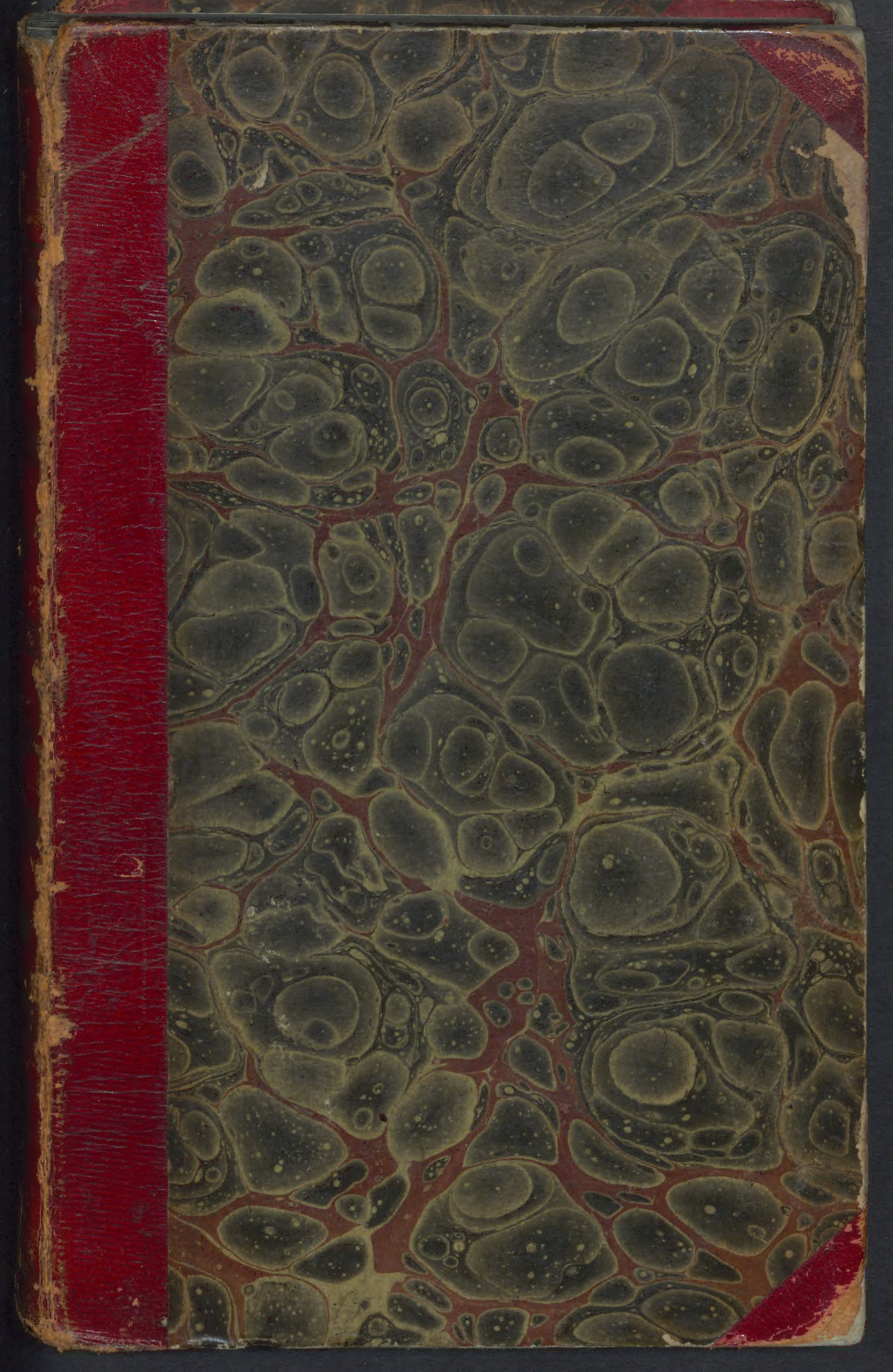
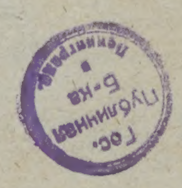


ЛЮБОВНИКИ
И
СУПРУГИ,
или
МУЖЧИНЫ и ЖЕНЩИНЫ
[нѣкоторыя.]

Итои сю.

Читай, смѣкай, и можетъ быть слюбится.

Г. Г.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1798 года.

ОДОБРЕНІЕ.

Сія книга подъ названіемъ: *Любовники и супруги или мужчины и женщины (нѣкоторыя.)* въ Санктпетербургской ценсурѣ разсматривана; и поелику въ оной ничего противнаго данному ценсорамъ о разсматриваніи книгъ наставленію не содержится, то напечатать ее позволяется.

Коллежскій Совѣтникъ Михаилъ Туманскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Забавное баснословіе древнихъ Грековъ и Римлянъ съ толкованіемъ. - - - - 1.

II. Разговоръ Купидона съ дурачествомъ, или торжество дурачества надъ любовію. - 38.

III. Потѣшныя повѣсти и мудрые отвѣты; тѣхъ и другихъ 119. - - - - 40.

IV. Достопамятныя положенія. - 149.

V. Пѣсня нѣкотораго мореходца, выражающаго любовь свою тѣми словами и мыслями, какими воображеніе его по привычкѣ къ мореплаванію наполнено. - - - - 151.

VI. Сантиппы философа басни съ приличнымъ нравоученіемъ; всѣхъ 58. - - - - - 155.

VII. Нѣчто во особенности о женщинахъ. - - - - - 193.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

VIII. Пѣснь . . . . на счетъ красавцовъ, кои много мечтаютъ о своей красѣ. - - - - 196.

IX. Пословицы и поговорки простонародныя; большая часть въ иносказательномъ смыслѣ. - 206.

X. Забавныя грамотки къ красавицамъ. - - - - - 225.

XI. Избранныя пѣсни, которыя живо изображаютъ разныя чувствованія и дѣянія страстныхъ любовниковъ. — По пословицѣ: сказка складна, а пѣсня быль. - - - - 240.

XII. *Въ заключеніе*, характерическое изображеніе мужчинъ и женщинъ. - - - - - - 296.

ЗАБАВНОЕ БАСНОСЛОВІЕ
древнихъ
ГРЕКОВЪ и РИМЛЯНЪ
съ толкованіемъ.

I. Венера, мать и царица любви, нѣжностей и пріятностей, владычица сердецъ, и богиня всѣхъ роскошей. Одни изъ стихотворцевъ производятъ рожденіе ея отъ морской пѣны, купно и отъ крови истекшей изъ дѣтороднаго Келова уда, который Сатурномъ былъ отрѣзанъ и въ море брошенъ; по чему Греки и назвали ее Афродитою, т. е. рожденною отъ пѣны. Другіе изъ тѣхъ же вракотворцевъ повѣствуютъ, что Венера родилась въ жемчужной морской раковинѣ, въ которой приплыла на островъ Кипръ. Но историки, кои несравненно болѣе всѣхъ ихъ вѣроятія достойны, удостовѣряютъ, что мни-

мая сія ботиня была нѣкотораго рыбака дочь, коея красотою плѣнясь одинъ молодой человѣкъ, увезъ ее съ собою въ лодочкѣ на островъ Кипръ, гдѣ жители сіяніемъ прелестей ея приведены бывъ въ восхитительное удивленіе, а притомъ вовсе не знавъ родословной ея, почли за божество; и для того по кончинѣ ея воздвигли въ честь ея храмы, коими какъ Греція, такъ и Римъ исполнены были.

Венера называлась еще *Морфа* красавица, *Генетилла* родительница, какъ причина дѣторожденія, и *Меланія* темная или черная; сіе послѣднее имя дано ей потому, что люди, когда хотятъ богинѣ сей приносить жертву, ищутъ почти всегда темнаго или уединеннаго мѣста.

Венеръ было четыре. 1. родилась отъ Кела и Дня, 2. отъ морской пѣны [Афродита], 3. отъ Юпитера и Діаны и 4. Адонидова жена. Стихотворцы преимущество даютъ предъ всѣми Афродитѣ; и сей единой приписыва-

ютъ дѣла всѣхъ прочихъ. Въ честь ея посвящены лебеди, голуби и воробьи, какъ любострастнѣйшія изъ всѣхъ птицы.

Омиръ весьма хорошо изображаетъ Венеру въ двухъ слѣдующихъ имнахъ.

1. Пою* почтенную, прекрасную Афродиту, получившую въ удѣлъ поморіе Кипра, гдѣ сила нѣжнодышущаго Зефира, возставила ее отъ волнъ многошумнаго моря въ нѣжной пѣнѣ; которую по томъ Оры радостно пріявъ злащотканными пеленами, и облекши во одежду нетлѣнія, на безсмертную главу ея возложили благоустроенный отъ злата и топаза вѣнецъ; среброподобную выю и грудь ея украсили разноцвѣтными отъ камене честна монистами; какими украшены были сами, когда шествовали въ собраніе боговъ, въ жилище отца; по таковомъ преукрашеніи всѣхъ частей тѣла ея, привели ее къ безсмертнымъ, кои узрѣвъ ее восхищались духомъ и плескали руками; ка-

ждый изъ нихъ удивляясь красотѣ, фіальную корону имѣющей Киѳереи, нетерпѣливо желалъ сію неоцѣненную дѣвицу пояти себѣ въ жену. Да здравствуетъ черноглазая, круглолицая и сладкоглаголивая богиня! Даруй мнѣ на семъ подвигѣ побѣду; устрой мою пѣснь, которую въ похвалу твою и иныхъ уготовляю.

2. Пою и воспою рожденную въ Кипрѣ Киѳерею, которая щедритъ и обогащаетъ смертныхъ нѣжными дарами, и которая всегда улыбается наиприятнѣйшимъ образомъ, нося въ рукахъ любезный цвѣтокъ. Здравствуй богиня, правящая многонародный Саламинъ и весь Кипръ! Устрой и услади пѣснь мою, дабы я возмогъ оную достойно во славу твою сложити.

II. Вертумнъ, боготворимъ былъ въ Римѣ. Онъ по суевѣрію сего народа имѣлъ силу претворяться въ разные виды, какъ Греки мнили о Протеѣ. Сей богъ влюбясь нѣкогда въ нимфу Помону,

и принявъ на себя образъ старухи, пришелъ въ садъ ея, гдѣ всемѣрно старался уговаривать ее въ супружество; но при всемъ усилїи своемъ не мог произвесть въ ней ни малѣйшей къ тому склонности. По семъ сложивъ видъ старухи, преобразился въ прекраснаго юношу, на коего Помона иными уже глазами начала взирать. Вертумнъ видя, что симъ путемъ удобнѣе и скорѣе можетъ онъ достигнуть своей цѣли, рѣшился обойтиться съ нею покороче. Помона хотя и почитала и называла сїю продерзость насилїемъ; однако вскорѣ извинивъ себя женскою немощїю, (которая будто бы не дозволяла ей противиться мужчинѣ), предалась любовнымъ его объятїямъ безъ дальнаго о томъ разсужденїя и сожалѣнїя.

III. Греческому Царю Акризїю предсказано было Аполлономъ, что онъ умерщвленъ будетъ отъ внука своего; по чему во отвращенїе таковаго злодѣйства, всадилъ онъ единородную дочь

свою Данаю въ превысокую и крѣпкую башню, оградивъ оную вѣрнѣйшею и надежнѣйшею стражею, чтобъ она во всю жизнь свою никакого мужчины не видѣла. Юпитеръ плѣнясь красотою Данаи, превратился въ золотой дождь, и во время сна ея прошедъ малѣйшія скважинки спальни, капулъ на обнаженную и распаленную любовнымъ жаромъ грудь ея. Отъ сего прохлажденія Даная по, истечевіи урочнаго времени, произвела на свѣтъ сына Персея, который достигши совершеннолѣтія, дѣйствительно сгубилъ дѣда своего, царя Акризія, неумышленно.

Въ сей басни подъ превращеніемъ Юпитера въ золотой дождь разумѣется то, что надзирательница Данаина бывъ подкуплена знатною суммою денегъ, склонила ее въ любовь нѣкоего богача, и что вообще въ подобныхъ случаяхъ наистрожайшіе поступки родителей въ разсужденіи дѣтей, рѣдко увѣнчаны бываютъ желаемымъ успѣхомъ.

IV. Богъ войны назывался у Грековъ Арей, а у Римлянъ Марсъ. Большая часть стихотворцевъ пишутъ о рожденіи сего бога слѣдующее: Юнона оскорблена бывъ, что мужъ ея Юпитеръ безъ пособія женщины, а самъ собою потрясши токмо голову свою, породилъ Минерву, и по тому оставивъ съ гнѣвомъ небо, отправилась за океанъ для развѣданія и испытанія, не можетъ ли и она не прикасаясь никакому мужчинѣ какимъ либо инымъ образомъ произвесть на свѣтъ сына или дочь. Утомясь на пути, сѣла для отдохновенія близь дому Флоры богини. Сія увидѣвъ ее, и свѣдавъ о причинѣ путешествія, обѣщалась удовлетворить ея желанію, ежели только не откроетъ она о томъ Юпитеру. Юнона отъ радости бывъ внѣ себя, тысячу клятвъ ей въ томъ дала. И такъ Флора совѣтовала ей итти на Оленійскія поля, и къ находящемуся тамъ цвѣту, коего примѣты она описала, только единожды прикоснуться и несумнѣнно вѣрить, что отъ того по́-

несетъ. Юнона исполнила сей совѣтъ во всей точности; и по прошествіи девяти мѣсяцовъ къ крайнему удовольствію своему безъ участія мужчины родила помянутаго сына Марса, бога жаждущаго человѣческой крови, возбудителя гнѣва, вражды и боевъ, по врожденной ей и многимъ женщинамъ къ симъ страстямъ склонности; а не такъ какъ мужъ ея Юпитеръ, съ коимъ она рѣдко жила въ согласіи, породилъ Минерву, богиню мудрости.

Сія басня научаетъ, что нѣкоторыя жены предпринимая важныя дѣла безъ совѣту мужей своихъ, хотя приводятъ оныя ко окончанію, но по большей части себѣ въ стыдъ и посрамленіе, а другимъ во вредъ и пагубу.

V. По скаскамъ древнихъ сихъ язычниковъ, въ адѣ Окнъ вьетъ веревку; а подлѣ него стоитъ ослица, которая, сколько онъ ни совьетъ, тотъ часъ отгрызаетъ.

Здѣсь подразумѣваются тѣ люди,

кои при всѣхъ своихъ неусыпныхъ трудахъ не видятъ нималѣйшаго имѣнію своему приращенія; а особливо тѣ злополучные мужья, коихъ кровавымъ потомъ собираемое богатство росточается безъ пощады женами ихъ.

VI. Сирены, морскія чудовища, имѣли верхнюю половину тѣла женскую, а нижнюю рыбью. Ихъ было три сестры. Одна изъ нихъ пѣла, другая играла на флейтѣ, а третія на дудочкахъ. Онѣ составляли столь пріятную музыку, что всѣхъ прилучавшихся мореходцовъ усыпляли оною; почему всегда послѣдовало вскорѣ кораблекрушеніе и неизбѣжная всѣхъ смерть. Единое средство къ предупрежденію таковой гибели было, заткнуть всѣмъ уши, дабы не слышать толь пагубной ихъ гармоніи.

Подъ именемъ пагубныхъ сихъ прелестницъ, многіе разумѣютъ невоздержаніе въ трехъ вещахъ, и имянно: въ пищѣ, питіи, и любовныхъ дѣлахъ;

а иные понимаютъ однихъ токмо любовницъ, отъ коихъ знатные домы терпятъ крушенїе, владѣтели же ихъ или хозяева постыдную смертъ.

VII. Эндимїонъ былъ прекрасный пастухъ, котораго Юпитеръ по какой то причинѣ взялъ на небо; но примѣтивъ между имъ и женою своею Юноною любовныя сплетни, низринулъ его обратно на землю. По семь влюбясь въ него страстно Дїана, исходатайствовала ему у Юпитера вѣчную юность и безконечный сонъ на горѣ Латмѣ, куда каждую ночь, оставивъ небо, сходила лобызать его.

Чрезъ сїю баснь по мнѣнїю однихъ разумѣется молодой человѣкъ, которой любилъ уединенїе для упражненїя духа своего въ полезныхъ размышленїяхъ; а по мнѣнїю другихъ прекрасный юноша, который находясь при царскомъ дворѣ въ низкомъ званїи, плѣнилъ сильно сердце знатной госпожи; за что по старанїю ея мужа или родствен-

никовъ изключенъ былъ изъ придворной службы; но любовница не находя способовъ изгнать образа его изъ своего сердца, убѣдила его для избѣжанія народной молвы, жить въ загородномъ ея домѣ, стоящемъ на высокой горѣ въ лѣсу; куда приѣзжала она всякую ночь, для услажденія себя красотою и взаимною любовію его.

VIII. Экува, жена Пріама царя, бывъ беременна Паридомъ видѣла во снѣ, яко бы раждаетъ горящій факелъ. Почему на утріе приказала она призвать искусныхъ снотолкователей; а услышавъ отъ нихъ, что родитъ она сына, отъ коего Троя, столичный ихъ градъ, приметъ конечное разореніе, объявила о томъ мужу. Сей, коль скоро родился Паридъ, повелѣлъ его гдѣ нибудь подкинуть. Но Экува тронута бывъ какъ матернею любовію, такъ и красотою младенца, приказала тайно отдать его для воспитанія одному изъ надежныхъ пастуховъ на горѣ Идѣ съ

нѣкоторыми признаками. — Паридъ по возрастѣ избранъ былъ пастухами начальникомъ своимъ. Онъ справедливо рѣша случавшїяся между ими ссоры, и многихъ изъ ненависти приводя въ любовь и согласїе, толь великую прїобрѣлъ себѣ похвалу, что многие прїѣзжали къ нему на судъ изъ дальнихъ мѣстъ. На послѣдокъ слава о правосудїи его достигла небесъ. Юнона, Минерва и Венера бывъ на Пилеевомъ бракѣ, подняли брошенное невидимо отъ Дискордїи золотое яблоко, на коемъ написано было: *красавицѣ дается.* И какъ каждая изъ нихъ называла себя первою красавицею; то вскорѣ онѣ поссорились; а не хотя другъ другу уступить ни толь лестнаго титула, ни самаго яблока, для разрѣшенїя своей распри, положили единогласно, предать сїе дѣло суду Паридову. И такъ когда онѣ открыли Париду причину своего пренїя; то каждая всемѣрно тщилась преклонить его на свою сторону, обѣщевая наградить его дарами своими презбыточно,

ежели токмо по суду его получитъ честь называться красавицею; но Парисъ не прельстясь ни которыя посулами, а желая дѣло рѣшить право, приказалъ имъ предстать обнаженнымъ.

И какъ сїе исполнено было прежде Юноною; то онъ подошелъ къ ней; и она говорила ему: „Внимай, смертный! Пред„ставь въ умѣ твоемъ величїе Царя „царей, славу его во всѣхъ концахъ „земли, скорое и безропотное отъ „всѣхъ многочисленныхъ подданныхъ „ему послушанїе, неограниченную надъ „многими миллїонами человѣковъ власть „его, неизреченное велелѣпїе, неизчи„сленное богатство. Словомъ: я тебя со„дѣлаю царемъ страшнымъ всему свѣту; „тебя прославлю во всей подсолнечной „нынѣ и во вѣки; тебѣ покорю мно„гихъ царей, кои съ достодолжнымъ „повиновенїемъ приносить будутъ те„бѣ дань, налагаемую по твоей волѣ; „тебѣ отъ предѣлъ солнца привезутъ „водою и сушею сокровища; отъ твоей

„власти премногіе народы ожидать „будутъ живота и смерти; твое имя „превознесу и въ небесахъ, кои по во-„лѣ моей движутся. Все сіе несумнѣн-„но надѣйся получить вскорѣ, ежели „судъ твой даруетъ мнѣ преимущество „надъ сими соперницами моими. Еще „повторяю: внимай и разсуждай.„ Сказавъ сіе умолкла. А судья разсматривая всѣ порознь членьı, видитъ небесную красоту сіяющую безсмертною славою, всѣ части тѣла влекущія умъ къ обожанію; и не возмогши довольно насладиться пріятнымъ симъ зрѣлищемъ, удивляясь, съ почитаніемъ отходитъ къ Минервѣ.——

Но сія далеко не допустивъ его къ себѣ, возздвигла гласъ, проницающій твердость камней; и тѣмъ остановивъ его, рекла: „Постой, непросвѣщенный! „Сбери разсѣянный твой умъ; и очи-„сти сердце твое отъ всѣхъ предме-„товъ прельщающихъ твою душу, кото-„рая по юности твоей можетъ быть „легко подвержена стремительному по

„ползновенію. Я знаю, что разумъ „твой обольщенъ внушеніями соперни- „цы моей; и сердце твое уже развер- „злось ко принятію радостей, предо- „бѣщеваемыхъ самодержавіемъ, величі- „емъ, пышностію и славою. Извиняю „твою слабость; и вѣрю, что не воз- „можно тебѣ вооружиться противъ бли- „стательныхъ тѣхъ прелестей, не сни- „скавъ бодраго и мужественнаго духа, „который я одна токмо властна даро- „вать, кому за благо разсужду. Но ты „разсторгнувъ мрачную завѣсу, висящую „предъ очами твоими, прибѣгни къ про- „свѣщенію моему; и упоенъ будучи слад- „кимъ ядомъ, пріими цѣлебную силу отъ „источника премудрости, коей бытіе, „сила и исполненіе единственно и непо- „средственно отъ власти моей зависятъ. „Я премудрыхъ совѣтовъ и высочайшихъ „знаній началомъ отъ всего свѣта призна- „ваема и есмь. Внимай нелестнымъ моимъ „словамъ: владѣть обширными страна- „ми и управлять безчисленными наро- „дами, есть соизволеніе прещедрыхъ

„небесъ; дѣло колико лестное, толико „и важное, но при всемъ томъ подверженное величайшимъ препткновенïямъ и „опасностямъ, коихъ избыть безъ моего „пособïя никто не можетъ. Признаюсь „и утверждаю, что самодержавный Го„сударь въ подвластныхъ ему стра„нахъ есть богъ, а не человѣкъ; и самое „маловажное слово произнесенное уста„ми его, прïемлется за законъ. Но во„образи, сколь многïе порфироносцы „стонутъ подъ бременемъ велѣнïя „своего! Разсуди, не отеческою ли лю„бовïю обязаны они своимъ поддан„нымъ? Не въ милости ли вся слава ихъ? „Не щедротою ли, кротостïю и право„судïемъ украшается вѣнецъ ихъ? Но „вмѣсто всѣхъ сихъ и имъ однимъ при„личныхъ качествъ, часто видимы токмо слѣды тиранства и плачевныя па„мятники убïйственнаго угнетенïя. „Желанïе ихъ славы не ужаснѣйшимъ „ли кровопролитïемъ безчисленныхъ „народовъ обагрено? Опустошенныя го„сударства не явный ли знакъ тщесла-

„вія ихъ? Разрушенные, разметанные и „съ землею сравненные грады и села не „память ли самолюбія ихъ? Огромные на „мѣстѣ битвы бугры, содержащіе прахъ „многихъ тысячь человѣковъ, не жертва „ли необузданнаго ихъ гнѣва? Правда не- „обходимо нужно быть войнѣ; и самый „миролюбивѣйшій и кротчайшій скип- „тродержатель долженъ быть готовъ „ко оной съ неустрашимостію; равно- „мѣрно и отъ подданныхъ справедли- „вость требуетъ, чтобъ они за здра- „віе, честь, или иное право своего го- „сударя, такъ же за спокойствіе и цѣ- „лость юныхъ и престарѣлыхъ ближ- „нихъ своихъ и вообще всего отечест- „ва, не щадили своего живота. Но при „всемъ томъ прославиться войною, со- „дѣлаться страшнымъ всему свѣту, „быть непобѣдимымъ; все сіе весьма ма- „ло принесетъ государю существенной „пользы и славы; ежели внутрь предѣ- „ловъ державы его слышимы будутъ вздо- „хи обиженныхъ вдовъ и сиротъ, стоны „насилуемыхъ сильными, жалобы стра-

„ждущихъ отъ судей, тяготящихъ судь-
„бу ихъ паче мѣры прегрѣшенія ихъ
„по пристрастію или недоразумѣнію,
„разительный вопль безвинно проли-
„ваемой крови. Всему тому неминуемо
„надлежитъ быть въ странахъ подвла-
„стныхъ государю, коему я чужда, и
„который колико можно не очиститъ
„державу свою отъ сокровенныхъ но лю-
„тостію превосходящихъ злѣйшаго изъ
„внѣ непріятеля домашнихъ враговъ. Я
„говорю о ласкателяхъ, оныхъ извер-
„гахъ человѣчества, кои общій покой и
„тишину безжалостно врзмущаютъ; со-
„кровища царевы безъ зазору окрадыва-
„ютъ и пожираютъ, всякую нелѣпость
„его безстыдно называя мудростію вы-
„хваляютъ, и которые природную его
„кротость сильны премѣнить въ неи-
„стовую ярость, а бодрый, трудолю-
„бивый и непоколебимый духъ, отра-
„вивъ нерадѣніемъ, вовсе разслабитъ;
„отъ чего зданіе общества часто тер-
„питъ сильное потрясеніе, а иногда и
„конечное разрушеніе. Всѣ мысли, сло-

„ва и дѣянія ихъ имѣютъ основаніе
„своимъ токмо лести, коварства и
„происки; желанія ихъ единственная
„цѣль затмить проницательный умъ
„своего монарха; языкъ ихъ открытый
„гробъ, исполненный смрада; слова и
„всѣ совѣты ихъ, голосъ Сиренъ; руки
„ихъ, руки Арпій. И сколь высокъ есть
„царскій санъ; столь великаго труда
„стóитъ достоинствомъ симъ почтен-
„ному предоберечь сéбя отъ ухищреній
„оныхъ чудовищъ; и ни единый царь
„безъ пособія моего нимало противу
„ихъ не успѣетъ. Вотъ коликія цѣны
„даръ, предобѣщанный тебѣ моею со-
„перницею! — Напротивъ мои выгоды
„и преимущества не причастны ни ма-
„лѣйшему предосужденію: свободны отъ
„всякаго страха; не подвержены ни ка-
„кимъ опасностямъ. Они упоятъ душу
„твою сладостію, которая однимъ не-
„беснымъ жителямъ извѣстна; испол-
„нятъ сердце твое веселіемъ, кое боги
„и я токмо вкушаемъ. Я открою тебѣ
„явленія небесъ; тебѣ извѣстно сотво-

„рю движенїе солнца, луны и всѣхъ „иныхъ планетъ; начало молнїи и грома постигнетъ твой разумъ; пространныя и глубочайшїя нѣдра земли съ сокровищами оныхъ вмѣститъ твое понятїе; сокровенныя гаданїя, таинственныя знаменїя и пророческїе отвѣты „пособїемъ моимъ откроешь всѣмъ, кто „отъ тебя потребуетъ, и кому ты „заблаго разсудишь. Ты обитая между „смертными, будешь наслаждаться блаженствомъ безсмертныхъ; тма темъ „ополченныхъ противу тебя враговъ не „поколеблютъ твоего мужества; ты „взирая на разные роды смертей, будешь токмо осклабляться; и единой „изъ нихъ не инако ожидать будешъ, „какъ нещастный плѣнникъ разрѣшенїя „узъ своихъ, свободы изъ темницы. А „когда наступитъ вожделѣнный оный „конецъ; въ то время все пространство „вселенныя исполнено будетъ твоею „памятїю, которая ни злобою враговъ, „ни древностїю временъ, ниже всего свѣта премѣною затмиться не возможетъ;

„имя твое пронесется со славою до „предѣлъ солнечнаго сїянїя; и сею услаждятся тмочисленные народы. Блаженъ „и преблаженъ тотъ единственно, кто „слѣдуетъ моимъ внушенїямъ; но мало „таковыхъ я обрѣтаю; и сїя рѣдкость имъ „же самимъ дѣлаетъ честь. Еще повторяю: внимай и разсуждай.„ По семъ тотъ часъ сбросивъ съ себя все платье, предстала нагая, Паридъ разсматривая по ряду красоты ея, видитъ всѣ члены исполненные удивительной нѣкоей строгости; и по тому обожая ее съ благоговѣйнымъ страхомъ обращается къ Венерѣ.

А сїя встрѣтя его нѣжнѣйшимъ взоромъ, говоритъ: „Младый судїя! Не„удобовразумительными словами, суро„выми нравоученїями и недовѣдомыми „совѣтами нѣжныя твои мысли тяго„тить я не намѣрена. Не охуждаю пред„назначенныхъ тебѣ соперницами мои„ми даровъ; но необинуясь скажу, что „первая подъ именемъ пышности и „славы влечетъ тебя къ тиранству, а

„послѣдняя подъ предлогомъ мудрости „повелѣваетъ тебѣ уклониться отъ „пріятнаго содружества, которое по „единодушному признанію всѣхъ благо-„мыслящихъ, есть твердѣйшее и на-„дежнѣйшее основаніе общественной „цѣлости; совѣтуетъ жить уединен-„но, что однимъ дикимъ звѣрямъ свой-„ственно; обѣщаетъ открыть небес-„ныя явленія, что токмо испорчен-„ныхъ воображеній есть мечта. Ибо „умомъ летать превыше облаковъ, не „усматривая у ногъ паденія, не по-„зорный ли наводить на себя смѣхъ; „силиться постигнуть дѣла однимъ „богамъ свѣдомыя, не одно ли и то же „есть, что быть участникомъ Гиган-„тамъ воздвигшимъ нѣкогда бранъ про-„тиву оныхъ; пустыми и вымышлен-„ными понятіями измѣрять непости-„жимые предѣлы небесъ, не явный ли „есть знакъ крайняго сумазбродства? „Разсуди здраво, не всѣ ли вы смерт-„ные рождены къ согласію и любви? Но „примѣть, есть ли въ природѣ беспо-

„койнѣйшее и къ враждѣ склоннѣйшее „чудовище, какъ тѣ, коихъ вы именуете „ше любомудрами? Ибо всѣ они неу„сыпно пекутся, чтобы другъ противу „друга ополчиться новыми выдумками, „осуждая всѣ чуждыя мысли; а отъ се„го состязанія ни пользы, ни забавы „обществу не было, нѣтъ и не будетъ, „хотябъ и весь ихъ громогласный родъ „къ единодушію склонился. Они дви„жимы будучи непомѣрнымъ киченіемъ „своимъ, напослѣдокъ прострутъ свои „желанія до того, чтобъ небесныя „громады: солнце, луна и иныя един„ственно по начертаніямъ ихъ двига„лись и вращались, а земля безъ воли „и повелѣнія ихъ не производила пло„довъ въ пищу смертнымъ. Словомъ: „всѣ сея соперницы обѣты исполнены „высокомѣрія, беспокойства, тщеславія, „легкомыслія, лжи и непостоянства.— „Мои же напротивъ того совсемъ от„мѣнны. Признаюсь, что пользующіеся „оными не украшены титлами величія „и славы, но и не подвержены опасно-

„стямъ, страху и подозрѣніямъ; не го-
„рдяшся знаніемъ сокрытыхъ богами
„вещей или вѣденіемъ непостижимыхъ
„умомъ человѣческимъ судебъ: но и чу-
„жды посмѣянія. Всѣ воли моей по-
„корствующіе свободны отъ возмуще-
„нія; и ты стократно щастливымъ
„себя почитать будешъ, видя оныхъ
„надменныхъ славолюбцевъ воздыхаю-
„щихъ и терзающихся завистію о тво-
„емъ спокойствіи. Внимай, прекра-
„сный пастухъ! Я богиня любви; мать
„всѣхъ нѣжностей, пріятностей и кра-
„сотъ; владычица сердецъ; начало ва-
„шего и всѣхъ вообще животныхъ бы-
„тія; обладательница роскошей, утѣхъ
„и всѣхъ веселостей. Моимъ мановені-
„емъ возжигается въ сердцахъ священ-
„ный огнь любви; моей власти покор-
„ствуютъ небесные и земные жители.
„Воззри на боговъ; они при всемъ сво-
„емъ могуществѣ стараются снискать
„мое благоволеніе. Воззри на царей; сіи
„не смотря на величество свое, пыш-
„ность и славу, просятъ у меня сла-

„достинѣйшаго удовольствїя, и получая „поставляютъ за верьхъ своего блаженства; а въ противномъ случаѣ почитаютъ несноснымъ бременемъ великїй „свой санъ. Воззри на мужественныхъ „и не устрашимыхъ въ брани героевъ. „Воззри еще на кровожаждущихъ по все„минутно тиранновъ и невѣдающихъ „человѣколюбїя варваровъ; и сихъ извер„говъ окаменелыя сердца смягчить въ „моей власти состоитъ. Во всемъ про„странствѣ земноводнаго сего шара нѣтъ „ни единаго народа, ни единыя страны, „кои бы противоборствовали благо„творнымъ моимъ законамъ; ибо оные „не стонъ, не слезы, не беспокойство, „не возмущенїе, не ссоры, не зависть, „не ненависть и ни малѣйшее какое либо „подозрѣнїе, раждаютъ; но любовь, дру„жбу, радость всѣ чувства объемлю„щую, тишину всѣ члены сладостїю „покоющую, изливаютъ обильно на весь „смертныхъ родъ. Простри взоръ твой „на воздухъ, гдѣ вскорѣ представятся „тебѣ неизчисленные роды пернатыхъ,

„протеки умомъ твоимъ толь про-
„странную поверхность земли сея; вой-
„ди въ непроходимые лѣса; взгляни на
„неприступныя горы и долы. И какъ
„всюду узришъ тму различныхъ звѣрей,
„скотовъ, змѣевъ, и малѣйшихъ насѣко-
„мыхъ; то что скажешъ? Не мнѣ ли
„единой всѣ они вину бытія своего при-
„писуютъ? А вы, смертные! получая
„отъ нихъ помощъ, пищу, увеселенїе и
„иныя многїя выгоды, не мнѣ ли за то
„обязаны? Ибо ежели гнѣвъ мой излїю
„на васъ, прекратя умноженїе оныхъ,
„чрезъ что вскорѣ опустошены будутъ
„лѣса и поля, да и во глубинѣ водъ
„всяко животное потребится; то не
„вся ли земля наполнится стономъ и
„слезами? Посмотри на Кипръ и Книдъ;
„войди въ Паѳосъ и Киѳеру; гдѣ сады
„и лѣса стонутъ подъ бременемъ наи-
„лучшаго винограда и всякаго рода пло-
„довъ; гдѣ невозбранно вкушаютъ всѣ
„благовоннѣйшее и врачебнѣйшее вино;
„гдѣ поля пестротою цвѣтовъ, аки въ
„порфиру облечены, сїяютъ; гдѣ земле-

„дѣлатель собирая обильные плоды тру-
„довъ своихъ, съ восхищенїемъ а не воз-
„дыханїемъ утомляется, возвратясь же
„въ домъ съ радостїю, покоится въ нѣ-
„жныхъ объятїяхъ своей возлюбленной;
„гдѣ день и ночь непрерывно восходитъ
„дымъ до небесъ отъ сженїя ароматовъ
„приносимыхъ мнѣ въ жертву; гдѣ нѣтъ
„никого снѣдаемаго печалїю, или упра-
„жняющагося въ выдумыванїи хитростей,
„обмановъ, ласкательствъ, происковъ и
„иныхъ подобныхъ симъ постыдныхъ
„дѣлъ; но узришъ у каждаго на очахъ ра-
„дость сїяющую, и услышишъ всюду слад-
„кїя пѣнїя. Тамъ обитаетъ непритворное
„веселїе; тамъ раскошествуютъ игры,
„смѣхи и всякаго рода забавы; тамъ всѣ
„безъ изъятїя наслаждаются друже-
„ствомъ; тамъ царствуетъ любовь во
„всей пышности; и любящїяся взаимно
„сердца провождаютъ жизнь свою въ по-
„коѣ и радости. А ты, нѣжнѣйшїй кра-
„савецъ! запечатлѣй въ сердцѣ твоемъ
„мои совѣты, коими пользоваться не
„всегда время и случай есть. Внимай:

„тебя сопрягу я съ прекраснѣйшею изъ „всѣхъ смертныхъ, рожденною отъ отца „боговъ; ежели судъ твой даруетъ мнѣ „преимущество предъ соперницами мо- „ими.„

Едва сказавъ сїе умолкла; какъ предстали три грацїи: Пазиѳея, Евфросина и Аглаїя. Первая приступя къ богинѣ, совлекаетъ съ нее платье легчайшее воздуха и бѣлѣйшее снѣга; вторая вынимая изъ златоплетенной своей корзинки розы, лилеи и нарцисы, сыплетъ у ногъ окрестъ своей царицы; третїя нѣжнѣйшїя и прекраснѣйшїя власы ея располагая по плечамъ, приводитъ въ прелестный беспорядокъ. Между тѣмъ Амуръ съ Зефиромъ быстро носясь по воздуху, изъявляютъ тѣмъ всей твари радость о прибытїи животворящей богини. Коль же скоро обнажила она свои нѣжности; то вдругъ исполнился воздухъ небеснаго благовонїя. Гора Ида извергнувъ дикїе свои камни, украсилась пестротою наилучшихъ цвѣтовъ. Лѣса преклоняя верхи свои, аки любов-

нымъ объятїемъ соплетаются. Львы, тигры и барсы оставя страшныя и неприступныя свои обиталища, приходятъ въ Паридово стадо, и отложа природную свою лютость, бѣгаютъ съ агнцами, и взаимнымъ съ оными лизанїемъ свидѣтельствуютъ покорство свое миролюбивой бытїя своего матери. Нимфы вышедшїя изъ лѣсовъ, источниковъ и горъ, составляютъ многїя короводы, наполняя воздухъ всерадостнѣйшими пѣнїями въ честь владычицѣ нѣжнѣйшихъ ихъ сердецъ. Панъ огнеобразный и иныхъ многихъ вещей виды на себя прїемлющїй шествуетъ, играя на семисоставныхъ свирѣляхъ; ему послѣдствуютъ пляшущїя толпы похотливыхъ Сатировъ, производя въ нестройномъ шумѣ смѣхотворныя тѣлодвиженїя. Эолъ повелѣваетъ Борею сокрыться въ глубочайшей пещерѣ; и море немедлѣнно укротя воздымающїяся до облаковъ волны, токмо поверхность свою предаетъ во власть тихому дуновенїю Зефира. Согбенный подъ бременемъ лѣтъ, почтен-

нѣйшій Протей, возшедъ на верхъ водной бездны, желаетъ приближиться къ горѣ сїяющей небесною красотою; но недоумѣвая, въ какой преобразиться приличнѣе видъ, поднявъ густыя свои брови и любуясь прїятнымъ симъ зрѣлищемъ, стоитъ отъ нерѣшимости неподвижно. Угрюмый Нептунъ видя необычайную въ скорозыблемомъ владычествѣ своемъ тишину, отряжаетъ Тритона для освѣдомленїя, какого божества власть содѣлала недвижимою быстротечную его державу. Сей вскорѣ всплывъ на поверхность водъ, и уразумѣвъ причину всемїрныя радости, погружается паки во глубину; и ставъ предъ царя и отца своего съ исполненнымъ веселїя лицемъ, возвѣщаетъ ему трубнымъ гласомъ, что вина толикїя тишины и радости есть изволенїе богини, рожденной въ предѣлахъ державы его отъ бѣлѣйшей водной влажности и купно чистѣйшей Келовой крови. Повелитель водъ разчесавъ волнопитательную свою браду, и прїявъ въ де-

сницу трезубецъ, садится съ Амфитритою на черепаховую колесницу, унизанную необыкновенной величины жемчугомъ, и заложенную двумя делфинами; при чемъ окружается толпою поющихъ Нимфъ. И коль скоро достигъ предѣла солнечныхъ лучей; то оставя колесницу свою вскрай моря, восходитъ съ супругою своею на Олимпъ, откуда всѣ боги и богини по тому же поводу собравшïеся взирали съ восхищенïемъ на прекрасную дщерь древнѣйшаго бога.

Паридъ наслаждаясь зрѣнïемъ небесныя красы, видитъ всѣ члены влекущïе умъ человѣческïй въ сладостнѣйшее забвенïе, и малѣйшïя части тѣла преисполнены любовнаго жара; индѣ зритъ соборъ нѣжностей могущихъ воспламенить и каменныя сердца; а индѣ созерцаетъ живѣйшее изображенïе прелестей играющихъ, и аки взаимно лобызающихся. Наконецъ двигнутъ бывъ вдругъ неизвѣстною нѣкоею силою, отступилъ немного, и поднявъ золотое

яблоко, лежавшее до толѣ на цвѣтахъ предъ тремя богинями, и вручая оное Венерѣ говоритъ: „Прекрасное божество! Тебя едину боги всѣми совершенствами красоты увѣнчали; тебѣ единой и симъ яблокомъ достойно и праведно владѣть.„ Едва скончалъ Паридъ слова сіи, вручивъ яблоко; какъ всѣ три богини поднялись на небо. Первая восходитъ въ вихрѣ и молніи; вторая въ синихъ облакахъ, ударяя въ оныя огненнымъ своимъ копіемъ; а третія въ пресвѣтломъ эфирѣ со сладкопѣніемъ и миромъ, въ сопровожденіи Амура, Зефира и трехъ грацій, наполня землю благоуханіемъ слѣдовъ своихъ.

ПОСЛѢДСТВІЕ
со изъясненіемъ.

Паридъ продолжая вести пастушескую жизнь на горѣ Идѣ, какъ услышалъ, что въ Троѣ учреждено празднество и при ономъ для увеселенія борьба, и что на оную великое множе-

ство благородныхъ юношей изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ для оказанія мужества своего стекалось; то пошелъ и самъ въ Трою, гдѣ вдавшись въ борьбу превзошелъ всѣхъ, кто съ нимъ ни сражался, искусствомъ своимъ и храбростію; всѣ до единаго низложены были имъ. Наконецъ Экторъ, старшій сынъ Пріама царя, сошедшись съ нимъ такой же получилъ выйгрышъ, какой и прочіе борцы. Сей весьма озлобясь, что крестьянской сынъ, какимъ всѣ тогда признавали Парида, побѣдилъ его, немедлѣнно извлекши мечь свой хотѣлъ поразить его онымъ. Но Паридъ ускользнувъ щастливо отъ удара, тотчасъ предъявилъ Эктору нѣкоторыя вещи данныя отъ царицы Экувы воспитателю его, коими и доказалъ, что онъ ему братъ. Пріамъ о всемъ томъ свѣдавъ, и удивляясь великому искуству и храбрости Парида, несказанно обрадовался, что сохраненъ ему толь драгоцѣнный сынъ; обнялъ его со слезами, и взялъ во дворецъ, нимало не памя-

ту́я предвѣщаннаго сномъ Экувы злополучія. Но какъ Паридъ съ младыхъ лѣтъ своихъ приобыкъ къ движенію и трудамъ; то не могъ долго терпѣть придворной роскоши и нѣги. И такъ извѣстясь о всѣхъ обстоятельствахъ двора Пріамова, съ позволенія его, снарядилъ двадцать кораблей; и отправился къ Греческому двору для требованія тетки своей Исіоны, которую Ираклій похитивъ, отдалъ въ жену Теламону. По прибытіи въ Спарту принятъ онъ былъ отъ Менелая и всего двора его съ должнѣйшимъ почтеніемъ и другжелюбіемъ. Но Паридъ увидя въ первый разъ царицу Елену, Менелаеву жену, которая была неописанной красоты, столько ею плѣнился, что позабылъ всѣ дѣла относившіяся до приѣзда его; и по тому отложивъ дружбу мужа, началъ мало по малу вкрадываться въ любовь жены; въ чѣмъ безъ дальняго труда при помощи красоты своей и успѣлъ. На конецъ пользуясь отсутствіемъ Менелая, котораго нечаянно

нѣкоторыя важныя дѣла отозвали на островъ Критъ, увезъ красавицу свою Елену. Сїе раздражило Греческихъ князей, такъ что они немедлѣнно собравшись въ Вїотїйскую Авлиду, единодушно положили поднять оружїе противъ Троянъ; и по томъ вскорѣ собравъ множество кораблей, прибыли къ предѣламъ страны ихъ; гдѣ разоривъ многїе города, на последокъ осадили и стѣны Троянскїя, которыя по десяти лѣтъ пали и съ землею сравнены. — И такъ сонъ Экувы самымъ дѣломъ исполнился. — Паридъ на сей войнѣ убитъ; а Елена по томъ вышла за брата его Дїифова. По окончанїи же войны Менелай взявъ ее, содержалъ въ прежней любви.

Сею баснею стихотворцы весма изрядно изображаютъ, что сладострастная и роскошная жизнь въ началѣ своемъ весела и прїятна; но окончанїе ея почти всегда сопровождается поношенїемъ и пагубою. И такъ всякому человѣку, пользующемуся Юнониными щедро-

тами, т. е. славою, властiю, богатствомъ и проч. неминуемо нужно во всѣхъ случаяхъ требовать совѣта у Минервы, и стараться имѣть оную какъ вѣрнѣйшаго и надежнѣйшаго своего наставника и руководителя въ сей жизни.

IX. Верховный, т. е. неба и земли богъ, Юпитеръ, учредивъ нѣкогда пиръ, пригласилъ на оный всѣхъ прочихъ боговъ. Тогда Купидонъ *) и Момусъ **) встрѣтясь у дверей чертоговъ Юпитеровыхъ, долго спорили о предшествiи. Первой началъ говорить послѣднему весьма учтиво; но сей почитая того ребенкомъ, сталъ ругать; и по тому вскорѣ дошло у нихъ до драки. Момусъ не умѣя никогда шутить, выцарапалъ глаза Купидону, который

*) Купидонъ, прекрасный мальчикъ съ крыльями и колчаномъ, божокъ любви, возлюбленный сынъ Венеры.

**) Момусъ, богъ, который только примѣчалъ глупости братьи своей боговъ, и издѣвался надъ оными.

тогда же приносилъ о томъ жалобу богамъ, кои по общемъ уваженiи и довольномъ соображенiи дѣла со всѣми его околичностями, а также выслушавъ приличные къ тому законы, ПРИКАЗАЛИ: поелику Момусъ лишилъ Купидона зрѣнiя, такого чувства, безъ коего ему ни коимъ образомъ по ремеслу своему обойтися не льзя; то въ замѣнъ свѣта очей его быть Момусу вожатымъ его вѣчно.

Съ того самаго времени Момусъ (глупость или дурачество), всюду сопровождаетъ Купидона (любовь.)

РАЗГОВОРЪ

КУПИДОНА СЪ ДУРАЧЕСТВОМЪ,

или

торжество дурачества надъ любовію.

Дурачеству сказалъ однажды Купидонъ,
Столь жребій щастливый имѣетъ въ свѣтѣ онъ:
„Хоть между малыми божками я считаюсь;
„Но жизнодавцемъ я на свѣтѣ почитаюсь;
„Небесныхъ и земныхъ я жителей должу;
„Межъ смертными и брань и миръ произвожу.
„Чрезъ сильну власть мою и чрезъ мое посредство,
„Есть въ свѣтѣ зло, добро, и щастіе, и бѣдство.
„Меня чтутъ жители небесъ, морей, зѐмли.
„Ты чудеса мои, дурачество! внемли.:
„Юпитеръ для меня оставя тронъ небесный,
„Сошедъ на долъ, взималъ для бога видъ безчестный;
„Онъ былъ златымъ дождемъ, Сатиромъ и орломъ,
„Былъ въ образѣ людей, былъ лебедемъ, быкомъ.
„Но зри моихъ чудесъ еще важнѣйшу силу!
„Я Трою въ прахъ сожегъ, воздвигъ изъ тѣлъ могилу;
„Алкидъ и Александръ и Цесарь, честь вѣковъ,
„Подъ бременемъ моихъ скончалися оковъ;
„Аѳински мудрецы и Римски знамениты,
„Шли у колесъ моихъ попонами покрыты.„
Дурачество прервавъ тутъ Купидона рѣчь,
Сказало: „надобно тебя, мальчишка! сѣчь,

,,Что ты осмѣлился дѣла себѣ присвоить,
,,Которыхъ безъ меня не могъ бы ты устроить,
,,Влюбленными лишь ты героевъ числишь тѣхъ,
,,Которы для твоихъ робяческихъ утѣхъ,
,,Народы, города и царства разоряли;
,,И боги для тебя видъ бренный принимали;
,,Соборъ Аѳинскихъ всѣхъ и Римскихъ мудрецовъ,
,,Во мѣсто вьючныхъ шли въ твоемъ возу ословъ.
,,Тому не ты, а' я главнѣйшею виною;
,,Къ тому принуждены они моей рукою.
,,Безсильный мальчикъ ты, во мнѣ премного силъ.
,,Скажи мнѣ, Купидонъ, кого ты покорилъ
,,Безъ воли моея, твоей въ оковы страсти?
,,А я и безъ твоей совсемъ неважной власти,
,,Премного дѣлаю на свѣтѣ дураковъ,
,,Которые твоихъ не вѣдаютъ оковъ,
,,И о которыхъ я тѣмъ меньше сожалѣю,
,,Чѣмъ больше ихъ въ своемъ владычествѣ имѣю.
,,Возри, о Купидонъ! отъ облаковъ на долъ,
,,Во всѣ страны земли, на возрастъ, чинъ и полъ;
,,Вездѣ подвластныхъ мнѣ премножество увидишь.
,,Но что же хвастовствомъ своимъ меня ты мучишь?
,,Дитя, причтенное ко лику божества!
,,Не можешь надо мной взять въ мірѣ торжества....

ПОТѢШНЫЯ ПОВѢСТЦЫ И МУДРЫЕ ОТВѢТЫ.

1. Великій Александръ имѣя въ плѣну дочерей Персидскаго царя, кои были великія красавицы, говорилъ: крайне опасаюсь, дабы побѣдитъ многихъ народовъ, не быть побѣждену женскимъ поломъ.

2. Діогенъ, стоическій философъ, увидя сына нѣкоей подашливой госпожи, бросавшаго камушки и черепки въ народъ, вскричалъ: берегись, другъ мой, чтобъ тебѣ не зашибить въ народѣ своего отца.

3. Нѣкая молодая и пригожая барыня разговаривая въ бесѣдѣ о дамскихъ уборахъ, сказала: нынѣчи дорого все, такъ что приходится намъ ходить нагимъ. — Къ сему примолвилъ одинъ забавникъ: это бы для насъ, сударыня, пріятнѣйшимъ было предметомъ.

4. Нѣкто вопрошенъ бывъ отъ своей жены: для чего онъ не испытаетъ щастія своего въ лотареи? отвѣчалъ: другъ мой! тамъ одни рогоносцы счастливы. — Ахъ, батюшка, вскричала жена, пожалуй сдѣлай испытаніе, я крѣпко надѣюсь, что тебѣ хорошій выдетъ лотъ.

5. Нѣкто изъ офицеровъ разговаривая на единѣ съ хозяйкою своей квартиры, вздумалъ для объявленія ей своего желанія, положить на одинъ свой глазъ червонецъ, а другимъ смотрѣть на нее. Она тотчасъ узнавъ его намѣреніе, сказала: государь мой! любовь вить не кривая, но слѣпая. *Догадливому офицеру открыта была тѣмъ дорога.*

6. Двое, изъ коихъ одинъ ходилъ на деревяшкѣ, посѣщали нѣкую вдову. А какъ она показалась съ плодомъ; то они начали спорить, чье будетъ дитя? Наконецъ колченогой сказалъ: ежели родится дитя съ деревяшкою; то будетъ мое; а безъ нее твое.

7. БратЪ былЪ игрокЪ; не льзя сестрицѣ не кру-
шиться;
И льзя ли унимать его ей укрѣпиться;
Когда онЪ день и ночь безЪ милости моталЪ? —
УжЪ полЪ имѣнія ты, братецЪ, проигралЪ,
Журила игрока сестра, и вопрошала:
Дождусь ли, чтобЪ тебѣ игра противна стала? —
БратЪ ей отвѣтствовалЪ: какЪ станешь отставать,
Сестрица, отЪ любви; закаюся играть;
И вЪ постоянствѣ жить потомЪ мы будемЪ оба. —
Сестра ему на то: мотать тебѣ до гроба....

8. Шестидесяти или пятидесяти лѣтняя барыня любя двадцати лѣтняго щеголя шляхтича, подарила ему богатую деревню. Одна молодая госпожа будучи той своя, по смерти ея имѣла съ нимъ процессъ о томъ подаркѣ. — Государь мой! сказала она ему нѣкогда въ судѣ, вамъ досталась ета деревня весьма за дешевую цѣну. — Шляхтичь отвѣчалъ ей: сударыня! я вамъ се уступлю, ежели угодно, за ту же цѣну.

9. Леонидъ, Лакедемонской мудрецъ, взялъ за себя жену весьма малаго роста. Пріятели его спросили у него; для чего онъ будучи человѣкъ разумный, выбралъ себѣ карлицу? — Друзья

мои, сказалъ онъ имъ, я признавъ за необходимость жениться, заблагоразсудилъ выбрать изъ зла, сколь можно самое меньшее.

10. Откупщикъ сказалъ женѣ своей, что онъ слышалъ, будто всѣ мужья въ посадѣ ихъ, кромѣ одного, рогоносцы; а при томъ спросилъ ее: какъ ты думаешь, душинька, кто бы ето таковъ былъ? — Трудненько узнать, свѣтъ мой, отвѣчала она.

11. Одинъ молодецъ сказалъ своей женѣ на первой ночи: ежели бы я такъ зналъ тебя прежде; то бы отнюдь на тебѣ не женился. -- Ето правда, отвѣчала она, я сама то думала; по тому что меня уже разъ пять прежде обманули; и я опасалась болѣе въ такой обманъ вдаваться.

12. Вчера свершился мой, жена, съ тобою бракъ;
Что я хотѣлъ найти; не сдѣлалося такъ. —
Жена ему на то: не тѣ ужъ нынѣ годы!
Трудненько то найти; что вывелось изъ моды.

13. Нѣкоему человѣку, находившемуся при дворѣ Французскомъ, многие

насмѣхалися, что онъ безсиленъ; но онъ нимало не хотѣлъ въ томъ признаться. Нѣкогда встрѣтясь онъ съ однимъ изъ тѣхъ насмѣшниковъ, и имянно съ стихотворцемъ Бенсерадомъ, сказалъ ему надмѣнно: знаете ли вы, негодные порицатели, что на сихъ дняхъ жена моя родила сына. — Поздравляю, сударь, отвѣчалъ стихотворецъ; да о вашей женѣ никогда мы и не сумнѣвались.

14. Напрасно, муженекъ, грустишь и унываешь,
Что я люблю другихъ; вишь ты не убываешь.
Робятокъ полонъ домъ, спокойся и нишни.
Какая убыль то, когда не сѣя жни? . . .

15. Одна молодая дѣвица читала въ романической книжкѣ нѣжной разговоръ, происходившій долгое время наединѣ у волокиты съ его любовницею, кои равно пылали страстію другъ къ другу. — Куды какъ глупы господа сіи любовники! вскричала она брося съ сердцемъ ту книжку на столъ; къ чему столько разговоровъ, когда они уже были наединѣ?

16. Нѣкая принцесса разговаривая съ Марокскимъ посломъ, между прочимъ смѣялась многоженству Магометанъ. — Мы бы, сударыня, сказалъ посолъ, имѣли по одной женѣ, ежели бы онѣ были таковы, какъ вы.

17. Старая и безобразная госпожа, нарядясь какъ молодая щеголиха, пріѣхала въ театръ. Чужестранецъ сидя подлѣ молодова человѣка, и увидя ее, спросилъ у него смѣючись, не зная, кто онъ таковъ: Не смѣшна ли вамъ кажется эта старуха въ такомъ нарядѣ? — Я бы то же подумалъ, отвѣчалъ онъ, ежели бы она не была моя мать.

18. Нѣкто женившійся на кокеткѣ, сказалъ одному мудрецу въ насмѣшку: хотя тебя почитаютъ за преученаго; но не думаю, чтобъ ты зналъ что либо совершенно. — Ошибаешься, другъ мой, отвѣчалъ мудрецъ; я совершенно знаю то, что ты съ рогами.

19. Изрядное признаніе одной непостоянницы мужу своему:

Я друга твоего люблю, зракъ твой любя;
Его лобзаючи, лобзаю я тебя.
Едина въ васъ душа, извѣстно мнѣ то дѣло;
Такъ думается мнѣ, одно у васъ и тѣло.

20. Мужъ сказалъ женѣ своей, что онъ весьма любитъ книги. Она ему на то: я бы очень желала сдѣлаться книгою, чтобъ быть предметомъ толь сильной твоей страсти. — Онъ примолвилъ: такъ я бы хотѣлъ имѣть тебя календаремъ: — — *Прим. Сіи книги, что годъ, перемѣняются.*

21. Двухъ ссорившихся кокетокъ спросилъ знакомецъ ихъ: о чемъ вы бранитесь? — О честности, отвѣчали онѣ. — Жаль, примолвилъ тотъ, что вы ни за что взбѣсились.

22. Разговоръ между волокитою и красавицею его. — *Кр.* Не шутя пожалуй скажи, любишь ли ты меня? — *Вол.* Безъ сумнѣнія люблю, и такъ какъ подьячіе взятки и понить; а ты меня любишь? — *Кр.* Я тебя люблю, какъ скряги деньги. — *Вол.* А я какъ врачи любятъ имѣть болѣе больныхъ. — *Кр:*

Но я, какъ попы любятъ похороны, и какъ шляхтичи любятъ погулять, помошать и презирать всѣхъ тѣхъ, кои не имѣютъ чести слыть дворянами. — *Вол.* А я, какъ начальники любятъ своенравіе. — *Кр.* Но я, какъ комедіанты любятъ по царски наряжены быть во время большихъ собраній; и какъ картежники любятъ искусно пособіемъ плутней своихъ кого либо обыграть, и тѣмъ снискать отъ братьи своей почтеніе. — *Вол.* Стой, довольно! я уже не могу болѣе любить.

23. Нѣкто женился на дѣвушкѣ, которая гораздо за долго до урочнаго времени родила другую; и по разнесшемуся о семъ слуху, иные говорили, что онъ женился на кобылѣ съ жеребенкомъ; другіе твердили, что плодъ его очень рано поспѣлъ; но одинъ балагуръ сказалъ: не то вы всѣ говорите; онъ очень поздо съигралъ свою свадьбу.

24. Злонравная женщина просила благонравную открыть ей секретъ: какимъ образомъ снискиваетъ она любовь

своего мужа? — Такимъ, отвѣчала сія: я дѣлаю все то, что ему нравится; и сношу терпѣливо все то, что мнѣ не нравится.

25. Одинъ Голандской попъ бывъ нѣкогда пьянъ, принялся колотить жену свою весьма небережно. Сосѣди на крикъ ея сбѣжавшись, начали журить его за то, и при томъ укорять, что онъ долженъ паче другихъ укрощать свои страсти, и быть примѣромъ благочинія. Мнѣ крайне удивительно, сказалъ имъ пресвитеръ, что вы меня въ томъ вините, не зная, что я по ученію и примѣру апостольскому *наказую плоть мою и во послушаніе плѣняю; ибо мужъ и жена суть два во плоть едину.*

26. Турецкаго посла посѣтили нѣгдѣ и нѣкогда многія придворныя дамы, бывъ чрезмѣрно разрумянены. Тогда спросилъ его нѣкто, которая ему изъ нихъ пригожѣе кажется? — Онъ отвѣчалъ: сего сказать не могу; ибо я въ живописи не знатокъ.

27. Нѣкто въ насмѣшку госпожѣ, которая пріѣхавъ къ нему въ домъ на балъ, непомѣрно величалась знатностію своею, богатствомъ и велерѣчіемъ, подозвалъ къ себѣ слугу своего, и сказалъ въ слухъ: господинъ мой лакей, доложи господину моему кучеру, чтобъ онъ изволилъ пару госпожъ англезированныхъ моихъ кобылъ заложить въ госпожу мою карету.

28. Кто-то пришедъ въ домъ славнаго живописца, и увидя дѣтей его, кои всѣ были безобразны, сказалъ: удивительно, портреты ты дѣлаешь прекрасные, а дѣти у тебя всѣ дурны! — Живописецъ смѣясь отвѣчалъ: чему дивиться? вить одно дѣлается днемъ, а другое ночью.

29. Одинъ холостой совѣтовалъ Философу Епиктиту жениться, представляя, что то весьма прилично мудрецамъ. — Когда такъ, сказалъ сей, то пожалуй выдай за меня свою дочь.

30. Спросили нѣкоторую профессоршу: по чему она бездѣтна, имѣя

уже давно молодаго и дороднаго мужа? —Она отвѣчала: признаюсь, мужъ мой искусенъ въ математикѣ; но токмо не горäздъ въ одномъ правилѣ . . . *умноженія*.

31. Нѣкій (иностранный) попъ невѣжа, но въ прочемъ весьма ревнительный о душевной пользѣ духовныхъ чадъ своихъ, вздумалъ по духовенству пожурить костылемъ своимъ одну замужнюю женщину за многократное оскверненіе брачнаго ложа. Но мужъ ея стоя не далеко отъ того мѣста, коль скоро услышалъ визгъ жены, не зная однакожъ, за какіе именно грѣхи она страждетъ, кинулся опрометью къ духовнику и сказалъ: батюшка! она очень нѣжна; ежели тебѣ угодно, я вытерплю за нее все.—Духовникъ раздраженъ бывъ паче сею глупостію его, тотчасъ обратясь началъ учащать удары по спинѣ его (разумѣется и за то и за сіо). — А баба вскричала: бей его друга, отче! крѣпче, ради меня окаянной многогрѣшницы.

32. А другой подобный же тому по видимому драчунъ пасторъ, поссорясь на пирушкѣ съ нѣкоей бабой, которая ходила къ нему на духъ, грозилъ ее поколотить; но она озлобясь тѣмъ болѣе и хлопая себя по бедрѣ рукою, сказала: дай богъ ей здоровье, я тебя ни мало не трушу. — На сïе пасторъ: поди ну къ чорту плюха. — А она вдругъ залившись слезами, вскричала: извольте, добрые люди, прислушать, онъ открылъ мою исповѣдь.

33. Нѣкто изъ женатыхъ разговаривая въ бесѣдѣ о женщинахъ, на конецъ сказалъ: у насъ во всемъ городѣ не было и нѣтъ честной жены. — И такъ неминуемо, подхватилъ другой, должно быть одно изъ двухъ справедливо; или у тебя такая мать и жена, или ты солгалъ.

34. Конрадъ III. избранный Императоромъ въ 1138 году, осадилъ Вейспергъ, городокъ герцога Витембертскаго. Сей Герцогъ, бывшïй въ числѣ противниковъ избранïю Конрада, запершись

съ женою своею въ опомъ городкѣ, защищался отъ нападенія его съ героическою храбростію; но на конецъ преодолѣнъ бывъ превосходною силою, сдался. Разъяренный Конрадъ хотѣлъ все предать огню и мечу; но умилосердясь надъ женами, дозволилъ имъ выйти изъ городка и вынести на себѣ все свое сокровище. Герцогиня тотчасъ воспользовалась симъ позволеніемъ; она взяла на плеча мужа своего, что и гражданки учинили, и такимъ образомъ пошли всѣ изъ городка, говоря, что у нихъ ничего нѣтъ въ свѣтѣ дороже сего. Императоръ увидя шествовавшихъ гражданокъ подъ предводительствомъ Герцогини съ сими ношами, столь удивленъ и тронутъ былъ тѣмъ, что простилъ всѣхъ жителей и Герцога.—— ——*Рѣдкая любовь!*

35. Одна преболтливая госпожа, спросила у лѣкаря: отъ чего у ней зубы падаютъ? — Отъ того сударыня, отвѣчалъ онъ, что вы часто языкомъ своимъ колотить ихъ изволите.

36. Нѣкая (иностранная) княжна; изживъ весь свой вѣкъ дѣвицею, на конецъ ослѣпла. Нищій слѣпецъ, когда она проходила мимо его, вскричалъ: подайте Христа ради мнѣ бѣдному, который лишенъ всѣхъ мірскихъ веселостей. — Княжна услышавъ сіе, спросила у служанки своей: что это за человѣкъ, не евнухъ ли? — Нѣтъ сударыня. . . . Это нищій слѣпой, отвѣчала служанка. — Ахъ бѣдной человѣкъ! примолвила княжна, а я думала другое.

37. Императоръ Адріанъ спросилъ Епиктита, для чего представляется Венера (языческая богиня любви) всегда нагая? — Для большаго къ ней почтенія, отвѣчалъ философъ, а паче для того, что она обыкновенно дѣлаетъ тѣхъ почти нагими, кои потѣхами ея и забавами весьма много занимаются.

38. Одинъ молодецъ женясь незавѣдомо на весьма непостоянной дѣвкѣ, и узнавъ то, всемѣрно старался ее исправить. Но не видя въ томъ ни малѣйшаго успѣха, жаловался отцу ея съ

тѣмъ, что онъ намѣренъ развестись съ нею. Тѣсть во утѣшенїе зятю сказалъ: надобно, другъ мой, потерпѣть; мать ея была такова же, и я не могъ также найти никакого средства; а на 60 году сама исправилась; и такъ думаю, что и дочь ея въ тѣ лѣта узнаетъ стыдъ и остепенится.

39. Нѣкоему господину случилось быть съ молодою своею супругою въ бесѣдѣ. Но какъ тамъ прочїя барыни между собою разговаривали, какъ говорится, изъ пустова въ порожнее пересыпали; то и сей госпожѣ захотѣлось показать себя въ томъ ремеслѣ не незнающею; по чему начала она между прочимъ, когда мужъ ея присѣлъ къ нимъ, расказывать о хитростяхъ, какїя нѣкоторый кавалеръ употреблялъ для входу ночью въ спальню любимой имъ барыни въ небытность ея мужа; но по нещастїю, продолжала она, въ одно время какъ они были на единѣ наслаждаясь взаимною любовїю, вдругъ мужъ сталъ стучаться у воротъ; пред-

ставте себѣ, сударыни, примолвила она тяжко вздохнувъ, въ какомъ тогда находилась я смущенiи! — — Мужъ ея сгорѣлъ со стыда, а и она, я думаю, тоже. *Вотъ послѣдствiе непомѣрной болтливости женской! Сами себѣ и нехотя измѣняютъ.*

40. Одинъ молодецъ влюбленъ бывъ страстно въ дѣвицу, и увидясь съ нею невзначай въ саду, спросилъ ее вдругъ: позвольте сударыня узнать, какими путями достигнуть можно вашей спальни? — Церковiю, отвѣчала она.

41. Престарѣлый дворянинъ ѣхавъ изъ одного села въ другое, и встрѣтясь на дорогѣ съ пригожею кресшьянкою, которая гнала передъ собою свинью, сказалъ ей: куда ты идешь красавица? — Въ село Марьино, отвѣчала она. — Знаешь ли ты голубушка тамъ барышню У. В.? — Какъ не знать сударь. — Такъ буде она дома, пожалуй отнеси ей мой поцелуй; а между тѣмъ хотѣлъ было ее поцеловать. — Но она оттолкнувъ его по кресшьянски, не очень бе-

режно, сказала: изволь сударь послать сей подарокъ съ моей свиньей, она туда прежде меня прибѣжитъ.

42. Мужикъ неутѣшно плакалъ и тужилъ, что жена его удавилась на грушѣ въ его огородѣ. Сосѣдъ увидя его въ такомъ отчаянии, сказалъ ему на ухо: какъ тебѣ нестыдно, братъ, такъ крушиться; тебѣ бы должно радоваться; дай мнѣ пожалуй прививочекъ той груши; авось либо и у меня въ огородѣ такіе же будутъ плоды.

43. Одна баба преструсной фигуры спросила мужа своего: кого бы мнѣ изъ твоей родни посѣщать? — Кого хочешь, отвѣчалъ онъ; лишь бы ты меня избавила своего присутствія.

44. Одинъ поселянинъ
Приѣхалъ къ сроднику въ какой то городокъ;
И въ тотъ же день спросилъ: скажи-ка, мой дружокъ,
Какую должность тутъ, родимой мой, несешь/——
Велику, отвѣчалъ, чего не разумѣешь.——
Однакъ скажи, чтобъ я извѣстенъ былъ о ней.——
Изволь скажу: жену и восмеро дѣтей.

45. Нѣкая женщина не терпя болѣе докукъ подлипалы, старавшагося вкрасться въ сердце ея, наконецъ сказала ему: я бывъ робенкомъ, повиновалась моей матери; на возрастѣ слушалась отца моего; а теперь покорна моему мужу; и такъ ежели ты хочешь получить отъ меня что либо, то посовѣтуй съ нимъ.

46. Нѣкая барыня, коль скоро услышала, что мужъ ея убитъ на войнѣ, вскричала: *ахъ какъ я бесчастна! подайте поскорѣе кофию.* А выпивъ онаго чашку, тотъ часъ стала весела.

47. Мужъ спрашивалъ у умирающей жены своей: на комъ бы ему по смерти ея жениться? — На чортовой матери, отвѣчала она. — А онъ: нѣтъ, сіе противно закону; ибо я теперь женатъ на ея дочери.

48. Знатной господинъ крайне влюбясь въ пригожую и постоянную мѣщанку, сказалъ ей: Ваши качества для меня прелюбезны. — На сіе она: такъ пожалуйте не подвергайте меня опасно-

сти лишиться того, что вы во мнѣ столько любите.

49. Одинъ богатой старикъ женясь на пригожей дѣвицѣ, не выжилъ и года. Бывъ еще боленъ почувствовалъ, что онъ болѣе не жилецъ; и для того призвавъ жену свою говорилъ ей: душа моя! ты видишь, что я тебя оставляю; знаю, что не возможно тебѣ по смерти моей пробыть безъ замужства; но прошу тебя не выходить за (*такого то*) человѣка, ибо я понынѣ его ненавижу; и для того умру въ отчаянїи; ежели ты не дашь мнѣ въ томъ честнаго слова. — Пожалуй свѣтъ мой, отвѣчала жена, съ покоемъ умирай; я тебя увѣряю, что хотя бы и хотѣла я вытти за него, но не можно мнѣ того сдѣлать; по тому что я уже за другова помолвила.

50. Нѣкто поссорясь съ одною дѣвицею, назвалъ ее скурю́хою. А хотя онъ назвалъ ее и справедливо; однако трудно ему было то доказать. Дѣвица разсердясь болѣе, нежели онъ солгалъ

(ибо нѣтъ обиднѣе той укоризны, которая бываетъ справедлива) взяла свидѣтелей и позвала его въ судъ, въ которомъ приказано ему было или доказать, что она подлинно такова, какъ онъ ее назвалъ; или признать ее честною. Весьма больно ему было признать ея честность; но для избѣжанія дальнѣйшихъ по суду хлопотъ, во удовольствіе ея рѣшился избавиться стыда сими двусмысленными словами: я тебя назвалъ скуріохою, это правда, ты честная дѣвица, я солгалъ. — Истица не растухавъ таковаго отвѣтчикова признанія, тотъ же часъ подписала удовольствіе свое.

51. Двое молодцовъ, изъ коихъ одинъ былъ богатъ а другой убогъ, сваталисъ къ нѣкоторой дѣвушкѣ. И какъ отецъ отдалъ ее за послѣдняго; то нѣкоторые изъ пріятелей его спросили у него: по чему онъ не отдалъ за богатаго? — Для того, сказалъ онъ имъ, что богатой недальнаго ума, можетъ сдѣлаться убогимъ; а убогой будучи

человѣкъ разумной, удобно можетъ сдѣлаться богатымъ.

52. Нѣкто не терпя болѣе бѣшенаго нраву жены своей, билъ ее, такъ что распроломалъ ей всю голову. Потомъ призвавъ лѣкаря, просилъ его о излѣченіи ранъ ея, во что бы то ни стало. Жена видя, что сии побои весьма дорого стали мужу, навѣрно положила, что онъ впредь не будетъ ее такъ увѣчить. Но какъ она со всемъ оправилась; то мужъ спросилъ врача, сколько ему надобно за работу. Сей потребовалъ 50 рублей. — Изволь возми ихъ, отвѣчалъ мужъ, да вотъ тебѣ еще 50 рублей въ передъ на случай, ежели женѣ моей еще захочется такъ же быть битой.

53. Одинъ сорванецъ бывъ на исповѣди, между прочими грѣхами, въ коихъ онъ каялся, сказалъ духовнику, что онъ лишь теперь побилъ свою жену. Духовникъ спросилъ у него тому причины; и онъ отвѣтствовалъ: я имѣю такое обыкновеніе, по причинѣ что у меня

память весьма плоха; когда я поколочу жену, то она попрекает меня всѣмъ тѣмъ худымъ, что ей случилось видѣть въ моей жизни; и для того-то я и теперь то сдѣлалъ, чтобъ мнѣ лучше можно было расказать тебѣ, батюшка, всѣ грѣхи свои.

54. Нѣкій въ Англіи дворянинъ весьма часто ѣзжалъ въ Лондонъ, оставляя одну въ деревнѣ жену свою, которая была красавица. Въ отсутствіе его одинъ молодой извощикъ весельчакъ и собою гораздо недуренъ, посѣщалъ ее. Коль скоро сіе дошло до ушей мужа; то онъ божился, что убьетъ того плута, лишь бы онъ гдѣ нибудь ему попался. По прошествіи нѣкотораго времени случилось сему господину быть на полѣ, гдѣ нѣкто сказалъ ему: вотъ тотъ плутецъ, отъ котораго вы носите на себѣ имя *кокю.* (*) Дворянинъ подошедши къ нему, сказалъ: бездѣльникъ, я слышалъ, что ты

(*) Такъ называются тѣ мужья, у коихъ жены имѣютъ иныхъ, побочныхъ мужей; и такъ *кокю,* то же что съ рогами или рогатый.

въ отсутствіе мое видишься съ моею женою, и что ты сдѣлалъ меня кокю. — Ето правда сударь, отвѣчалъ извощикъ; да что бы въ томъ за бѣда была? — Еще что бы за бѣда была! примолвилъ дворянинъ, а такая бѣда, что ежели бы ты мнѣ не признался, то бы я тебѣ теперь же распроломалъ голову.

55. За нѣкіимъ дворяниномъ, ѣхавшимъ верьхомъ бѣжала собачка, называемая Кокю, которая увидѣвъ на одномъ дворѣ сучку, побѣжала туда за нею въ растворенныя ворота. Господинъ подъѣхавъ къ тѣмъ воротамъ, началъ кликать ее по имени: кокю, кокю, сюда. Хозяйка сего дома услышавъ то, выбѣжала къ нему и стала порицать его бездѣльникомъ и безчестнымъ человѣкомъ, сказавъ на конецъ: какъ ты смѣешь называть мужа моего кокю. — Вы ошибаетесь сударыня, отвѣчалъ ей дворянинъ; я не мужа вашего такъ называю, а свою собаку. — Тѣмъ еще большей достоинъ ты брани, примолвила хозяйка, что собакѣ даешь человѣческое имя.

56. При дворѣ королевы Елисаветы былъ презабавный шутъ, Пацъ. Онъ пришелъ нѣкогда во дворецъ, и дамы всѣ вскричали: ну! Пацъ, мы теперь желаемъ слышать о нашихъ шалостяхъ. — Перестаньте, отвѣчалъ онъ имъ, я не привыкъ болтать того, о чемъ уже весь городъ говоритъ, какъ въ набатъ бьетъ.

57. Нѣкій портной, которой на одинъ глазъ былъ кривъ, возвратился домой, прежде нежели жена его ожидала. А какъ она въ отсутствіе его забавлялась съ любезнымъ своимъ дружкомъ; то и встревожилась было тѣмъ. Однакожъ вскорѣ пришедъ въ себя, поднялась на хитрости; такъ какъ обыкновенно женщины въ подобныхъ сему случаяхъ бываютъ непомѣрно догадливы и увертливы. Она увидя мужа своего, бѣжитъ къ нему опрометью, бросается на шею, и зажавъ рукою зрячій его глазъ говоритъ: ахъ! свѣтъ мой, мнѣ грѣзилось прошедшую ночь, будто ты и другимъ глазомъ видишь, правда ли

то? — Между тѣмъ угодникъ ея изъ дверей въ двери да со двора.

58. Нѣкій мужъ билъ свою жену за упрямство. Она по претерпѣніи нѣсколькихъ ударовъ притворилась мертвою. По томъ мужъ призвавъ къ себѣ сосѣда, спрашивалъ у него умышленно: что бы онъ присовѣтовалъ ему дѣлать съ покойницею: — Сосѣдъ сказалъ ему: надобно содрать съ нее кожу; ибо я слыхалъ, что кожа со злой жены содранная весьма дорого покупается. — Пожалуй сдери себѣ, буде изволишь, я тебѣ ее уступаю, примолвилъ мужъ. — Сосѣдъ коль скоро началъ для того точить ножъ; то тотъ часъ жена ожила.

59. Нѣкоторая женщина, бывъ токмо одинъ мѣсяцъ за мужемъ, родила робенка. Мужъ ея тотъ часъ побѣжавъ къ столяру, заказывалъ сдѣлать 12 колыбелей. Столяръ удивляясь необычайному сему заказу, спросилъ у него тому причины. — Я хочу, отвѣчалъ онъ, на цѣлой годъ запастись колыбелями;

по тому что жена моя каждой мѣсяцъ, какъ видно, приноситъ мнѣ будетъ по робенку.

60. Богатаго отца дочь, невѣста, спросила у бѣдной дѣвицы съ насмѣшкою: что бы она принесла будущему мужу своему въ приданое? — Дѣвство, отвѣчала сія.

61. Пиѳонъ, ораторъ Византійскій, желая междуусобіе въ народѣ прекратить велерѣчіемъ своимъ, появился для того въ надлежащемъ мѣстѣ. Но какъ онъ чрезвычайно былъ толстъ; то народъ, лишь только увидѣлъ его, началъ смѣяться. Хитрой же сей ораторъ получа отъ того смѣху матерію своей рѣчи, началъ оную такимъ образомъ: вы смѣетесь толстотѣ моей; но послушайте, я имѣю жену, которая гораздо еще толще меня; когда мы бываемъ согласны, то одной кровати довольно для насъ; а когда произойдетъ между нами раздоръ, то и цѣлой домъ вмѣститъ насъ не можетъ.

62. Нѣкогда Сократъ по долгомъ терпѣніи ворчанія жены своей, вышелъ изъ дому и сѣлъ за воротами подъ окномъ, чтобъ не слышать больше ея бѣшенства. Разъяренная жена видя, что крикъ ея не могъ поколебать его твердости, вылила ему на голову полный по́гачи горшокъ. Мимошедшій народъ увидя то, смѣялся бѣдному Сократу; но сей мудрецъ усмѣхнувшись въ отвѣтъ сказалъ: я весьма сумнѣвался, чтобъ послѣ толь жестокаго грому не было дождя.

63. Гіерону тиранну выговаривали, что у него изъ роту воняло. По чему онъ журилъ жену свою: для чего она давно о томъ ему не сказала? — А я думала, отвѣчала она, что и отъ всѣхъ мужчинъ такъ же воняетъ, какъ отъ тебя.

64. Меценатъ, фаворитъ Августа Кесаря, бывъ на обѣдѣ у одного Римскаго Кавалера, началъ при концѣ онаго пошаливать съ женою его. Кавалеръ вмѣсто того, чтобъ показать свое

неудовольствїе, для вящшаго ему угожденїя притворился спящимъ; но увидя, что одинъ изъ слугъ его хотѣлъ унесть какую-то вещицу изъ буфета, сказалъ ему: бездѣльникъ, или ты не видишь, что я сплю только для Мецената.

65. Аристиппъ философъ, бывъ порицаемъ, что имѣлъ жену, сказалъ: что же бы и въ томъ было, ежели бы она не имѣла меня?

66. Въ нѣкоей бесѣдѣ за ужиномъ, гдѣ былъ Римской ораторъ и философъ Цицеронъ, одна весьма пожилая женщина, изъ первыхъ гостья, между прочимъ завела разговоръ о своихъ лѣтахъ; и крѣпко при томъ спорила, что ей нѣтъ болѣе 40 лѣтъ отъ роду. Услыша сїе одинъ Цицероновъ прїятель, не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему на ухо, что сїя женщина гораздо старѣе, нежели она молодится, и конечно ей болѣе 50 лѣтъ. — Для чего тому не вѣрить, отвѣчалъ Цицеронъ въ слухъ; ибо болѣе уже десяти лѣтъ, какъ она меня въ томъ увѣряетъ.

67. Метеллъ, сынъ матери такой, которая къ волокитству была склонна, вздумавъ нѣкогда посмѣяться надъ Цицерономъ въ томъ, что сей рожденъ въ низкомъ состояніи, спросилъ у него: кто бы такой отецъ твой былъ? — Цицеронъ тотчасъ обратилъ вопросъ сей такимъ образомъ: твоя мать сдѣлала такъ, что тебѣ гораздо трудно угадать, кто бы такой былъ твой отецъ?

68. Алфонсъ, король Аррагонской, признавалъ великими дураками тѣхъ мужей, которые стараются искать сбѣжавшихъ отъ себя женъ. Причину сему полагаетъ Геркулесъ Рангоній такую, что сіи люди ищутъ собственнаго своего скаредства и мерзости.

69. Нѣкто женился на хромой женщинѣ. А какъ пріятели его тому смѣялись, и называли его глупцомъ; то онъ сказалъ имъ нѣкогда: я не для того женился, чтобъ мнѣ на охоту ѣздить на ней.

70. Нѣкій вдовецъ женился на вдовѣ. Вскорѣ послѣ брака ихъ произошла между ими во время обѣда ссора. Жена во изъявленіе презрѣнія своего къ мужу, отрѣзала отъ поставленной на столѣ части мяса половину, и подала стоявшему подъ окномъ нищему, говоря: прими за любовь перваго моего мужа. — Мужъ тотчасъ схватилъ оставшуюся половину мяса и тому же нищему подалъ съ сими словами: а это прими за любовь первой моей жены. И такъ несогласіе принудило ихъ поѣсть хлѣба съ квасомъ. — Нѣкоторые дѣлаютъ замѣчаніе, что таковой второй бракъ рѣдко бываетъ удаченъ.

71. Демосѳенъ мудрецъ бывъ нѣкогда вопрошенъ: на какой бы дѣвицѣ надлежало жениться? отвѣчалъ: на богатой, чтобъ тебя содержала; на знатной, чтобъ прославляла; на молодой, чтобъ служила; на пригожей, чтобъ нравилась; на стыдливой, чтобъ тебя не обманывала.

72. А нѣкто изъ стихотворцевъ проповѣдуетъ:

Ты будущей себя женою утѣшаешь;
Какую взять тебѣ? усердно вопрошаешь. —
Возми богатую, такъ будешь ты богатъ;
Возми большой родни, боярамъ будешь братъ;
Возми разумную, любви къ похвальной страсти;
Возми прекрасную, тѣлесной ради сласти. —
А ты отвѣтствуешь: хочу имѣть покой. —
Такъ лучше не бери пожалуй никакой.

73. Нѣкая женщина, по лѣтамъ уже бабушка, глядѣлась почти безпрестанно въ зеркало, и всякой разъ разговаривая съ собою спорила какъ будто со многими; что всѣ признавать ее должны непремѣнно красавицею. На послѣдокъ какъ-то въ худой часъ взглянувъ она въ зеркало, и увидѣвъ себя въ самомъ дѣлѣ безобразною, впала въ такую печаль и отчаяніе, что вскорѣ лишилась и послѣдняго ума.

74. Лаида была превосходной красоты всеобщая любовница въ Сициліи. Она пріѣхала ради прибытку въ Коринѳъ, куда знатнѣйшее дворянство изъ всей Греціи собиралось; желая на-

сладиться ея прелестями; но допущены были къ ней только тѣ, у коихъ золото и серебро было въ такомъ излишествѣ, что не могли придумать, на что то и другое тратить; ибо красоту свою продавала она на одну только ночь не меньше 10,000 драхмъ золота; и для того многїе роскошнѣйшїе богачи устрашены бывъ необычайною сею цѣною, возвращались въ домы свои безъ всякаго успѣха. Напослѣдокъ Лаида переѣхавъ отсюда съ тѣмъ же промысломъ въ Ѳессалїю, столько любима была тамъ молодыми людьми, что домъ, которой она занимала, кропили они всякой день благовонными водами. Ѳессалїйскїя женщины видя красотѣ своей отъ того подрывъ, и по тому снѣдаемы бывъ завистїю, заманили нещастную сїю прелестницу въ Веперинъ храмъ во время празднества, когда мужчинамъ возбранено было туда входить, и тотъ часъ предали ее тамъ смерти.

75. Мелитидъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ щастливѣйшихъ дураковъ,

которыхъ Омиръ, начальникъ Греческихъ стихотворцевъ, стихами своими прославилъ. Пылкость ума его познается изъ того, что онъ во всю жизнь свою счету свыше пяти не могъ научиться; а проворство его и того еще превосходнѣе было; ибо онъ женясь не смѣлъ къ новобрачной женѣ своей прикоснуться, опасаясь, чтобъ она матери своей въ томъ на него не пожаловалась.

76. Въ древнія времена въ Римѣ была публичная любовница Паннія, которая казалась всѣмъ, когда одѣта была богато, превосходною красавицею, а въ противномъ случаѣ сборищемъ всякаго безобразія. Но при всемъ томъ умѣла она наибогатѣйшаго Римскаго откупщика Ѳалла разорить въ конецъ.

77. Сафа была именитая Греческая стихотворица, изобрѣтательница стиховъ, кои по имени ея называются Сафическіе. Она въ любовной страсти столь горяча была, что никакой въ томъ умѣренности не знала; и часто въ случаѣ любовныхъ огорченій не токмо

ни какихъ совѣтовъ не принимала, но лучше желала не имѣть вовсе разума, нежели лишиться любимаго предмета и стремленія влекущаго къ сладостнымъ утѣхамъ. Любовниковъ хотя и многихъ она имѣла; но первое мѣсто въ сердцѣ ея занималъ Ѳаонъ, которой однакожъ не столько къ ней, сколько къ дочери ея мыслями своими цѣлилъ.

78. Римскій Губернаторъ Тарквиній VI распаленъ бывъ зазорною страстію къ Лукреціи, женѣ великой красоты и цѣломудрія, но не возмогши склонить ее добровольно ни коимъ образомъ, рѣшился напослѣдокъ употребить насиліе. Онъ вошелъ въ отсутствіе мужа въ спальню ея съ обнаженнымъ мечемъ въ то время, когда она лежала на постелѣ; и тотчасъ бросившись къ ней, грозилъ ей неизбѣжною смертію, ежели она не покорится желаніямъ его; и при томъ говорилъ, что онъ тутъ же кого либо изъ слугъ ея убьетъ, и мертвыхъ обоихъ ихъ положитъ вмѣстѣ подъ пред-

логомъ, якобы она поимана имъ въ прелюбодѣйствѣ съ тѣмъ слугою. Лукреція устрашена бывъ сими словами болѣе нежели смертію, для избѣжанія ложнаго онаго безчестія, принуждена была уступить стремленію скверной души его. На другой день созвавъ она родителей своихъ, мужа и всѣхъ пріятелей, и вдругъ заливщись слезами, открыла во всей подробности случившееся съ нею на канунѣ. Потомъ вынувъ поспѣшно изъ подъ полы своей кинжалъ, пронзила себѣ грудь — Всѣ присутствовавшіе при семъ плачевномъ позорищѣ столь были тронуты, что тогожъ часу сдѣлавъ во всемъ городѣ возмущеніе, и преклонивъ весь народъ на свою сторону, выгнали Тарквинія со всемъ его родомъ изъ Рима.

79. Пенелопа, жена Улисса, коего хитрыми обманами и разумными совѣтами, по признанію многихъ дѣеписателей, Греки одержали побѣду надъ Троянами, чрезъ двадцатилѣтнее отсутствіе его ни прошенія родителей

ея, ни лестныя обѣщанія мотпившихся у ней жениховъ не могли склонить ее къ нарушенію перваго во второй бракъ. На конецъ она видя себя не въ силахъ болѣе противиться неотступнымъ докукамъ послѣднихъ, кои начали уже угрожать ей насиліемъ, предложила имъ такой договоръ: когда она выпрядетъ пучокъ льну, который тогда въ рукахъ своихъ держала, въ то время и замужъ выдетъ. А получивъ отъ нихъ на сіе согласіе, употребила слѣдующую хитрость. Что въ день напрядывала, то ночью разсучивала, присовокупляя къ тому нерѣдко и новаго льну. Такимъ образомъ дождалась она мужа своего, который пришедъ въ домъ подъ видомъ нищаго, и свѣдавъ о досадахъ и бѣдствіяхъ претерпѣнныхъ ею отъ сватавшихся къ ней тѣхъ наглецовъ, побилъ ихъ всѣхъ съ головы на голову въ своемъ домѣ.

80. Нѣкто бросилъ камень въ собаку, да попалъ онымъ въ тещу свою. — *И тутъ промаху не далъ,* сказалъ онъ притомъ

81. По нраву большей части людей женщины бывают приятнѣе, когда онѣ одѣваются просто. Дурная лошадь въ золотомъ чепракѣ не лучше бываетъ. И для того нѣкто увидя женщину щегольски одѣтую, вскричалъ: куда какое чудо, перья дороже самой птицы!

82. Нѣкто женясь на безобразной женщинѣ по причинѣ знатнаго ея приданаго, засталъ ее нѣкогда съ любовникомъ. При чемъ онъ весьма хладнокровно сказалъ ей: когда тебя цѣлуютъ даромъ; то что тебѣ, дура, за нужда была искать мужа съ утратою твоего имѣнія.

83. Демосѳенъ мудрецъ, когда онъ ѣлъ сладкой пирогъ, и притомъ кѣмъ то вопрошенъ былъ: или и философы ѣдятъ сладкую пищу? отвѣчалъ: развѣ ты думаешь, что пчелы дѣлаютъ медъ для однихъ дураковъ. — А Зенонъ философъ вопрошенъ бывъ: должны ли мудрые люди любить? отвѣтствовалъ: ежели бы мудрые не любили, то бы не было въ свѣтѣ нещастнѣе красавицъ,

потому что ихъ любили бы одни только дураки.

84. Дѣвица съ молодцомъ въ саду межъ древъ гуляли;
Не знавъ любви, играть случилось имъ мячемъ. О чемъ?
Вотъ цѣну положили:
За всякой проигрышъ по поцѣлую дать
И стали мячь кидать.
Въ сердца, губами бравъ, что выиграли, клали;
Наполнились сердца и жарко запылали.
Что сдѣлалъ Купидонъ; то Гименъ увѣнчалъ;
И ихъ игру другой игрою окончалъ.

85. Гдѣ то волокита забавляясь въ спальнѣ своей любовницы, коль скоро сказано ему было, что мужъ ея туда идетъ, тотъ часъ бросился подъ кровать. Мужъ вошедъ въ спальню, приступилъ къ окну; и вынувъ изъ кармана писмо, началъ читать про себя. Въ сїе самое время волокита подъ кроватью невзначай чихнулъ. Мужъ безъ всякаго вниманїя сказалъ: здравствуй! А жена будучи весьма ловка и проворна, тотъ часъ отвѣтствовала: благодарствую душа моя! — *тѣмъ дѣло сїе и кончилось.*

86. Чиханіе почиталось всегда въ любовныхъ предпріятіяхъ добрымъ предзнаменованіемъ. — Парфенія, молодая дѣвушка, любя безъ памяти Сарпедона, и томима будучи сею страстію долго, рѣшилась на послѣдокъ изъявить ему чувствованія свои писмомъ. И такъ писавъ оное, въ пламеннѣйшемъ и нѣжнѣйшемъ мѣстѣ его чихнула. Сего уже довольно для нее было. Она почла то за отвѣтъ, и представила себѣ, что въ самый тотъ часъ возлюбленный ея соотвѣтствовалъ страстнымъ ея желаніямъ; будто бы естественное сіе дѣйствіе сообщася съ желаніями, было неложнымъ знакомъ соединенія, которое полагаетъ непонятное согласіе и въ сердцахъ. — — Стихотворцы Греческіе и Латинскіе говорили, что купидоны, божки ихъ, при рожденіи красавицъ чихали.

87. Одинъ помѣщикъ жившій долго въ столицѣ по тяжебнымъ своимъ дѣламъ, спрашивалъ пріѣхавшаго къ нему изъ деревни съ запасомъ слугу своего; все ли у насъ благополучно? — *Слуг.* Слава

богу сударь, все благополучно, только. — *Пом.*. А что только? Говори. — *Сл.* Только воронъ, сударь, который милостію вашею самимъ вскормленъ почти не хворавъ умеръ. — *Пом.* Да отъ чего онъ такъ умеръ? — *Сл.* Изволилъ, сударь, обьѣсться мяса. — *Пом.* Какого мяса? — *Сл.* Издохшихъ любимыхъ вашихъ двухъ гнедковъ; — *Пом.* Какъ, ба, да отъ чего они пали, вишь они оба только на пятую траву? — *Сл.* Видно сударь поизмучились воду возя. — *Пом.* Какую воду и на что? — *Сл.* Изъ рѣки нашей для заливанія загорѣвшагося и очень скоро въ пепелъ сгорѣвшаго господскаго вашего, сударь, дома съ садомъ. — *Пом.* Вотъ еще бѣда! да отъ чего онъ загорѣлся? — *Сл.* Какъ то нечаянно отъ факела. — *Пом.* А факелъ къ чему былъ зазженъ? — *Сл.* Ихъ зазжено было много. — *Пом.* Да на что? — *Сл.* Для выносу тѣла скончавшейся вашей супруги. — *Пом.* Ну, Фадька, спасибо за добрыя вѣсти, это по тебѣ все благополучно.

88. Нѣкій молодецъ обручась съ дѣвицею, которую почиталъ онъ тогда лучшимъ произведеніемъ природы и потому страстно былъ въ нее влюбленъ, призвалъ къ себѣ перваго въ томъ городѣ живописца, что бы онъ написалъ ему портретъ наилучшей красавицы, который онъ хотѣлъ поставить въ своей спальнѣ передъ постелею, и въ коемъ надѣялся онъ видѣть красоты своей невѣсты. Живописецъ бывъ доволенъ платою, каковую онъ обѣщалъ ему за то, написалъ въ самомъ дѣлѣ красавицу. По женихъ увидя оный портретъ, сказалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: нѣтъ, другъ мой, тутъ многаго недостаетъ, что сердце мое находитъ въ лицѣ обрученной мнѣ дѣвицы; пожалуй поправь сей портретъ; и постарайся сдѣлать его прелестнѣйшимъ. Живописецъ обѣщался, и при томъ увѣрялъ его, что онъ поправкою конечно будетъ доволенъ. А между тѣмъ, чтобъ знатная сія работа его, какъ всѣ знатоки цѣнили ее, не пропала,

представя крайнюю свою въ деньгахъ нужду, убѣдилъ жениха заплатить ему договорную цѣну тогда-же. На другой день живописецъ притворился больнымъ; и оная болѣзнь не прежде прекратилась, какъ спустя три недѣли по бракосочетанiи того молодца. Тогда принесъ онъ къ новоженцу тотъ же самый портретъ, т. е. безо всякой поправки, который разсматривая онъ съ унылостiю сказалъ: теперь уже изображено гораздо превосходнѣе, нежели должно, — нежели я чувствую. — —

89. Другой же молодецъ сосватавъ дѣвицу, всякому изъ знакомыхъ своихъ, къ кому ни придетъ въ гости, или кто къ нему пожалуетъ, либо встрѣтитъ гдѣ кого, тотчасъ сказывалъ борзо, съ восхищенiемъ: *я женюсь скоро*; или, *я жениться ѣду*. (Ибо невѣста его была въ деревнѣ, гдѣ и свадьбѣ предположено быть.) Словомъ: всѣ его выраженiя и движенiя показывали крайнее души его удовольствiе, что онъ женится.— Спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы

своей возвратился онъ въ тотъ городъ; и кто изъ тѣхъ знакомыхъ его ни спрашивалъ: *женился ли онъ?* — отвѣтствовалъ всегда съ печальнымъ видомъ, тихо и при томъ медлѣнно: *же — нил — ся.* —

90. Среднихъ лѣтъ человѣкъ, когда жена его по бракосочетаніи съ нимъ спустя только три мѣсяца родила, и коль скоро разсвѣло, побѣжалъ къ начальнику своему, и просилъ его сдѣлать ему милость быть восприемникомъ новорожденнаго при купели. Начальникъ очень помня, что онъ недавно еще женился, сказалъ шуткою: раненько другъ мой плодъ созрѣлъ, раненько! — На сіе подчиненный отвѣтствовалъ: сильное мое желаніе и попеченіе было, что бы какъ наискорѣе удостоиться щастія имѣть васъ своимъ кумомъ. — Да полно ты ли отецъ сего робенка? начальникъ по томъ спросилъ. — О боже мой! подчиненный съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ отвѣчалъ: я въ семъ увѣренъ, милостивый госу-

даръ! такъ твердо, какъ и въ томъ, что теперь день, а не ночь.

91. Одна молодая вдова будучи бездѣтна, имѣла процессъ съ наслѣдниками покойнаго своего мужа о выдѣлѣ ей изъ движимаго и недвижимаго имѣнія его законной части. Между тѣмъ на пятнадцатомъ мѣсяцѣ по смерти мужа своего она родила; и когда оправилась, то немедлѣнно пошла къ свойственнику своему, который руководствовалъ ее въ томъ процессѣ, и говорила ему съ видомъ веселымъ и надежнымъ: теперь дѣло мое рѣшено лучшимъ образомъ, нежели я хлопотала; перевѣсъ на моей сторонѣ. — Что ето значитъ, сударыня? спрашивалъ свойственникъ ея. — Или вы забыли, что я родила? отвѣтствовала вдова. — Я очень сіе помню; да далѣе что? — Я родила законнаго наслѣдника всему имѣнію покойника; теперь оно навѣрно все въ моихъ рукахъ. — Давай богъ, сударыня, примолвилъ свойственникъ, только я опасаюсь приказныхъ крючковъ, чтобы они не

доказали, что дитя сїе прижито послѣ покойника; ибо 15 мѣсяцъ.... Боже меня избави, подхватила вдова, чтобъ я была столько подла! А что я такъ нескоро родила, сему единственно причина та, что я крѣпко была озабочена и изнурена приказными по сему дѣлу хлопотами, такъ что мнѣ не до родовъ было.

92. Нѣкоторый Римскїй Сенаторъ примѣтивъ въ сынѣ своемъ, который именовался Папирїй, остроту и прилѣжанїе, а особливо молчаливость, часто бралъ съ собою въ Сенатъ, дабы съ малыхъ лѣтъ приобыкалъ къ политическимъ и другимъ дѣламъ. Въ одно время бывъ онъ по обыкновенїю съ отцомъ въ семъ верховномъ судилищѣ, слышалъ разсужденїя о дѣлахъ великой важности; а возвратясь въ домъ, спрашиваемъ былъ отъ матери: *о какихъ дѣлахъ совѣщалъ Сенатъ?* Папирїй отвѣтствовалъ, что хотя онъ и довольно вѣдаетъ обязанность сыновняго родителямъ послушанїя; но знаетъ и то, что власть ро-

дительская имѣетъ свои границы; и по тому желанія ея, безъ потерянія довѣренности, которую къ нему весь Сенатъ имѣетъ, а такожъ безъ нарушенія честности и гражданскихъ правъ, никакъ удовольствовать не можетъ; ибо дѣла, примолвилъ онъ, о которыхъ вы знать желаете, суть тайныя. Мать услышавъ слово *тайныя*, привязалась тѣмъ болѣе; а вскорѣ отъ упорной скромности сына, дошло дѣло и до гнѣву. Онъ не хотя видѣть ее въ досадѣ и огорченіи, сказалъ: *Когда я буду отъ всего свѣта осужденъ за свою болтливость; то по крайней мѣрѣ буду имѣть при кончинѣ своей то утѣшеніе, что умираю за покорность вашей волѣ.* Но какъ и сіе напоминаніе о неизбѣжной смерти не сильно было истребить женскаго любопытства и самолюбія; то Папирій наконецъ сказалъ: *дѣло было одно, и оно касается до всѣхъ васъ женщинъ; ибо всѣ наши отцы, а ваши мужья единодушно согласились; и уже сдѣлали опредѣленіе, чтобъ имъ имѣть*

ло двѣ жены. Гордая барыня поражена бывъ сими словами какъ громовымъ ударомъ, и по тому блѣснувъ подобно молніи, запалила всѣ знатные домы злѣйшею сею вѣстію; или яснѣе сказать, не возмогши сносить горчайшей оной досады ни минуты, немедлѣнно полетѣла изъ дому въ домъ; и разгласивъ всюду плачевное сіе извѣстіе, привела тѣмъ въ полчаса большую часть столицы въ возмущеніе. По семъ вскорѣ жены собравшись въ одинъ домъ, сдѣлали неслыханный совѣтъ (женскій), который однако такъ какъ и чувствительную оную досаду хитростно отъ мужей своихъ сокрыли, проводивъ ночь съ покойнымъ видомъ. По утру на другой день спустя мужей своихъ со двора, собрались въ назначенное время къ предводительницѣ своей въ домъ; а отъ туда поскакали въ Сенатъ; гдѣ все собраніе услышавъ о пріѣздѣ женъ своихъ, вышли съ изумленіемъ для узнанія причины нечаяннаго ихъ прибытія. Но уже негодованіе на очахъ сихъ гостей живо

начертано было. Вдругъ поднялся шумъ: одна требуетъ развода, другая выговариваетъ за невѣрность, третія приноситъ жалобы на мужа емужъ самому, иная упрекаетъ прошедшими, иная обнаруживаетъ безъ стыда настоящіе непорядки мужа своего, сія ругаетъ, та угрожаетъ, которыя неутѣшно рыдаютъ, а которыя какъ бы въ изступленіи ярятся, всѣ же при томъ кричатъ; словомъ: ни при внезапномъ нашествіи непріятеля бывало когда таковое смятеніе, каковое тогда произошло. Почему Сенаторамъ немалаго стоило труда успокоить раздраженныхъ сихъ красавицъ, кои мало по малу пришедъ въ себя, а притомъ обнадежены бывъ всевозможнымъ удовольствіемъ, подали челобитную слѣдующаго содержанія. *Когда мужьямъ нашимъ новые законы дозволяютъ имѣть по двѣ жены; то мы (весь женскій полъ) въ знакъ усерднѣйшаго къ тѣмъ новоучрежденнымъ правамъ почитанія, и желая оныя наблюдать съ большею, нежели мужья наши*

горячностію; просимъ Сенатъ дать намъ дозволеніе имѣть по пяти мужей. Судьи по прочтеніи сего пришли въ крайнее удивленіе; а нашедъ зачинщицу извѣстились, что все то произошло отъ ея сына, который тотчасъ признался, что учинилъ то по принужденію умышленно, желая какъ сохранить довѣренность, которою онъ отъ всего Сената почтенъ, такъ и соблюсти въ тайнѣ дѣла непринадлежащія къ свѣденію женщины. Всѣ услышавъ сіе, дивились остротѣ молодаго человѣка, и довольно похваля разумъ и постоянство, удостоили его такого уваженія, какого и старики не всегда заслужить могутъ. А вспыльчивыя, слезливыя и слабоумныя челобитчицы со стыдомъ и поношеніемъ поплелись въ свои домы.

93. Купецъ или мѣщанинъ какой то, лежа при смерти, говорилъ женѣ своей: слушай, Анна, когда я умру, и если ты хочешь итти за мужъ; то не упускай сидѣльца нашего Якова; онъ

молодецъ изрядный, какъ ты сама видишь; да и въ торгу горяздъ; ничего не проронитъ. — Ахъ! муженекъ, отвѣчала жена, умирай только съ Богомъ; я сама о томъ думаю.

94. Одинъ господинъ съ какою то лентою нашеѣ, увидѣвъ на рукѣ нѣкоторой дамы великой цѣны алмазъ, сказалъ пріятелю своему: я бы лучше желалъ имѣть перстень, нежели руку. — И я бы, подслушавъ то дама отвѣтствовала, лучше желала имѣть арканъ, нежели самаго осла.

95. Корнелія, дочь великаго Спиціона, была нѣкогда въ бесѣдѣ знатнѣйшихъ Римскихъ госпожъ, которыя одна передъ другою выхваляли свои браліанты, богатое одѣяніе, великолѣпные экипажи и все то, чѣмъ обыкновенно многія женщины стараются себя украшать. Что принадлежитъ до меня, сказала она, то вотъ мои клейноды, указывая на дѣтей своихъ; они составляютъ все мое украшеніе, не только по тому, что кровь моя въ жилахъ ихъ течетъ, но и

по возрастающимъ добродѣтелямъ ихъ, которыя подаютъ мнѣ надежду, что они сохранятъ славу моего дома.

96. Герцогиня дю М. спросила нѣкогда: какое различїе между мною и часами? — На сїе отвѣтствовано ей: часы показываютъ теченїе времени; а вы присутствїемъ вашимъ приводите оное въ забвенїе.

97. Одна молодая женщина не видясь чрезъ три мѣсяца съ любовникомъ своимъ, напослѣдокъ встрѣтилась съ нимъ при выходѣ изъ своего дому. Онъ изъявлялъ ей нѣжнѣйшїя свои чувствованїя, какъ вдругъ пошелъ сильный дождь. Молодой человѣкъ казался тѣмъ обезпокоенъ, и старался укрыться. — Какъ! ты былъ въ отсутствїи три мѣсяца, говорила она ему съ жаромъ; ты меня любишь; ты меня видишь, и еще думаешъ о томъ, что дождь идетъ!.

98. Нѣкто влюбленъ будучи въ прекрасную дѣвицу, сказалъ ей въ одно время: еслибы мы другъ друга полюбили, то бы строгой присмотръ матери

вашей за вами, сдѣлалъ намъ много труда сыскать удобное мѣсто для удовольствій нашихъ. — Къ чему вы такъ заботитесь, отвѣчала она, прежде думайте произвесть во мнѣ къ тому охоту.

99. Нѣкоторая иностранка будучи на духу у монаха, между прочимъ каялась, что она румянится. Духовникъ спросилъ: на что ты то дѣлаешь? — Она отвѣтствовала: что бы только лице свое украсить. — Да развѣ ты пригожѣе отъ того? продолжалъ духовникъ. — По крайней мѣрѣ я такъ думаю, отче! — По семъ духовникъ подвелъ ее къ окну, и осмотрѣвъ при дневномъ свѣтѣ хорошенько, сказалъ ей: поди, чадо! и румянься; ибо ты еще очень дурна.

100. Два пріятеля равныхъ лѣтъ женясь въ одинъ день, одинъ на молодой дѣвицѣ, а другой на пожилой вдовѣ, сошлись назавтрея. Первой встрѣтилъ послѣдняго сею шуткою: я бьюсь объзакладъ, что ты нонишнюю ночь

не такъ проводилъ, какъ я. — Къ чему и закладъ, подхватилъ сей, когда всѣ говорятъ, какъ въ набатъ бьютъ, что я спалъ много, а ты мало.

101. Нѣкоторая знатная дама разговаривая съ однимъ кавалеромъ, которой давно казался ей влюбленнымъ, между прочимъ сказала ему, что она хочетъ знать его полюбовницу. Онъ сперва отговаривался; потомъ обѣщалъ во удовлетворенїе любопытства ея прислать къ ней портретъ оной. На утрїе получила она отъ него свертокъ съ зеркальцомъ, въ которое лишъ только взглянула, то и узнала, что она сама та, которую знать желала.

102. О началѣ зеркала суевѣры наши, или лучше сказать, раскольники сплели и затвердили слѣдующую небылицу. — Нѣкоторой монахъ спасаяся въ пустынѣ, и читавъ неоднократно въ св. писании: *просите и дастся вамъ*, усумнился о истиннѣ сихъ словъ. Напослѣдокъ рѣшась самымъ дѣломъ въ томъ удостовѣриться, пошелъ къ нѣ-

которому царю и просилъ у него дочь его себѣ въ жену. Царь почудясь такокому прошенїю, сказалъ о томъ дочери своей, которая такъ же удивясь, отвѣтствовала отцу: какъ сїе дѣло необыкновенное, то должно чтобъ и монахъ, ежели хочешъ получитъ меня себѣ въ жену, сдѣлалъ что либо такъ же необыкновенное; пускай принесетъ мнѣ въ подарокъ такую вещъ, въ которую бы я глядясь всю себя видѣть могла. (*) Монахъ выслушавъ сїю задачу, отправился немедлѣнно въ лѣсъ для рѣшенїя оной. Бродя очень долго по лѣсамъ, вошелъ нечаянно въ пустыньку, которая тогда ни кѣмъ обитаема не была; посидя тамъ нѣсколько, услышалъ тяжкїй стонъ; а на вопросъ его отвѣтствовано было: почтенный монахъ! сжалься на мое страданїе; уже нѣсколько лѣтъ заключенъ я въ семъ рукомойникѣ обитавшимъ здѣсь монахомъ; выпусти меня изъ сей темницы; я готовъ тебѣ слу-

(*) Сїе происходило до изобрѣтенїя зеркала.

жить всѣмъ, чего ты изволишь. Монахъ радъ будучи такому случаю, тотъ часъ предложилъ ему о той вещи, которой требовала царевна; и дьяволъ обѣщалъ ему доставить оную. И такъ чернецъ снявъ съ рукомойника крестъ, выпустилъ его. А дьяволъ сдержавъ свое слово, въ скоромъ времени принесъ къ нему *зеркало*, которое монахъ принявъ, и чрезвычайно обрадовавшись, отнесъ къ царевнѣ. Но отъ бракосочетанія съ нею отрекшись, пошелъ паки въ пустыню умолять о своемъ согрѣшеніи, что возъимѣлъ сумненіе въ истиннѣ священнаго писанія. — И для того то раскольники почитая зеркало, яко дѣло рукъ сатанинскихъ, не держатъ въ домахъ своихъ; да и нигдѣ никогда въ него не глядятся, кромѣ свѣтскихъ раскольниковъ, ибо между ими есть и таковое раздѣленіе.

103. Нѣкоторый Государь имѣлъ у себя фаворита, который будучи низкія породы, достигъ чрезвычайно скоро первѣйшаго въ государствѣ его ранга.

Въ одно время на единѣ Государь спросилъ у него тому причины. Любимецъ чистосердечно признался, что десять лѣтъ уже тому назадъ, какъ онъ пользуется благосклонностію одной дамы, которой онъ во все то время ни имени, ни въ лицо не знаетъ; ибо всегда взятъ бываетъ изъ своего дому ночью съ завязанными глазами, и время проводитъ съ нею въ такомъ покоѣ, гдѣ нѣтъ ни оконъ, ни свѣчь; а какъ возведенъ онъ на такую степень знати единственно посредствомъ ея, то изъ благодарности не смѣетъ просить ее объ открытіи, а ея на то соизволенія не видитъ. Сіе извѣстіе возбудило въ Государѣ великое любопытство; онъ долго думая, какъ бы открыть оную особу безъ принужденія ея и огласки, на послѣдокъ придумалъ слѣдующее. Далъ фавориту своему кусочикъ адскаго камня (lapis infernalis) съ прозбою, что бы онъ непремѣнно сдѣлалъ онымъ на лицѣ ея знакъ, какъ будутъ вмѣстѣ. Любимецъ преданъ будучи своему Госу-

дарю, не смѣлъ того не сдѣлать и при первомъ сходбищѣ сдѣлалъ. На другой день по утру Государь назначилъ при дворѣ балъ, на который приказалъ просить всѣхъ дамъ неотмѣнно. Замѣченная дама только что проснулась, велѣла по обыкновенiю своему подать себѣ зеркало; и при первомъ въ оное взглядѣ увидѣла на лицѣ своемъ необычайное явленiе, которое въ протчемъ искусно было сдѣлано. На балъ необходимо надлѣжало ей ѣхать, а съ такимъ знакомъ показаться тамъ весьма не хотѣлось, хотя она и не знала того заговора. Острота досужаго женскаго ума тотъ часъ представила ей средство сокрыть оный знакъ подъ *мушку*, которыхъ тогда никто еще не зналъ; налѣпивъ увидѣла, что красы ея отъ того не убыло. И такъ приказавъ немедлѣнно надѣлать ихъ много, послала ко всѣмъ знатнымъ барынямъ съ увѣдомленiемъ, что она сiю выдумку получила изъ такого то государства, (которое славилось просвѣщенiемъ), и

что то есть новая мода. Такимъ образомъ всѣ дамы пріѣхали ко двору, имѣя на лицахъ своихъ новую сію моду. Всѣ при дворѣ тому дивились; а Государь и фаворитъ его въ чрезвычайномъ были недоумѣніи, что имъ въ такомъ случаѣ дѣлать, и какъ узнать особу, которую они искали. Вскорѣ Государь изъявилъ притворно неблаговоленіе свое къ новой сей прикрасѣ. И какъ всѣ дамы принуждены были тѣмъ снять съ лицъ своихъ оную; то и узнали заговорщики, кого желали. Исторія сія кончилася бракомъ; а мушки по томъ остались во всегдашнемъ употребленіи знакомъ и орденомъ кавалерской побѣды. — *Вотъ происхожденіе и мушекъ!*

104. Нѣкто спросилъ у одного столѣтняго старика: какія бы тому причины были, что ты такъ долго живешь? — Думаю, отвѣчалъ сей, слѣдующія: когда я могъ сѣсть, то я уже не стоялъ; женился я очень поздо; овдовѣлъ весьма рано; и опять уже не женился.

105. Нѣкая Испанская барыня пріѣхала въ одинъ монастырь исповѣдываться, и заставъ въ трапезѣ монаха, пала предъ нимъ на колени, и разсказала ему всѣ свои грѣхи. А какъ онъ ей потомъ ничего не отвѣчалъ; то она начала просить у него разрѣшенія. —— Я не могу того сдѣлать, сказалъ чернецъ, по тому что я простой монахъ, а не Іеромонахъ. — Какъ, ты не Іеромонахъ? вскричала барыня съ изумленіемъ и великимъ гнѣвомъ. — Подлинно такъ сударыня, отвѣчалъ онъ съ суровымъ видомъ. — Такъ я пойду, сказала она, къ настоятелю твоему жаловаться, что ты слушалъ грѣхи мои. — А я, примолвилъ монахъ, пойду къ твоему мужу и разскажу ему всѣ твои похожденія. — Такимъ образомъ погрозивши они другъ другу, разошлись безъ дальнихъ хлопотъ. Барыня пришедъ въ себя и усмотрѣвъ непріятное послѣдствіе сего процесса, рѣшилась приключеніе сіе предать забвенію.

106. Какъ Генрихъ IV. пріѣхалъ къ госпожѣ Габріеллѣ; то герцогъ Беллегардъ которой влюбленъ въ нее былъ страстно, и который тогда находился у нее въ спальнѣ, тотъ часъ спряталея подъ кровать. Король примѣтя мѣсто, куда герцогъ спрятался, и кушая поставленныя ему закуски, бросалъ ихъ и подъ кровать, говоря при томъ: надобно всѣмъ людямъ ѣсть, чтобъ живы были.

107. Нѣжность свойственна женщинамъ, такъ какъ сила мужчинамъ. Нѣкогда и нѣгдѣ жили три щеголихи, кои весьма упорно и долго спорили между собою о превосходствѣ въ нѣжности. Напослѣдокъ сія распря доведена до того, что онѣ принуждены были итти къ судьѣ, который славился правосудіемъ, и просить его, чтобъ онъ по выслушаніи каждой изъ нихъ доказательства, учинилъ справедливое рѣшеніе. — И такъ получа на то его согласіе, первая говорила: въ одинъ день по утру весною вздумалось мнѣ прогуляться

по холодку въ своемъ саду; пришедъ туда, сѣла я близъ розоваго куста, и стала мыть свои ноги росою; лишь только принялась я то дѣлать, то розовый листокъ упалъ мнѣ на ногу, и отъ того была я хрома цѣлые три мѣсяца. — Дѣвка моя, сказала вторая, перестилая въ одинъ день мою постелю, оставила невзначай на простынѣ. которая была самаго тонкаго Голандскаго полотна, маленькой сгибъ; я по нещастїю не осмотрѣвшись легла на оный, и переломила тѣмъ себѣ три ребра, коихъ нестерпимую боль искуствомъ и неусыпнымъ стаpанїемъ лучшихъ докторовъ едва могла я уврачевать въ четыре мѣсяца. — Третїя на конецъ сказала: я приказывала всегда дѣвкѣ своей строго, разбирать волосы головы моей при чесанїи такъ, чтобъ ни на той, ни на другой сторонѣ не было ихъ больше; но около полугода тому назадъ переложила она неумышленно тремя или четырмя волосами болѣе на одну сторону; отъ чего у меня

шакъ сильно наклонило туда голову, что и по нынѣ не можешъ спрямиться. — Вшорой сей Паридъ, выслушавъ доказашельства шрехъ оныхъ богинь, примелъ въ такое замѣшашельство, что не зналъ, которой изъ нихъ дашь первенство въ нѣжности. — *Пусть, кто хочетъ и можетъ, рѣшить сіе дѣло!*

108. У нѣкоего мужа съ женою дошла ссора до драки за то, кому изъ нихъ должно называться и быть набольшимъ, и кто кому долженъ повиноваться. Въ сіе самое время постучался нѣкто у воротъ, что хозяева услыша, и тотчасъ сдѣлавъ перемиріе, прекрашили бой. Мужъ вышедъ къ воротамъ, спросилъ у того, кто стучался: кого ему надобно?—Хозяина, отвѣчалъ тотъ.— Подожди пожалуй немного, другъ мой, примолвилъ мужъ; ибо я теперь не могу сказать, кто здѣсь дѣйствительно хозяинъ. — По семъ побѣжалъ обратно въ горницу къ женѣ; и въ тужъ минуту вплелись они другъ другу въ волосы и симъ и инымъ образомъ воевали до тѣхъ

поръ, пока жена сдалась превосходной силѣ. По одержанiи побѣды мужъ вышелъ паки къ воротамъ и сказалъ дожидавшемуся у оныхъ: изволь вѣдать, другъ мой, что со мною говорить тебѣ надобно; потому что мнѣ досталося быть здѣсь нáбольшимъ, слѣдовательно и хозяиномъ; а что я прежде не могъ назваться онымъ, то сiе еще не было у меня съ женою рѣшено.

109. Въ Мессинѣ, Сицилiйскомъ городѣ, содержался нѣкто подъ стражею за то, что женился на пяти женахъ, кои всѣ были живы. При слѣдованiи на спросъ судьѝ: для чего онъ учинилъ такое беззаконiе? отвѣтствовалъ: я хотѣлъ испытать, не найдется ли изъ толикаго числа женъ хотя одна добрая, съ которою бы я могъ спокойно препроводить остатокъ дней моихъ? — На сiе судья: я сумнѣваюсь, чтобъ ты могъ найти такую жену въ семъ прелюбодѣйномъ мiрѣ; думаю, и ты той же вѣры? — Такъ точно, милостивый государь! примолвилъ колодникъ. — И для

того, продолжалъ судья, совѣтую тебѣ принять трудъ поискать по нраву своему жены въ иномъ свѣтѣ. — И такъ приговорилъ его къ смертной казни.

110. Одинъ садовникъ имѣлъ какія то причины сумнѣваться о любви и вѣрности къ себѣ жены своей. Для испытанія сего въ нѣкоторый воскресный день по утру, когда жена его ушла къ обѣдни, возвратясь онъ домой съ великаго морозу, и зная, что скоро ей надобно оттуда быть, легъ на полъ ничкомъ въ намѣреніи съиграть ролю мертваго. Минуту спустя и жена пришла. Коль скоро увидѣла она его въ такомъ положеніи; то тотчасъ кинулась щупать у него руки, которыя показались ей, такъ какъ оба они перезябли, холодными; по томъ поднимала ногу и другую, и не чувствуя въ немъ дыханія, которое онъ искусно удерживалъ, заключила, что онъ умеръ. На конецъ не зная, плакать ли ей, или пообѣдать прежде; ибо она весьма голодна была, сказала въ слухъ: лучше прежде пообѣ-

дать, а наплакаться будетъ еще время. И такъ отрѣзавъ куска съ два добрыхъ вет̃чины, принялась кушать; по томъ схватя кружку, побѣжала было въ погребъ за питьемъ; какъ одна сосѣдка всходя на дворъ ихъ, заскрипѣла воротами. Тотчасъ мнимая вдова бросивъ кружку и спрятавъ ветчину, приударила отчаянно плакать и приговаривать: ахъ! муженекъ, любезный мой муженекъ, можно ли статься, чтобъ ты оставилъ меня не простяся и проч? — На крикъ ея сбѣжались другія сосѣдки и сосѣди, что увидя она, пуще и какъ бы лишась изъ отчаянія ума, начала бросаться и кричать: ахъ! свѣтикъ мой дорогой, куды какъ я нещастна, и что мнѣ теперь дѣлать безъ тебя милова, сердечнаго моего? — Слушай жена, сказалъ тогда мужъ приподнимая голову, ты бы еще громче кричала; ежели бы успѣла промочить чѣмъ нибудь свою глотку, въ которой, я думаю, теперь першитъ отъ ветчины. — — *Изрядно оба съиграли.*

111. Несносенъ въ свѣтѣ гладъ и язва моровая;
Несносны для людей война, пожаръ, потопъ;
Всегожъ несноснѣе жена для насъ презлая,
Она несноснѣе намъ, нежель самъ й чортъ.
Сїе я докажу читателю примѣромъ,
И вотъ какимъ манеромъ:
Плылъ по морю корабль, не знаю я, какой;
Но только плылъ тогда онъ тихою водой.
Матросы веселясь между собою играли;
А на́большїе пуншъ въ каютѣ попивали.
Но вдругъ покрылися туманомъ небеса;
Ударилъ Аквилонъ жестокїй въ паруса,
Ударилъ страшный громъ, перуны заблистали,
И мачты на мѣстахъ потрясшись возстенали.
Поднялся въ морѣ ревъ, и валъ раждая валъ,
Ломаясь о корабль, превыше мачтъ леталъ;
Борей во всѣ страны ярясь корабль бросаетъ,
И въ безднѣ потопить пловущихъ угрожаетъ.
Матросы ждущїе кончины всякой часъ,
Пускаютъ къ небесамъ отчаянїя гласъ.—
Умѣрьте, вопїетъ имъ кормщикъ, тщетно горе;
Изъ судна вержите тяжелое все въ море.—
Сказалъ; и вдругъ одинъ схвативъ свою жену,
Съ размаху бухъ ее во глубину,
Признавшись съ клятвенной предъ кормщикомъ божбою,
Что не имѣлъ ее тяжелѣе съ собою.—
Пошла ко дну презлобная жена;
И тотъ часъ на морѣ явилась тишина.

112. Павелъ Эмилій, Римлянинъ, женился на молодой и весьма пригожей дѣвицѣ, съ которою однако жилъ онъ очень несогласно. Родители и пріятели ихъ хотя всемѣрно старались согласить ихъ; но никакого не могли сдѣлать въ томъ успѣха; мужъ упорно стоялъ, что хочетъ развестися съ нею. Наконецъ принужденъ онъ былъ просить формально о разводѣ. Судьи спросили его: г. Эмилій, какую ты имѣешь къ тому причину? — Я не могу ничего иного вамъ сказать, государи мои, отвѣчалъ Эмилій, какъ токмо то одно, что мнѣ не возможно болѣе съ нею жить, и что я желаю лучше быть во всю жизнь мою на каторгѣ. — Судьи примолвили: въ чемъ же имянно состоитъ твоя жалоба? Развѣ она не умна? — Я не спорю о томъ, отвѣчалъ онъ. — Непригожа ли она? — И о семъ ничего не говорю. — Не изъ хорошей ли она фамиліи, и не довольно ли для тебя богата? — На все сіе не жалуюсь, государи мои, отвѣчалъ Эмилій; но однимъ словомъ: что

бы вы мнѣ ни говорили, только я никогда жить съ нею не буду. — Ну такъ, сказали судьи, ежели ты не представляешь намъ никакой причины; то мы не можемъ развести тебя съ нею; потому что ты во всемъ томъ согласенъ, въ чемъ мы тебя допрашивали. — Тогда Эмилій выставивъ одну свою ногу предъ судей, сказалъ имъ: какъ вамъ кажется, государи мои, не хорошъ ли этотъ башмакъ? — Очень хорошъ, отвѣчали судьи, видя, что онъ совсемъ новой. — Не чисто ли онъ сработанъ? — Очень чисто, сказали они. — Не изъ хорошей ли онъ кожи? — Кажется, изъ хорошей. — При всемъ томъ, государи мои, примолвилъ Эмилій, я хочу сбросить его, потому что онъ гнетютъ мою ногу, а вы того нимало не видите.

113. Одинъ молодой человѣкъ, который былъ весьма пригожъ, а искуствомъ пѣнія превосходилъ всѣхъ своего времени пѣвцовъ и пѣвицъ, бывъ въ нѣкосй бесѣдѣ, по прозбѣ хозяевъ и го-

стей пѣлъ, и пѣлъ весьма пріятно. Посемъ три молодыя и прекрасныя дѣвицы завидуя красотѣ его, и превосходству пѣнія, начали перешептываться между собою, что онъ не такъ еще хорошо поетъ, какъ слухъ о немъ носится. Онъ услыша сіе, тотъ часъ предложилъ имъ такой договоръ: Сударыни! не угодно ли вамъ что нибудь спѣть, а потомъ и я спою; ежели я превзойду васъ въ томъ, то дозвольте мнѣ насладиться объятіями вашими; а ежели вы превзойдете меня, то я безпрекословно позволю вамъ обнять себя.

114. *Повѣсть о женскихъ уловкахъ.*

Одинъ молодой дворянинъ бывъ нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ для изученія шляхетныхъ наукъ, и возвратясь въ свое отечество, увѣдомился, что сосѣдка его молодая дѣвица, въ которую онъ предъ тѣмъ крайне былъ влюбленъ, выдана въ небытность его за богача шестидесятилѣтняго, жившаго отъ дому его въ 50 верстахъ; почему

началъ онъ тосковать и думалъ съ того умереть. Но между тѣмъ навѣдался онъ о качествахъ сего старика такъ какъ и обстоятельствахъ дому его; а узнавъ, что ему великая настоитъ нужда въ хорошемъ камердинерѣ, рѣшился занять у него мѣсто онаго. И такъ по представительству, и одобренію сродника своего, которому онъ открылся въ томъ намѣреніи и который былъ сему старику великой пріятель, принятъ онъ вскорѣ въ ту должность подъ именемъ Фабриса. Но какъ онъ долгое время съ любезною своею не видался; то она никакъ признать его не могла.

Онъ крайне старался угождать господину своему а паче супругѣ его за что они оба весьма его полюбили.; Фабрисъ живъ въ домѣ ихъ близъ трехъ мѣсяцовъ, не смѣлъ объявить госпожѣ своей о себѣ, или можетъ быть не имѣлъ къ тому удобнаго случая. Но нѣкогда будучи наединѣ съ нею, и разговаривая съ большею откровенностію, наконецъ объявилъ ей подлинное свое имя

и званіе. Тогда примѣтилъ онъ въ ней содроганіе, произшедшее можетъ быть отъ воспоминанія, что онъ напредъ того имѣлъ нѣкоторое участіе въ ея прелестяхъ. По семъ она осмотрѣвъ его съ ногъ до головы пристально, и приведя себѣ на память все прошлое, примѣтила въ лицѣ его хотя и довольно перемѣнившемся въ разсужденіи возмужалости его, что онъ могъ быть тотъ, который ее страстно любилъ, и котораго она не ненавидѣла. Какъ онъ началъ изъясняться ей о себѣ больше, то она вздохнувъ сказала: дай Боже! чтобъ вы были тотъ, о комъ говорите. Онъ увѣрялъ ее всячески, что онъ тотъ самой, которой любя ее и нынѣ страстно, принялъ на себя должность камердинера умышленно, дабы тѣмъ сыскать свободный къ ней доступъ, и что онъ по возвращеніи своемъ изъ чужихъ красъ свѣдавъ о нещастномъ ея замужствѣ, хотѣлъ лишить себя изъ отчаянія жизни. Она сему такъ обрадовалась, что обнявъ его нѣжнѣйшимъ образомъ, пѣ-

няла, что онъ столь долго себя таилъ. И такъ они тогда возобновили знакомство свое столь хорошо, что она обѣщала наградить любовь его непремѣнно въ слѣдующую же ночь.

Она приказала ему притти въ полночь къ себѣ въ спальню, какъ можно тихонько, чтобъ не разбудить старика, который обыкновенно съ нею спалъ. Любовникъ отважился на то охотно. И такъ въ назначенное время вошедъ онъ въ спальню, у коей двери по условію не заперты были, и пройдя тихонько въ заулокъ кровати, разбудилъ любовницу свою; ибо она дожидаясь его долго, заснула. Тотъ часъ приклоня она его къ себѣ и покрывъ голову его одѣяломъ, сказала ему на ухо, чтобъ онъ ничего не боялся, что ни услышитъ.

Потомъ разбудя она старика говорила ему: я думала, что и ты, душинька, не спишь; а мнѣ пришло на мысль спросить тебя, кого ты изъ слугъ нашихъ почитаешь вѣрнѣйшимъ? —

Къ чему такой вопросъ, свѣтъ мой, отвѣчалъ онъ; безъ сумнѣнія Фабриса. — Изрядной слуга! примолвила она; и такъ ты не повѣришь, что онъ домогается сдѣлать тебя рогоносцемъ! —— Фабрисъ коль скоро сіе услышалъ, далъ ей знать, что онъ хочетъ уйти; но она пожавъ у него руку, изъявляя тѣмъ, чтобъ онъ ничего не боялся, удержала его. —— Какъ, вскричалъ старикъ, развѣ онъ говорилъ тебѣ о любви? и ты что ему отвѣчала? —— Я, говорила она, вѣдая, что ты его отмѣнно жалуешь, и въ томъ мнѣ не повѣришь, притворно склонилась на его желаніе, и обѣщала видѣться съ нимъ въ сію ночь въ 1 часу у воротъ нашего сада; и навѣрно полагаю, что онъ уже тамъ; я слышала, что недавно било 12 часовъ. Вотъ, душинька, что понудило меня разбудить тебя! но чтобъ тебѣ на самомъ дѣлѣ удостовѣриться, что Фабрисъ слуга ни къ чему годной, и потому во зло употребляетъ твою къ себѣ любовь и милость, послушайся меня по-

жалуй, ежели хочешь то испытать, надѣнь мою исподницу, прикройся чѣмъ нибудь бѣлымъ, и выдь къ нему; теперь очень темно, онъ непремѣнно приметъ тебя вмѣсто меня; и тогда ты нимало не будешь сумнѣваться о безчестіи, какое онъ хочетъ тебѣ сдѣлать.

Мужъ принявъ совѣтъ ея заблаго, тотчасъ надѣлъ на себя исподницу ея и чепчикъ, *яко признакъ, что скоро будетъ съ рогами.* И какъ онъ со всемъ готовъ былъ итти; то жена примолвила ему: душинька, ежели плутъ еще не пришелъ, то подожди его; онъ конечно не замедлитъ притти; ибо мы условились, чтобъ прежде пришедшему непремѣнно дожидать другова.

И такъ старикъ отправился, въ намѣреніи проучить Фабриса добрымъ порядкомъ; но сей по выходѣ того изъ спальни, тотчасъ занялъ мѣсто его на постелѣ, по пословицѣ: *ворона съ мѣста, а соколъ на мѣсто.* — По семъ мнимый Фабрисъ по наученію любовни-

цы же своей, взявъ добрую палку, пошелъ къ воротамъ сада, гдѣ вскорѣ усмотрѣлъ господина своего, который тотчасъ молвилъ ему женскимъ голосомъ: вы ли мой любезной? — Я, сударыня, отвѣчахъ Фабрисъ; да вы ли, душа моя, примолвилъ онъ къ тому? — Я, мое сердце, отвѣчалъ старикъ, нетерпѣливо тебя ожидаю. — Фабрисъ не говоря болѣе ни слова, началъ крестить палкою милостивца своего по плечамъ приговаривая: вотъ тебя безсовѣстную госпожу проучу; ты по слабоумію своему и подлинно думала, что я къ погибели моей и вѣчному разкаянію отважусь учинить толь великое безчестіе такому господину, коего милостію и любовію я премного одолженъ; я тебѣ предлагалъ о семъ постыдномъ дѣлѣ, единственно для испытанія твоей къ нему вѣрности; и для того завтра же по утру не премину я внушить сіе супругу твоему, который, уповаю, поступитъ съ тобою за то инако; но прежде изъ усердія моего къ спокойствію

его осмѣливаюсь самъ поучить тебя. Сказавъ сіе, далъ ему на конецъ столько ударовъ, что бѣдной старикъ опрометью побѣжалъ для спасенія себя въ объятія жены своей, коей онъ запыхавшись едва могъ промолвить: ахъ, свѣтъ мой ежели бы ты тамъ была; то какъ бы онъ тебя уподчивалъ! Нѣтъ, нѣтъ, Фабрисъ есть вѣрнѣйшій и честнѣйшій слуга.

Въ послѣдствіи того сей старой простякъ столь много думалъ о цѣломудріи Фабриса, что ежели бы случилось ему самому увидѣть сего лежащаго съ женою его, то бы онъ и тому никакъ не повѣрилъ.

115. *Иная повѣсть подобная прежней.*

Нѣкая молодая и пригожая барыня, бывъ за мужемъ довольно пожилымъ и весьма ревнивымъ, скуки ради забавлялась съ какимъ-то молодчикомъ, разночинцомъ, въ коего она столь страстно влюблена была, что всегда въ отсутствіе его тосковала; и для того онъ

часто по позыву посѣщалъ ее въ тѣ часы, когда мужа ея дома не бывало. Между тѣмъ долго волочился за нею по сосѣдству жившій маркизъ, который напослѣдокъ пособіемъ многихъ подарковъ и униженности своей предъ нею достигъ своей цѣли; но она благопріятствовала ему паче изъ корысти, нежели изъ любви.

Нѣкогда мужъ ея отлучился изъ дому, обѣщавъ возвратиться на завтрея по утру. По чему она проводя его съ обыкновенною ласковостію и пріятностію, тотчасъ послала по своего миляка, разночинца, которой пріѣхавъ не успѣлъ сдѣлать ей привѣтствія по обычаю любовниковъ, какъ маркизъ въѣхалъ на дворъ; служанка увидя его, опрометью побѣжала и доложила барынѣ. А какъ сей весьма не хотѣлось, чтобъ маркизъ засталъ у нее въ гостяхъ того недворянина; то она понудила его гдѣ нибудь спрятаться; и онъ дрожа весь отъ страху, въ торопливости рѣшился скрыться подъ кроватью.

Маркизъ вошедъ поздравляетъ хозяйку по тому же любовничью обыкновенію; а она изъявляетъ ему свое удивленіе, какъ онъ могъ угадать отбытіе мужа ея; онъ отвѣчаетъ, что сердце его о томъ возвѣстило. Не успѣли они кончить сего предисловія, какъ та же вѣщунья дѣвка прибѣжала запыхавшись и докладывала, что самъ пріѣхалъ и видѣлъ маркизову карету. Барыня отъ сего, правда, пришла было въ великое смущеніе; но какъ женщины обыкновенно бываютъ чрезвычайно хитры, ловки и скоры въ выдумкѣ средствъ избавляющихъ отъ настоящихъ бѣдъ, нежели мужчины, то она тотчасъ наставила маркиза, какимъ образомъ поступить ему въ стѣсненныхъ сихъ обстоятельствахъ, примолвивъ ему: сіе есть единое средство ко спасенію моему и вашему отъ предстоящей гибели; а о причинѣ понуждающей меня къ тому, теперь не время говорить, послѣ узнаете. Маркизъ нимало не разсуждая о той причинѣ, а желая самъ избыть уда-

чаиво непріятныхъ послѣдствій безвре-[illegible]то чужой домъ посѣщенія, весьма радъ былъ ловкому совѣту хозяйки. По чему тотчасъ вышедъ изъ покоевъ съ обнаженною своею шпагою, встрѣтился на крыльцѣ съ хозяиномъ, и какъ бы не примѣтя его, кричалъ съ притворною яростію: добро плутъ! ты отъ меня нигдѣ не скроешься, и въ другой разъ уже не уйдешь. Хозяинъ крайне того испугавшись, спросилъ его съ торопливостію: что ето значитъ, маркизъ? И взявъ за руку хотѣлъ остановить его; но онъ какъ бы осердясь за то, и не сказавъ въ отвѣтъ ни слова, побѣжалъ отъ него опрометью прямо со двора.

Хозяинъ по семъ явленіи вошедъ въ переднюю, и увидѣвъ жену свою стоявшую удверей оной, спросилъ ее о причинѣ поступка маркизова. Ахъ, милой мой! отвѣчала она дрожа; я на смерть перепугалась, и ты самъ видишь, что я вся трясусь. За четверть часа предъ симъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату какой то человѣкъ съ смертною на лицѣ блѣ-

дностію, и тотчасъ бросившись къ ногамъ моимъ, просилъ слезно, чтобъ я спасла его отъ руки сего маркиза, который гнался за нимъ съ обнаженною шпагою въ ярости, какъ ты самъ его видѣлъ. Я тронута бывъ жалостію, пустила его въ спальну; а сама стала у дверей оной, дабы воспретить входъ туда маркизу, который бѣжа, кричалъ: убью разбестію. Но коль скоро онъ изъ сдѣланнаго ему отъ меня пріему примѣтилъ, что такой поступокъ его для меня весьма оскорбителенъ; то онъ сдѣлавъ мнѣ должную учтивость, сказалъ, что онъ болѣе не будетъ здѣсь его искать; и тотчасъ ушелъ отъ меня.— Такъ, такъ, сказалъ мужъ пришедъ между тѣмъ нѣсколько въ сѐбя, то-то и принудило маркиза кричать, что онъ впредь нигдѣ не скроется; да гдѣжъ сей бѣднякъ, примолвилъ онъ?— Не знаю, отвѣчала хозяйка, (радуясь уже внутренно, что дѣло идетъ на ладъ,) гдѣ онъ спрятался; я пойду кликну его. А отворя двери спальни кликала:

выдь другъ мой, выдь, ничего не бойся, вратъ твой ушелъ.

Милякъ слыша все то, и сочиня наскорѣ конецъ сей комедіи, вылезъ немедлѣнно изъ подъ кровати, весь дрожа, однако не отъ шпаги маркизовой, а отъ присутствія обезчещеннаго имъ хозяина. Но сей приписавъ то острію меча, спросилъ его съ сострадательнымъ видомъ: какое у тебя, другъ мой, дѣло съ симъ маркизомъ? — Клянусь вамъ, милостивый государь, отвѣчалъ онъ, что я никакого дѣла съ нимъ по нынѣ не имѣлъ, да и его вовсе не знаю; а думаю, что онъ во мнѣ опознался; коль скоро меня увидѣлъ, то тотчасъ обнажа шпагу свою, погнался за мною, крича въ великомъ гнѣвѣ: заколю, убью, шельму; и ежели бы великодушная сія госпожа, (какъ будто онъ не зналъ, что она супруга хозяину) изъ человѣколюбія не спасла меня отъ ярости его, то бы онъ не умѣдлилъ предать меня смерти; и по тому я жизнію моею обязанъ великодушію ея. — Хозяинъ тѣмъ

болѣе сжалясь надъ мнимымъ нещастіемъ его, принялся утѣшать его; и наконецъ совѣтовалъ оставить домъ его не прежде ночи, дабы паки маркизъ не сдѣлалъ на него нападенія.

И такъ самъ мужъ способствовалъ женѣ своей и угоднику ея наградить потерянное ими время и въ бытность свою дома.

116. *Наказанный волокита.*

Къ нѣкоторой молодой, пригожей и богатой вдовѣ вхожъ былъ одинъ молодецъ, который не столько былъ богатъ, сколько хвастливъ. Онъ желая внушить всѣмъ знакомцамъ своимъ, что онъ въ тѣсной связи съ нею находится, разглашалъ гораздо болѣе благосклонности, нежели отъ нее получалъ. Вдова бывъ веселаго и шутливаго нрава, сколь скоро о томъ свѣдала, вздумала наказать его такимъ образомъ.

Съ нѣкотораго времени примѣтила я, ежели не ошибаюсь, сказала она ему однимъ днемъ, что вы горячо меня лю-

бите; и по тому не сумнѣваюсь, что бы вы для вящшаго въ томъ меня удостовѣренія отказались услужить мнѣ въ настоящей моей нуждѣ. — Волокита клялся ей, какъ обыкновенно всѣ таковыя души клянутся, что онъ готовъ пожертвовать жизнію своею для услугъ ея. — Вы знаете, примолвила потомъ вдова, такую то женщину, мою пріятельницу, коя имѣетъ весьма ревниваго и беспокойнаго мужа, который не позволяетъ ей никогда ночевать и у лучшихъ ея пріятельницъ; а сію ночь надобно ей для нѣкоторыхъ важныхъ причинъ ночевать въ моемъ домѣ непремѣнно; и такъ прозба моя къ вамъ состоитъ въ томъ, чтобы вы пошли къ ней въ домъ и легли на ея мѣсто, дабы мужъ ея, который обыкновенно приходитъ домой очень поздо, увидя васъ на постели, почелъ за жену свою; а какъ онъ встаетъ прежде ея, и вскорѣ по томъ уходитъ со двора для исправленія дѣлъ своихъ, то нимало и не примѣтитъ подлогу нашего тѣмъ паче, что онъ не

имѣетъ обыкновенія прерывать сна ея ночью.

Волокита охотно согласившись на все- то, отправился благополучно со вдовою къ пріятельницѣ ея; потому что она сама обѣщалась къ ней пріѣхать и взять ее къ себѣ. Какъ они туда пріѣхали, что уже было около сумерекъ въ лѣтній день; то одѣвши его въ женское спальное платье, положили на постель ревниваго мужа, котораго и подлинно тогда дома не было, и сіи шутихи увѣрены были, что ему ту ночь не ночевать дома; потомъ пожелавъ ему доброй ночи, вышли изъ спальни.

Спустя нѣсколько времени молодая вдова вошедъ въ спальню въ мужскомъ спальномъ же платьѣ безъ свѣчи, немедлѣнно легла подлѣ него. Волокита почитая ее за ревниваго мужа, находился въ великомъ страхѣ. И хотя онъ весьма мало занималъ подъ собою мѣста; но оборотясь спиною къ мнимому ревнивцу, прижался

къ самому краю постели. И такъ та ночь показалась ему годомъ, и мучительнѣе самаго ада; ибо онъ поминутно опасался какихъ либо неприличныхъ полу его отъ ревниваго мужа пріемовъ.

Но страхъ его умножился, какъ лежавшая съ нимъ вдова на разсвѣтѣ какъ бы пробудясь, свиснула раза два, на которой свистъ вскорѣ кто то вошелъ въ спальну. Онъ обернувъ голову одѣяломъ, желалъ лучше провалиться сквозь кровать хоть во тму кромѣшную. Столько онъ боялся, чтобъ его не узнали! — Мнимой мужъ тотъ часъ вставъ съ постели, спрашивалъ у хозяйки, такъ какъ она то вошла въ спальну: *каково она проводила ночь?* — Волокита узнавъ ихъ обѣихъ по голосу, сбросилъ съ себя одѣяло; а увидѣвъ любовницу свою во всѣхъ ея прелестяхъ, ахнулъ и чуть было не умеръ съ досады, гнѣва, стыда и сожалѣнія, что имѣвъ толь благопріятной случай, не умѣлъ воспользоваться онымъ.

117. ЗАБАВНЫЙ СУДЪ

ИЛИ

НАКАЗАННАЯ ПРЫГУНЪЯ.

Былъ судъ,
А гдѣ?
Въ судѣ. . . . .
Чтобъ часомъ дорожить,
А дѣло доложить;
Скажу я въ кратцѣ такъ:
Влюбленъ былъ въ дѣвушку простакъ,
Иль во все онъ дуракъ;
Усердствомъ, кошелькомъ и лаской какъ ни вился;
Но склонность получить надежды всей лишился.
Смѣялись дураку пріятели въ глаза,
Что въ азбукѣ онъ сей не знаетъ ни аза.—
Насмѣшка хошь шутлива,
Но очень щекотлива.
Любовникъ вздумалъ имъ насмѣшку отшутить,
А выдумку такȢ
Простить лишь дураку,
Сказалъ, что въ дѣлѣ онъ не даромъ хлопоталъ,
Во снѣ любовницу насильно цѣловалъ. —
Дружки послѣдній мозгъ въ болванѣ закружили;
И гордой дѣвушкѣ въ корыстный умъ вложили,
Что будто бы давно
Въ законахъ все равно,
Во снѣль кто причинилъ, иль на яву безчестье,
И можно получить на денежкахъ возмездье.—

Филатъ
Тому и радъ;
Кокетка ну въ парадъ!
Судьѣ мнитъ красоту свою во власть отдать,
А денежки съ глупца,
Какъ скорлупу съ яица,
Содрать.
Пырь въ легкой юбочкѣ къ судьѣ сперва на дворъ,
Который лишь въ судѣ, въ часъ должный слушалъ
споръ.—
Судья ей повелѣлъ пристойнѣй нарядиться,
И въ судъ по томъ явиться,
Сказавъ, что въ домѣ онъ хозяинъ не судья,
И не пріемлетъ тутъ ея челобитья.—
Прыгунья ужъ въ фуро въ судѣ тотчасъ явилась,
И предъ судьей своимъ присѣвши прослезилась.—
Судья прошенье взялъ;
Соблюдши форму всю, любовника призвалъ;
Узнавъ въ немъ простяка, узнавши въ ней плу-
товку,
Въ рѣшеньи взялъ свою обычную снаровку;
Спросилъ красотку онъ:
Ну, еслибъ на яву то было, а не сонъ;
То сколько бы съ него безчестья ты просила?—
Рублей бы тысячу; прыгунья говорила.—
Сей часъ велѣлъ глупцу ту сумму онъ принесть;
А ей велѣлъ рукой своею перечесть;
И дѣла въ совершенье,
Сказалъ онъ имъ рѣшенье:
Отвѣтчикъ истицу въ снѣ грезя цѣловалъ,
Вообраэкеньемъ онъ однимъ себя питалъ;

Она глазами любовалась;
Какаябъ сумма ей досталась;
И такъ
Изъ нихъ быть долженъ всякъ
Доволенъ воображеньемъ,
А мнѣ благодареньемъ;
Отвѣтчикъ деньги пусть свои къ себѣ возметъ;
И всякъ съ чѣмъ въ судъ пришелъ, домой пусть съ тѣмъ идетъ. П. И.

118. *Любопытная эпоха Демофоновой жизни.*

Демофонъ всегда и вездѣ кричалъ: бѣгу людей; они всѣ измѣнники, вѣроломны, безчеловѣчны, злобны, лживы, обманщики, скупы и неблагодарны; знакомство ихъ меня приводитъ въ ужасъ. И такъ сей Философъ удалился въ свою деревню; одинъ токмо Климандръ, любезный его ученикъ, изключенный изъ анафемы или проклятія произнесеннаго имъ на весь человѣческой родъ, былъ спутникомъ и собесѣдникомъ его въ уединеніи.

У Демофонова садовника была дочь 16 лѣтъ; ея нѣжность, красота, младость, невинность, кротость, скром-

ность зримая въ очахъ ея, а такожъ одежда и весь на ней уборъ изящной и пріятной простоты, представляли Танюшку (имя садовниковой дочери) весьма прелестною и любезною дѣвицею.

Се, камень преткыканія и для философіи! Демофонъ вскорѣ отставилъ прежнія свои правила; Таня примирила его нечувствительно съ человѣческимъ родомъ. Онъ воздыхаетъ, употребляетъ всѣ средства, обѣщанія, подарки, чтобъ токмо прельстить молодую крестьянку. Онъ уже не видитъ, что впадаетъ въ тѣ же самыя заблужденія, коими онъ предъ тѣмъ толико порицалъ всю природу. Потомъ силится онъ склонить ее угрозами своими; но она и въ семъ случаѣ по невинности своей противится; а онъ тѣмъ болѣе плѣняется ею.

На послѣдокъ Демофонъ вышедъ изъ терпѣнія говоритъ Клитандру: „я намѣренъ съ Танюшкою бракосочетаться; какъ ей еще нимало несвѣдомо градское заразительное обращеніе; то я и не имѣю причины опасаться ни какой

со стороны ея невѣрности; а по тому и пребуду совершенно благополученъ. Я буду имѣть въ уединенiи моемъ надежную подругу, коей душевныя качества я усовершу, или лучше сказать, она присвоитъ себѣ мои. И такъ бракъ сей совершился.„ Демофонъ съ великимъ восхищенiемъ говорилъ: о какъ я счастливъ! мои книги, мой другъ, моя жена будутъ всегдашнимъ моимъ упражненiемъ въ сей жизни; и они конечно содѣлаютъ оную мнѣ прiятною.

Любовь есть какъ заразительная болѣзнь, которая увеличивается отъ большаго къ ней приближенiя или прикосновенiя. Клитандръ прежде дивился премѣнному образу мыслей въ наставникѣ своемъ такъ какъ и тому, что онъ любилъ и почиталъ супругу свою сердечно; по томъ вскорѣ началъ завидовать его счастiю; на конецъ юное сердце его пронзенно было стрѣлами Танюшкиныхъ прелестей. Онъ не взирая на мучительную сiю язву,

боролся еще со склонностію, которая дѣлала его виновникомъ тяжкой измѣны; но всѣ усилія его были тщетны; любовь не внемля никакимъ представленіямъ ума, все отринула и все преодолѣла. И такъ Клитандръ началъ Танюшкѣ о любви своей внушать; а легкомысліе и любострастіе, качества толь врожденныя оному полу, заставили ее то слушать; и къ нещастію Демофона она его весьма полюбила. — Нѣтъ нужды жить въ городахъ и при дворѣ для наученія притворству; злоухищреніе и вѣроломство всюду и въ селахъ и деревняхъ вѣдомы.

Сколь ни потаенны и сокровенны были обстоятельства, въ коихъ жили сіи любовники; но Демофонъ въ непродолжительномъ времени свѣдалъ о своемъ нещастіи. И такъ онъ измѣненъ бывъ всѣмъ тѣмъ, что имѣлъ наидражайшаго, то есть, другомъ и женою, разсуждалъ, куда бы ему удалиться? — Въ пустыню? — Нѣтъ. — Онъ оставляетъ безъ огласки вѣроломныхъ угры-

зенїю совѣсти ихъ, и возвращается въ мїръ, яко школу мудрости. Чрезъ сїе снискалъ онъ то, что непомѣрное его самолюбїе до того времени отъ него скрывало. — Ежели порокъ посрамляетъ и уничижаетъ человѣчество; то размышленїя, кои онъ преподаетъ прямому мудрецу, содѣлываютъ добродѣтель его вящшею, и доставляютъ ему то души спокойствїе, безъ коего нѣтъ и не можетъ быть никогда истиннаго благополучїя.

119. *Повѣсть о удаломъ молодомъ солдатѣ.*

Воинская команда, отряженная подъ Алжиръ, проходя Гренаду, Испанской городъ, остановилась во ономъ поздо въ вечеру для ночлегу. Одинъ молодой и проворной солдатъ сей команды пришедъ къ купеческому дому, гдѣ ему назначена была квартира, стучался у воротъ. Служанка отворя оныя спросила: что тебѣ надобно? — Ночлегъ по указу королевскому, отвѣчалъ онъ.

— Служанка позвала хозяйку, которая сошедъ внизъ и узнавъ требованіе солдата, говорила ему: какъ я женщина молодая и недавно еще за мужемъ, да къ томужъ по отлучкѣ онаго; теперь я одна съ служанкою дома; то весьма зазорно мнѣ принять въ домъ мужчину. — На сїе воинъ учтиво сказалъ ей: простите мнѣ, сударыня, что я васъ обеспокоилъ; но какъ уже очень поздо искать другой квартиры, которыя можетъ быть всѣ заняты моими товарищами; на улицѣ же ночевать не очень пріятно; то прошу васъ отвесть мнѣ такое мѣсто, какое вамъ угодно; увѣряю васъ, что я нималѣйшаго беспокойства вамъ не сдѣлаю. — Молодица хотя крайне сего гостя не жаловала, но видя, что онъ требуетъ законнаго, и потому оставя всѣ учтивости можетъ усилиться, приказала служанкѣ впустить его и отвести въ чердакъ.

Солдатъ взошедъ на дворъ, говорилъ хозяйкѣ учтивымъ же образомъ: сударыня! я еще не ужиналъ; и хотя я

отъ васъ ужина не требую, зная, что вы не обязаны дѣлать мнѣ сего одолженія, по тому что намъ Король за то платитъ; но какъ теперь за позднимъ временемъ не можно ничего найти въ городѣ купить; (*) то прошу васъ покорно, прикажите дать мнѣ чего нибудь поужинать; я вамъ за то плачу.— Какъ! сказала хозяйка, развѣ ты думаешь, что сей домъ харчевня? Ежели тебѣ надабно, поди ночуй здѣсь, а объ ужинѣ ни слова. — Солдатъ смекнувъ скоро, что уже нигдѣ внѣ квартиры сей не найти ему ужина, и что можетъ быть по возвращеніи его болѣе сюда не пустятъ, избралъ за лучшее остаться здѣсь ночевать и безъ ужина. И такъ проводили его въ пустой тотъ чердакъ, и дали ему худую постелишку, на которую онъ и принужденъ былъ лечь; ибо солдаты въ Испаніи а паче въ большихъ городахъ не смѣютъ такъ вольно поступать съ хозяевами своими, какъ

(*) ВЪ ИспанскихЪ городахЪ харчевенЪ почти совсемЪ нѣтЪ.

во Франціи и другихъ странахъ. Постояльцу весьма худо было лежать, по тому болѣе, что тощій желудокъ его безпрестанные дѣлалъ ему о себѣ доклады; и для того онъ не имѣя большой охоты спать, ворочался съ боку на бокъ, и не могъ глазъ сомкнуть.

Такимъ образомъ лежа воинъ, и озирая всѣ стороны почивальни своей, усмотрѣлъ вдругъ свѣтъ исходившій сквозь щель пола. Сіе явленіе родило въ немъ любопытство. Онъ вставъ съ постели, легъ на полъ, и смотря въ ту скважину, видитъ въ низу хорошо убранную горницу, а подлѣ оной изрядную кухню, въ коей на разложенномъ огнѣ вращаемы были служанкою два вертела съ дичиною; по томъ видитъ хозяйку, съ коею онъ предъ тѣмъ имѣлъ честь разговаривать, сѣдящую подлѣ того огня въ объятіяхъ молодаго адвоката, которой былъ въ обыкновенной своей долгой мантіи: (*) *Какъ!* говоритъ про себя

(*) Во многихъ Европейскихъ странахъ адвокатство есть особое званіе людей; дол-

воинъ, *неужели ето та женщина, которая въ отсутствіи мужа своего не принимаетъ къ себѣ мужчинъ?* Но тотчасъ по семъ замолчалъ, видя, что не пришло еще время говорить, а будучи томимъ голодомъ, взиралъ на жаримую дичь съ толь алчными глазами, что убралъ бы все до крохи. Наконецъ видитъ онъ накрытой столъ, на которой носили кушанье и бутылки съ виномъ прохлажденныя во льду для лучшаго вкуса (лѣтомъ).

Хозяйка и угодникъ ея только умыли руки, и не успѣли еще сѣсть за столъ, какъ вдругъ застучали у воротъ. Служанка вышедъ спросила: *кто тамъ?* И по отвѣту узнала, что то былъ возвратившійся хозяинъ, котораго ожидали чрезъ три или по крайней мѣрѣ чрезъ два дни. Она испугавшись, безъ памяти взбѣжала въ верхъ и едва могла молвить: *ахъ, сударыня, бѣда, вить самъ пріѣхалъ!* Хозяйка стала было въ ту-

---

жность ихъ почти та же самая, что въ Россіи частныхъ стряпчихъ.

никъ, не зная что дѣлать; хочетъ скрыть дорогова своего гостя, но куда, не придумаетъ, умъ за разумъ заходитъ; ибо кромѣ того покоя и еще другаго, которой занимала служанка, не было никакихъ иныхъ. Пустить его на верхъ въ чердакъ, гдѣ лежалъ солдатъ, опасалась открыть то оному, какъ посторроннему и неудовольствованному отъ нее человѣку, дабы не разгласилъ безчинства ихъ. А проводить гостя въ низъ, не было такъ же никакой возможности, по тому что лѣстница была одна, по коей надлежало восходить хозяину, которой отперши самъ какимъ то образомъ ворота, стоялъ уже у дверей передъ крыльцомъ, и жестоко стучалъ въ оныя, чтобъ скорѣе отперли. И такъ все, что она могла придумать на скорѣ, состояло въ томъ, что велѣла красавцу своему скрыться въ томъ же самомъ покоѣ въ кроватномъ заулкѣ; а ужинъ поставя весь въ стоявшїй близъ того большой шкафъ, затворила оный; по томъ столъ покрывъ

ковромъ, сѣла сама подлѣ огня; на конецъ отперли хозяину двери.

Коль скоро сей взошелъ къ ней; то она опрометью кинулась ему на шею и обнявъ говорила: ахъ, мой свѣтикъ! какъ я обрадовалась, увидя тебя; я никакъ не думала, чтобъ ты сего дня возвратился.— Отправя, душинька, дѣла скорѣе нежели чаялъ, отвѣчалъ онъ, поспѣшалъ домой колико можно; я переѣхалъ сего дня 90 верстъ, дабы не заночевать на дорогѣ въ худыхъ нашихъ тракширахъ, а паче чтобъ скорѣе увидѣться съ тобою. Но что значитъ, спросилъ онъ, сей великой огонь?— Ахъ! душа моя, отвѣчала она, я чувствую въ животѣ толь несносную боль, что принуждена натрѣвать оной салфетками; и думаю, что нечаянная скорбь сія приключилась мнѣ отъ досады, полученной мною сего вечера отъ солдата, которой не смотря на упорство мое, избралъ себѣ въ домѣ нашемъ ночлегъ яко бы по указу королевскому; я столько крушилась видя мужчину у себя въ

домѣ въ небытность твою, что безъ сумнѣнія отъ того и захворала.

Тогда постояльцу пришло въ голову, что время уже показаться; ибо онъ опасался, чтобъ въ противномъ случаѣ не потревожили его. И такъ тотчасъ началъ одѣваться; а между тѣмъ слушалъ продолженіе разговора ихъ. — Хозяинъ говорилъ: душинька, я еще не ужиналъ, и ѣсть крѣпко хочу; есть ли у тебя что мнѣ подать? — Теперь, свѣтъ мой, отвѣчала она, ничего нѣтъ готоваго, такъ какъ я тебя не дожидала; я же въ небытность твою обыкновенно довольствуюсь однимъ печенымъ яблокомъ, да служанка другимъ. — И такъ послѣднее средство, примолвилъ хозяинъ, итти спать безъ ужина, хотя и не хочется.

По семъ солдатъ одѣвшись совсемъ, сходитъ въ низъ и стучитъ у дверей, кои ему тотчасъ отперли. Вошедъ поздравляетъ хозяина съ пріѣздомъ и проситъ у него извиненія, ежели онъ чѣмъ либо обеспокоилъ сожительницу его,

когда она не хотѣла его впустить; но онъ пришелъ сюда ночевать по приказу маіорскому; по чему и показываетъ хозяину билетъ, дабы сей не почелъ што за наглость; да при томъ же, думаю, государь мой, говоритъ салдатъ, сожительница ваша не можетъ жаловаться. чтобы я сказалъ ей что либо противное и обидное.— Я не жалуюсь, не жалуюсь, отвѣчала она. — Господинъ хозяинъ, продолжалъ воинъ, я думаю, вамъ нѣчего было ужинать, по тому что васъ сего дни не дожидали, сколько я могъ замѣтить изъ словъ хозяюшки при впускѣ меня въ домъ вашъ; такъ какъ и я не ужиналъ; и ежели вамъ хочется покушать такъ же какъ мнѣ, то я удовольствую въ томъ васъ; тотчасъ прикажу изготовить хорошій ужинъ на три персоны: для васъ, вашей сожительницы и для себя. — Не можетъ то статься, отвѣчалъ хозяинъ; по тому что теперь во всемъ городѣ трудно сыскать что либо купить.— Пожалуйте не заботтесь о томъ, продолжалъ солдатъ, ужинъ

готовъ будетъ немедлѣнно; признаюсь чистосердечно, я грѣшной человѣкъ, между нами будь сказано, нѣсколько маракую чернокнижества, слѣдовательно повелѣвать и духами: позвольте мнѣ доказать вамъ на самомъ дѣлѣ, что я имѣю кредитъ въ адѣ, гдѣ готовятъ кушанье не хуже сего свѣта и города.

И такъ взялъ онъ изъ кухни уголь и онымъ очертился вокругъ. А какъ онъ былъ дѣтина проворной; то началъ потомъ произносить нелѣпыя и странныя слова, коихъ разумѣть хозяева боялись, да и самъ онъ вранья сего не понималъ; и по учиненіи многихъ немѣнѣе странныхъ кривляній, дабы тѣмъ болѣе уважа прикрасить свой обманъ, возгласилъ громко и вразумительно: я тебѣ повелѣваю принести сюда ужинъ для господина хозяина, госпожи его сожительницы и для меня; но постарайся насъ хорошенько уподчивать. — Что вамъ угодно кушать, государь мой, оборотясь спросилъ воинъ хозяина? — Но сей крайне

изумясь отвѣчалъ: все, что ты изволишь, господинъ служивой. — Слушай же, продолжалъ воинъ приказывать духу, принеси сюда сей часъ доброй и правной супъ искусно изготовленной съ каплукомъ, хорошаго жаренаго каплуна, пару рябчиковъ, зайчика и пару куличковъ. (Сїе кушанье есть то самое, которое постоялецъ видѣлъ на огнѣ въ хозяйской кухнѣ, и которое онъ на досутѣ прилѣжно замѣтилъ на столѣ.) —— Довольно ли сего, господинъ хозяинъ, спросилъ онъ? — Ахъ, господинъ служивой, отвѣчалъ тотъ, сїе въ трое больше, нежели сколько надобно. — Подай сюда еще, примолвилъ балагуръ духу, дюжину жаворонковъ для очистки зубовъ; сверхъ того приготовь намъ прохлажденнаго во льду вина, порядочныя плоды и конфенты, но что бы все было со вкусомъ; ты же между тѣмъ какъ можно берегись кому либо здѣсь казаться, дабы не испугать хозяюшку какимъ либо непрїятнымъ явленїемъ; наконецъ я хочу, чтобъ все мною отъ

тебя требуемое поставлено было въ семъ шкафу. (указывая на тотъ самый, въ которомъ все собранное до того хозяйкою со стола стояло.)

Погодя немного воинъ молвилъ хозяину: прикажите, сударь, отворить шкафъ; ибо все то, что я требовалъ, поставлено уже въ немъ; и вы увидите, сколь покорны мнѣ демоны. —— Хозяйка крайне удивляясь про себя хитрости и проворству воина, и опасаясь противиться открытiю шкафа, дабы тѣмъ его не раздражить, тотъ часъ съ притворною боязнiю и молитвою отворила шкафъ, въ коемъ все, что онъ ни спрашивалъ, находилось теплое и готовое кушать къ толь великому удивленiю и смущенiю хояина, что онъ не зналъ, что о томъ говорить и думать. Хозяйка не меньшее удивленiе изъявляла, но токмо притворно

Тогда солдатъ началъ уже поступать по хозяйски; приказываетъ накрыть столъ и подавать кушанье, пока не простыло; а какъ онъ весьма проголо-

далъ; то тотъ часъ отломя ногу у каплуна, и молвивъ: *вотъ изрядно*! началъ убирать ее. Хозяину трудно было отважиться на сїе кушанье, которое принесено по мнѣнїю его изъ толь страшнаго мѣста. Хозяйка хотя все то сама стряпала; но говорила, что она никакъ не осмѣлится ничего вкусить. Солдатъ просилъ, чтобъ она нимало не опасаясь кушала, и притомъ увѣрялъ, что безъ сумненія ей все понравится. Посемъ дѣлая честь дому, посадилъ хозяина и жену его, подлѣ которой самъ сѣлъ. Тотъ часъ взялъ ложку, и отвѣдавъ супу, сказалъ: *преизрядная похлебка!* По томъ просилъ хозяина отвѣдать; но сей долго не могъ на то рѣшиться. Наконецъ кое-какъ съ молитвою прикушалъ; и какъ супъ ему весьма показался; то онъ совѣтовалъ наложить онаго женѣ своей, которая, хотя въ самомъ дѣлѣ нимало не страшилась его, однако заставляла много просить себя. Короче сказать: мало по малу они оба начали кушать его;

а солдатъ проголодавшись не оставилъ оказать и въ ѣдѣ своего проворства, убирая болѣе нежели противъ двоихъ. Хозяинъ хвалилъ кушанье и удивлялся, что въ адѣ есть столь же хорошіе приспѣшники, какъ и въ Гренадѣ. Между тѣмъ попивали вины, кои всѣмъ имъ весьма понравились; напослѣдокъ лакомились плодами и закусками. И все вообще было толь пріятнаго вкуса, что хозяинъ принужденъ былъ признаться, что онъ давно не имѣлъ въ столѣ такого удовольствія.

Послѣ ужина солдатъ сжалился надъ бѣднымъ сутягою, который слышалъ а можетъ быть и видѣлъ, какъ кушали его добро, и не имѣвъ въ томъ участія самъ голодовалъ. Но чтобъ вывесть его искусно изъ заулка кроватнаго, не столь легко казалось воину, какъ онъ лишилъ его ужина; однакожъ вскорѣ придумалъ забавную хитрость.

Ну, сударь, сказалъ солдатъ хозяину, прошу не погнѣваться; я думаю, вы не очень довольны симъ столомъ. —

На противъ того, господинъ служивой! отвѣчалъ хозяинъ будучи посмѣлѣе прежняго отъ винныхъ паровъ: я очень доволенъ. —— Но ето не все, примолвилъ воинъ; я хочу показать вамъ того, которой насъ накормилъ и напоилъ; вить онъ здѣсь. — Ахъ, нѣтъ! пожалуй не дѣлай того; сказала съ торопливостію хозяйка задрожавъ вся отъ страху, чтобъ онъ не открылъ того, что она крайне желаетъ утаить — Но хитрецъ разумѣя, на которую ногу она хромаетъ, сказалъ: не бойтеся, сударыня, я не сдѣлаю того, что вы думаете и чего боитесь; я весьма расположенъ къ угожденію прекраснаго пола; увѣряю въ томъ васъ честію моею. — Хозяинъ столько же на то не соглашался, какъ и жена его; они оба равно страшились, но токмо по разнымъ причинамъ. — Нѣтъ, нѣтъ, господинъ хозяинъ, продолжалъ удалецъ; клянусь вамъ, ничего не увидите, что могло бы васъ испугать. — А оборотясь къ хозяйкѣ молвилъ: сударыня: прикажите отво-

рить всѣ двери до самой улицы ; а инако духъ скорымъ выходомъ можетъ всѣ изломать. —— Хозяйка смѣкнула, что онъ и въ семъ случаѣ хочетъ спроворить; и для того сказавъ только: *Боже мой! какой ужасъ!* велѣла служанкѣ отворить поскорѣе всѣ двери и ворота на улицу; что немедлѣнно и исполнено было. — Чародѣй вставъ со стула, возгласилъ громко: ты, которой теперь здѣсь, которой хорошо насъ уподчивалъ, насъ видишь и слышишь, убирайся отсюда стремительно отворенными дверьми, но такъ, что бы ничего не изломать, и не въ своемъ видѣ. — А въ какомъ вамъ угодно, обратясь спросилъ онъ хозяина поспѣшно? — Въ какомъ ты изволишь; отвѣчалъ сей ожидая нетерпѣливо, чтобъ только скорѣе избавиться сатанинскаго присутствія. — Слушай, возопилъ паки мнимый чернокнижникъ къ духу, выходи же во образѣ адвоката.

Бѣдной сутяга видя способной и безопасной къ выходу своему случай,

тотъ часъ нахлобуча себѣ шляпу на глаза, чтобъ не призналъ его хозяинъ, выскочилъ стремительно изъ засаднаго мѣста, и со всѣхъ ногъ ударился бѣжать изъ дверей въ двери и наконецъ на улицу.

Хозяинъ сколь скоро увидѣлъ сего чорта, такъ испугался, что затрясшись весь, и вскричавъ: *ай, ай, мѣсто наше свято!* чуть было не упалъ со стула. А хозяйка, чтобъ болѣе уважить сїе явленїе, только ахнувъ разъ, вдругъ покатилась со стула и будто обмерла. И такъ тужъ минуту раздѣли ее и положили на постелю; мужъ остался при ней; а солдатъ пошелъ на свое мѣсто спать съ большею уже охотою, нежели прежде. По нѣкоторомъ времени хозяйка изъ тяжкаго обморока пришла въ глубокой сонъ, такъ что до самаго утра не просыпалась. Напротивъ хозяинъ во всю ночь не могъ глазъ сомкнуть, размышляя о всемъ, что онъ ѣлъ и пилъ, слышалъ и видѣлъ.

Поутру солдатъ простясь съ хозяиномъ, которой насказалъ ему за вче-

ратнее тму благодарностей, тотъ часъ оставилъ домъ его. А послѣ свѣдавъ, что хозяинъ сошелъ со двора, немедлѣнно возвратился на мѣсто вчерашняго театра; гдѣ увидя хозяйку лежавшую еще въ постелѣ, поздравилъ ее съ добрымъ утромъ. Ей такъ было стыдно, что хотѣла закрыться; но онъ подошедъ къ ней ближе, сказалъ: сударыня, почему вы лишаете меня чести васъ видѣть? не знаю, что бы я такое сдѣлалъ вамъ противное. — Никакъ, мой любезной, отвѣчала она; я столь много вамъ обязана, что стыжусь на васъ взглянуть. . . . .

Сіи разговоры не долго продолжались; они кончились полнымъ удовольствіемъ воина во всемъ, чего ни хотѣлъ; ибо молодица приведя на мысль себѣ, сколь великую услугу оказалъ онъ на канунѣ ей и стряпчему, не смѣла ни въ чемъ ему отказать.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

Невозвратны четыре вещи: время, выговоренное слово, юность и дѣвство.

Четыре вещи лишають человѣка разсужденія: сребролюбіе, гнѣвъ, пьянство и любовь.

Друзей удобно могутъ снискать себѣ люди: щедрые, кроткіе, вельможи или богатые, обходительные и у кого жена хороша.

Четыре вещи скрыты быть не могутъ: огонь, кашель, печаль и любовь.

Худо употребляются въ свѣтѣ сіи вещи: вино у барынь, которыя его не пьютъ, но только имъ лакомятся; птицы въ дѣтскихъ рукахъ; да молодки у стариковъ.

Нѣкто изъ церковныхъ писателей называетъ слѣдующія качества весьма гнусными, но въ прочемъ весьма употребительными, а имянно: мудраго безъ религіи, молодаго безъ послушанія, женщину нехранящую своей чести, господина безъ добродѣтели, христіанина

здорлива, богата скупа, нища горда, стара прелюбодѣя.

Старые люди говорятъ, что никому не должно давать совѣтовъ къ мореплаванїю, къ воинской службѣ, и къ женитьбѣ; потому что конецъ всѣхъ сихъ предпрїятїй всегда бываетъ неизвѣстенъ и сумнителенъ.

Три вещи противныя и одна другой весьма несносныя быть нѣкто объявляетъ: кота съ мышью, двухъ пѣтуховъ и двухъ снохъ въ одномъ домѣ, изъ коихъ тѣ и другїя весьма рѣдко живутъ безъ ссоры.

Женщины всегда желаютъ нетерпѣливо 4 вещей: быть любимыми отъ взрачныхъ и достаточныхъ молодцовъ, превосходить въ пригожствѣ прочихъ своего пола, украшаться драгоцѣнными одеждами, и командовать мужнинымъ домомъ.

Трехъ вещей должны мы наипаче остерегаться: неискуснаго лѣкаря, неваренои или дважды вареной пищи и злаго гостя; а нѣкоторые совѣтуютъ еще опасаться не менѣе и злой жены.

ПѢСНЯ

нѣкоего мореходца,

выражающаго любовь свою тѣми словами и мыслями, какими воображенїе его по привычкѣ къ мореплаванїю наполнено.

Какъ молнїя пловущихъ зракъ
Средь темной ослѣпляетъ ночи;
Краса твоя разяща такъ
Сверкнувъ, мои затмила очи.
Смущенъ и изумленъ я сталъ,
Узрѣвъ толь Ангела прекрасна.
Не столь опасенъ мачтамъ *шквалъ* 1),
Сколь ты казалась мнѣ опасна.

Изчезъ тогда *штиль* 2) чувствъ моихъ;
Престрашна буря въ нихъ возстала;
Тыжъ изъ очей своихъ драгихъ
Брандскугели 3) въ меня метала;

Изъяснение морскихъ терминовъ (реченїй), упоминаемыхъ въ сей пѣснѣ.

1) *Шквалъ*, внезапный вихрь, могущій сломить мачины, ежели не успѣютъ вскорѣ подобрать парусовъ.
2) *Штиль*, тишина, когда нѣтъ никакого вѣтра.
3) *Брандскугели*, ядра начиненныя извѣстнымъ горючимъ веществомъ.

Тогда въ смятенїи моемъ,
Зря грозну прелесть предъ собою,
Не могъ я управлять рулемъ;
И *флагъ спустилъ* 1) передъ тобою.

*

Съ тѣхъ поръ тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
Твоей я волѣ повинуюсь;
Къ тебѣ душевно прикрѣпленъ,
Я за тобою *буксируюсь* 2);
Съ тѣхъ поръ *нактоузъ* 3) твой иль домъ,
Тебя которой сокрываетъ,
Съ такою силой, какъ *мальштромъ* 4)
Меня отвсюду привлекаетъ.

*

Мнѣ въ морѣ утѣшенья нѣтъ;
Вездѣ я безъ тебя тоскую;
И часто мысленно, мой свѣтъ,
Къ тебѣ я нынѣ *лавирую* 5).

---

1) *Флагъ спустить*; когда побѣжденное судно спускаетъ свой флагъ, то симъ даетъ знакъ непрїятелю, что оно отдается въ плѣнъ.

2) *Буксировать* значитъ, когда гребное судно привязавшись канатомъ къ другому судну тянетъ его за собою.

3) *Нактоузъ*, ящикъ, гдѣ стоятъ компасы. Сїе реченїе произходитъ отъ Нѣмецкаго Nacht-Haus, *ночной домъ*.

4) *Мальштромъ*, такъ называется извѣстная у Норвежскихъ береговъ пучина (водоворотъ), къ которому весьма сильное теченїе бываетъ.

5) *Лавировать* значитъ, при противномъ вѣтрѣ изъ стороны въ сторону ходить, подвигаясь чрезъ то всегда нѣсколько въ передъ.

Наполненъ завсегда мечшой,
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ,
То яхтой иногда златой,
То легкимъ чистенькимъ фрегатомъ.

*

Тогда я мню тебя догнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спѣшу и *марсели* 1) отдать,
И *брамсели* я распускаю;
Когда же парусовъ не льзя
При *штормѣ* 2) много несть жестокомъ;
Любовью *трюмъ* 3) мой нагрузя,
Иду, лечу къ тебѣ подъ *фокомъ* 4).

*

Или коль неизвѣстенъ мнѣ
Пунктъ мѣста 5) твоего, драгая;
По близости я въ той странѣ;
Лежу *на дрейфѣ* 6) ожидая.

---

1) *Марсель*, парусъ на срединѣ; а *брамсель*, парусъ въ верху мачты.
2) *Штормъ*, буря.
3) *Трюмъ*, внутренность корабля, куда кладется чугунной и песчаной баластъ (грузъ), чтобъ корабль до нѣкоторой извѣстной высоты сѣлъ въ воду.
4) *Фокъ*, нижній парусъ на той мачтѣ, которая стоитъ въ носу корабля. При крѣпкомъ благополучномъ вѣтрѣ обыкновенно распускаютъ одинъ сей парусъ, а прочіе всѣ закрѣпляютъ, по тому что мачты не въ силахъ тогда выдержать великой напоръ отъ вѣтра.
5) *Пунктъ мѣста*; корабль плавая по морю ведетъ счисленіе своему пути, и мѣсто свое назначаетъ на картѣ точкою.
6) *Лечь на дрейфъ*, стоять почти на одномъ мѣстѣ

Лишь ты отколь предпримешь путь,
Конструкцію 1) твою драгую
Узрю, хоть въ горизонтѣ будь,
И въ мигъ тебя *залеленгую* 2).

*

Тогда не медля ни часа,
Къ тебѣ я *курсъ* 3) свой направляю;
Брасоплю 4), ставлю паруса,
Сержусь, кричу, повелѣваю,
Въ кильватеръ 5) за тобой пускаюсь,
Узловъ 6) по десяти бѣгу.
Но вдругъ отъ мыслей пробуждаюсь,
И, ахъ! стою на берегу.

безъ помощи якоря, на какой бы то ни было глубинѣ; т. е. въ передъ по вѣтру, хотя бы онъ былъ крѣпкій, ни сколько почти не подаваться.

1) *Конструкція*, есть образъ построенія корабля. Часто по конструкціи изъ далека узнаютъ какой корабль, Французской ли, Англинской ли, или другой какой націи.

2) *Залеленговать*, значитъ по компасу замѣтить какой нибудь предмѣтъ, въ которую сторону онъ виденъ.

3) *Курсъ*, путь, куда корабль идетъ.

4) *Брасопить паруса*, значитъ ставить ихъ вкось корабля, чтобъ вѣтръ, съ боку предлежащаго ему пути дующій, могъ ихъ надувать.

5) *Въ кильватеръ итти*, значитъ то, когда одинъ корабль, прямо въ корму другаго идетъ.

6) *Узелъ*, мѣра, содержащая въ себѣ нѣсколько саженъ. Обыкновенно считаютъ, сколько такихъ мѣръ корабль пробѣжитъ въ минуту.

Сантиппы философа

БАСНИ

со нравоученїемъ.

1

Оселъ и кузнечикъ.

Оселъ плѣнясь прїятностїю кузнечикова пѣнїя, и нетерпѣливо желая имѣть подобный сему голосъ, спросилъ у него: чѣмъ ты питаешься? — Кузнечикъ отвѣтствовалъ: воздухомъ и росою. — Оселъ думая открыть уже надежный способъ къ полученїю желаемаго, весьма радъ былъ. И для того отложивъ обыкновенный свой кормъ, а въ мѣсто того разинувъ пасть, глоталъ воздухъ и росу; и сїе продолжалъ до тѣхъ поръ, пока околѣлъ (съ голоду).

Подобно сему многїе человѣки силятся снискать то, въ чемъ имъ природа отказала, какъ то: дурноголосые, безобразные и иные; но всѣ употребляемые ими къ тому способы не токмо безуспѣшны, но еще и вредны для нихъ. Свидѣтель тому вседневный опытъ.

2

Ласточка и воронъ.

Ласточка и воронъ завели споръ о красотѣ своей. Воронъ между прочимъ сказалъ ласточкѣ: какъ бы ты хороша и нарядна ни была, но токмо весною появляешься; а я какъ бы дуренъ ни былъ, но ни зимней стужи, ни лѣтняго жару не боюсь.

Сіе доказываетъ, что здравіе и крѣпость силъ преимущественнѣе пригожства.

3

Рѣки и море.

Рѣки порицали море, что оно пріятныя ихъ воды, какъ скоро вливаются въ него, дѣлаетъ солеными, горькими, и по тому вовсе къ утоленію жажды неспособными; но море отвѣтствовало имъ съ досадою: не входите въ меня; и воды ваши не будутъ таковы.

Весьма много есть такихъ людей, кои поносятъ того, кого обязаны благодарить.

Такъ же и то правда, что предаваясь злу, зло и вкушаютъ; на что было предаваться? —

4

Кошка и пила.

Кошка вошла въ кузницу, и нашедъ тамъ пилу, начала лизать ее прилѣжно такъ, что изъ языка ея текла кровь ручьемъ; но она въ жестокой сей боли утѣшаясь надеждою згрызть желѣзо, до тѣхъ поръ упорствовала въ предпріятіи своемъ, пока языкъ ея во все стерся.

Поздо несчастіе свое познаютъ тѣ люди, кои о зазорномъ и вредномъ дѣлѣ, какъ бы о полезномъ, весьма усильно стараются. — — Почти всѣ таковы волокиты!

5

Охотникъ и волкъ.

Охотникъ увидѣвъ волка ворвавшагося въ клевъ и многихъ овецъ убивавшаго, тотчасъ пустилъ на него своихъ собакъ и сказалъ ему съ насмѣшкою: бѣдное животное! гдѣ твое нынѣ проворство и злость.

Всякъ хорошъ въ своемъ ремеслѣ? — Но по пословицѣ: и на Машку живетъ промашка.

6

Два пѣтуха

Два пѣтуха дрались между собою. Бой кончился. Побѣжденный скрылся въ отдаленномъ мѣстѣ; а побѣдившій взлетѣлъ на самый верхъ крышки. И въ то самое время, какъ сей тамъ восхищался и гордился побѣдою, орелъ стремительно налетѣвъ, унесъ его съ собою.

Худо полагаться на счастіе свое и силы; а и того хуже превозноситься тѣмъ и другимъ. — Рано ли поздо найдетъ коса на камень.

7

Голубь и водяной сосудъ.

Голубь томимъ бывъ несносною жаждою, для сысканія воды всюду безъ памяти метался; напослѣдокъ усмотрѣлъ на стѣнѣ нарисованной водяной сосудъ; и думая найти въ немъ воду, стремительно полетѣлъ туда; но уда-

рясь о стѣну жестоко, упалъ на землю полумертвъ; и едва дыша говорилъ самъ въ себѣ: о! какъ я несчастливъ, силясь нетерпѣливо утолить жажду свою, не помышлялъ я нимало объ опасности своей жизни.

Благоразумная осмотрительность всегда была, есть и будетъ предпочтительнѣе и выгоднѣе безразсудной стремительности. — Таковымъ же непрїятностямъ подвергаются люди, гонящїеся за всемъ тѣмъ, что есть подложное, нарисованное, сущая мечта.

8

Воронъ и пастухъ.

Воронъ примѣтивъ, что орелъ схватилъ въ стадѣ ягненка, вздумалъ въ подражанїе ему сдѣлать подобную попытку. И такъ увидѣвъ въ стадѣ бродившаго барана, тотчасъ пустился на него. Но какъ кривыя его когти запутались въ волнѣ онаго; то пастухъ напалъ на него, и по немногихъ ударахъ убилъ.

Малосильный домогающійся сравниться съ мощнымъ не токмо принужденъ бываетъ вскорѣ признать свою слабость, но часто безразсудною своею дерзостію навлекаетъ на себя великія бѣды. — То же, что не по себѣ дерево ломить.

9

Заецъ и лисица.

Заецъ для утоленія жажды сошедъ кое-какъ въ колодецъ нарочитой глубины, съ великою жадностію пилъ воду. Но выттти оттуда многократно покушаясь, и видя всѣ усилія свои въ томъ тщетны, чрезмѣрно тосковалъ. Лисица мимошедши примѣтивъ то сказала ему: куда какъ ты, господинъ косой, глупъ! тебѣ надлежало, по моему, не входя еще въ колодезь, подумать о способѣ выттти изъ онаго; и ты теперь дѣйствительно въ крайнемъ несчастіи; да дѣлать уже нѣчего.

Сіе на счетъ тѣхъ, кои съ лишкомъ надѣясь на себя, и по тому нимало не

обдумавъ дѣла, принимаются за оное. Мы видимъ ежедневно пагубныя послѣдствія безразсудныхъ всякаго рода предпріятій.

10

Волъ, львица и кабанъ.

Волъ набрелъ на спавшаго льва, и такъ ловко ударилъ его рогами, что тотъ на вѣки заснулъ. Вскорѣ по семъ львица мать его пришедъ, горестно оплакивала злополучную его кончину. Кабанъ видя все то изъ дали, сказалъ ей: сколь много есть людей оплакивающихъ подобнымъ образомъ ближнихъ своихъ, коихъ вы умертвили?

1. Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ. 2. Не всегда сильный надъ слабѣйшимъ себя торжествуетъ.

11

Левъ и два вола.

Левъ желая поѣсть посытнѣе, учинилъ нападеніе на двухъ воловъ. Но они соединивъ свои силы, вооружились противъ него рогами своими, дабы тѣмъ

не допустить его къ себѣ. Онъ видя неудобство сражаться съ двумя, поднялся на хитрости; и такъ одному изъ нихъ сказалъ: *если ты выдашь товарища своего, то я оставлю тебя невредима*. И посредствомъ таковаго коварства убилъ ихъ обоихъ.

Народныя общества будучи единодушны и согласны, удобно враговъ своихъ побѣждаютъ; а въ противномъ случаѣ удобно же ими побѣждаются. — Се что добро или что красно во еже жити братїи вкупе? — На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ?

12

Лисица и обезьяна.

Лисица и обезьяна шедъ вмѣстѣ, достигли кладбища. Тогда обезьяна говорила лисицѣ: всѣ сїи мертвецы, коихъ ты здѣсь могильныя насыпи видишь, были рабы моихъ родителей, отпущенные на волю. — Ты весьма хорошо солгала, отвѣтствовала ей лисица, да и обличить тебя въ томъ

изъ погребенныхъ здѣсь никто не можетъ.

Сія баснь изображаетъ тѣхъ, кои явную ложъ за сущую правду выдаютъ. — Не столько богатъ, сколько хвастливъ.

13

Олень и охотники.

Олень пилъ изъ источника. И какъ онъ тогда увидѣлъ въ водѣ онаго тѣнь свою; то началъ мерзить тонкостїю своихъ голеней, а напротивъ увеселяться пригожествомъ роговъ своихъ. Вскорѣ появясь тамъ охотники, погнались за нимъ. Онъ устремясь по полю посредствомъ легкости и скорости ногъ своихъ, далеко ушелъ; но достигши густаго лѣсу, запутался въ вѣтвяхъ онаго, похвальными своими рогами; и бывъ по томъ изловленъ, съ воздыханїемъ самъ въ себѣ сказалъ: о какъ я несчастливъ! то, что презиралъ я, спасало меня; а то, чемъ я хвалился, погубило.

Никто ничего хвалить въ себѣ не долженъ кромѣ того, изъ чего суще-

ственная польза произходитъ. На прим. красота и разумъ, что преимущественнѣе? ——

14

Собака и мѣдники.

Собака жила въ домѣ мѣдниковъ; во время работы ихъ всегда она спала покойно; но коль скоро садились они за столъ, то немедлѣнно вскочивъ бѣгала около онаго. Въ одно время спросили они ее: чтобы это значило, что тяжкій и произительный звукъ молотовъ никогда не прерываетъ твоего сна, а весьма тихое скрыпѣніе зубовъ всегда и очень скоро пробуждаетъ тебя.

Подобно сему и люди, въ чемъ находятъ удовольствіе свое и пользу, въ какомъ бы то отношеніи ни было, всемѣрно того ищутъ; а что для нихъ не выгодно, отъ того уклоняются.

15

Лисица и левъ.

Лисица стоя близъ желѣзной решетки, въ коей заключенъ былъ левъ,

жестоко его ругала; но левъ напослѣдокъ хладнокровно ей сказалъ: если я нынѣ обижаюсь, то отнюдь не ругательствомъ твоимъ, а собственнымъ моимъ несчастїемъ, обезсилившимъ меня сею тюрьмою.

То же самое видимъ и между людьми всякаго состоянїя, возраста и пола; многїе изъ сильныхъ слабымъ, изъ знатныхъ подлымъ бываютъ посмѣшищемъ, когда терпятъ бѣдствїе.

16
Змѣя.

Змѣя пресмыкаясь по земли, попираема была ногами многихъ. Напослѣдокъ вышедъ она изъ терпѣнїя вползла во храмъ Аполлоновъ для принесенїя жалобы. Богъ, какъ скоро зазрѣлъ се, сказалъ: того, кто первой наступилъ на тебя, непремѣнно ты должна была ужалить, дабы другїй толико же дерзкїй не отважился того дѣлать.

Если какой либо злодѣй наказуется; то другїе подобные ему тѣмъ устра-

шенные, исправляются. — Если бы да не громъ; не перекрестился бы. — Безъ грозы худо и въ семействѣ.

17
Собаки и лисица.

Собаки терзали зубами львиную кожу. Лисица увидя то, сказала имъ: если бы левъ, котораго сїя кожа, былъ живъ; то бы онъ вамъ доказалъ, что кохти его гораздо острѣе зубовъ вашихъ.

Здѣсь изображаются 1. тѣ, кои сильныхъ, избѣгши ихъ власти, ни во что ставятъ; 2. тѣ, кои сильнымъ въ присутствїи ихъ самихъ, по пословицѣ, кажутъ въ карманѣ кукишь.

18
Хворый оленъ.

Оленъ одержимый жестокою болѣзнїю, лежалъ въ полѣ. Звѣри, кои приходили посѣщать его, поѣдали всегда пищу низпосыланную ему съ неба. А какъ при выздоровленїи его желудокъ

время отъ времени требовалъ болѣе пищи; оной же лишали его всегда тѣ посѣтители, то онъ единственно съ голоду умеръ.

У кого много недостойныхъ друзей и приятелей, тотъ несравненно болѣе зла, нежели добра отъ нихъ получаетъ.

19
Охотникъ и собака.

Охотникъ часто проходя мимо собаки, бросалъ ей всегда кое-какую пищу; но она напослѣдокъ сказала ему: пожалуй поди отъ меня прочь, неоцѣненный мой милостивецъ! чрезмѣрная твоя щедрость заставляешъ меня опасаться впредь многихъ золъ.

Многїе дѣлая знатные подарки имѣютъ намѣренїе совсемъ иное, нежели бы какое имѣть надлежало.

20
Зайцы и лисицы.

Зайцы объявивъ войну противъ орла, приглашали къ тому лисицъ. Но

сїи сказали имъ: мы бы охотно преподали вамъ посильную нашу помощъ; если бы не знали, кто вы и съ кѣмъ воевать покушаетесь.

Сїе въ укоризну тѣмъ, кои къ собственному своему бѣдствїю противъ сильнѣйшихъ себя востаютъ безразсудно.

21

Отрокъ и мужъ.

Отрокъ купался въ рѣкѣ. А какъ онъ неискусенъ былъ плавать; то в корѣ началъ тонуть. Усмотрѣвъ же мимошедшаго мужа со слезами просилъ у него руку помощи. Сей тащa его твердилъ, для чего ты, глупый, не умѣя плавать; пускаешься въ быструю глубину? —— Ты прежде спаси меня, отвѣтствовалъ отрокъ, а потомъ уже жури.

Весьма безразсудно поступаетъ тотъ, кто терпящаго бѣдствїе упрекаетъ тѣмъ. — Весьма тщетно пьянаго или пьяную укорять симъ порокомъ.

22

Орелъ и лисица.

Орелъ подружась съ лисицею, напослѣдокъ поѣлъ дѣтей ея. Она просила боговъ о отмщеніи. По семъ какъ въ праздникъ сожигаема была жѐртва, орелъ налетѣвъ схватилъ весьма жаркое мясо, и тотъ часъ роздалъ своимъ птенцамъ, кои съ жадностію оное пожравъ, отъ жару всѣ подохли.

Мучители хотя никакого наказанія отъ мучимыхъ ими не имѣютъ; но рано или поздо мстительною рукою божіею поражены бываютъ.

23

Человѣкъ и змѣя.

Человѣкъ путешествовавшій зимою, увидѣлъ на дорогѣ издыхавшую змѣю; сжалился надъ нею, и поднявъ ее съ земли положилъ себѣ въ пазуху. Но она коль скоро почувствовала теплоту, ужалила его.

Кто развращеннымъ и злымъ родился; тотъ и благодѣтелямъ своимъ

опасенъ. — Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку.

24

Птицеловъ и куропатка.

Птицеловъ поимавъ куропатку, тотъ часъ хотѣлъ ее убить. Но она сдѣлала ему слѣдующее предложенiе: если ты меня пустишь, то я въ благодарность приведу къ тебѣ многихъ куропатокъ обманомъ. Охотникъ раздраженъ бывъ тѣмъ, немедлѣнно лишилъ ее жизни.

Не копай предъ другимъ ямы, самъ впадешь въ оную.

25

Человѣкъ и курица.

Человѣкъ имѣлъ курицу, которая каждый день несла по золотому яйцу. Но онъ по нѣкоемъ времени недоволенъ бывъ ежедневнымъ таковымъ прибыткомъ, и нетерпѣливо желая вдругъ получить многое сокровище, убилъ ее. А какъ не сыскалъ въ ней ничего, то вздохнувъ сказалъ самъ въ себѣ; пребезумно я сдѣлалъ, что тщетно на-

дѣясь стяжать вдругъ знатное сокровище, упустилъ изъ рукъ своихъ ежедневную умѣренную прибыль.

Премного было и есть примѣровъ, что ищущіе большаго теряютъ и то малое, коимъ владѣютъ. —— Это жадность, порокъ гибельный.

26

Собака.

Собака ухватя въ съѣстномъ рынкѣ кусокъ мяса, и плывъ съ нимъ чрезъ рѣку, увидѣла въ водѣ тѣнь его, которая естественно была больше самаго куска. Тотъ часъ выпустивъ кусокъ изо рта, бросилась къ тѣни. А какъ сія изчезла; то она оборотилась для поднятія опущеннаго; однако ничего не нашла; ибо воронъ подхвативъ то, употребилъ себѣ въ пользу. Тогда собака сказала въ себѣ: куда какъ я глупа! что мнѣ мечталось, того искала; а что имѣла, и то притомъ потеряла.

Сія баснь такъ, какъ и предыдущая, представляетъ людей, бѣдствующихъ отъ ненасытнаго желанія.

27

Оселъ и лошадь.

Человѣкъ имѣлъ осла и лошадь. Лошадь кормилъ хорошо; при томъ каждый день чесалъ ее, а нерѣдко и мылъ. Напротивъ того осла весьма худо содержа, изнурялъ работою. По нѣкоемъ времяни отправился онъ на лошади на войну, гдѣ она бывъ изранена издохла. Оселъ узнавъ о семъ сдѣлалъ такое заключенїе: хотя я и бѣднѣе, но счастливѣе лошади.

Бѣдность незавидующая предпочтительнѣе опаснымъ выгодамъ, какъ то: богатству, роскоши и проч.

28

Смоковница и маслина.

Смоковница зимою обыкновенно бываетъ безъ листьевъ. Маслина близъ ея тогда стоявшая упрекая ее наготою говорила: у меня и лѣтомъ и зимою зеленѣютъ листья, а у тебя токмо лѣтомъ, да и то чрезъ краткое время.— Едва она сїе сказала, какъ молнїя блес-

нувъ, обратила ее въ пепелъ; а смоковница осталась невредима.

Весьма опасно полагаться на красоту и богатство свое.

29
Вольнодумецъ и огородникъ.

Вольнодумецъ увидѣвъ огородника поливавшаго овощи, спросилъ его: скажи пожалуй, другъ мой! почему лѣсныя растѣнія, и ненасаждаемы и неудобряемы, созрѣваютъ; а огородныя, и насаждаемы и удобряемы, увядаютъ. — Тѣ, отвѣчалъ огородникъ, растутъ промысломъ Божіимъ, а сіи человѣческимъ.

Превеликая разность между матернимъ и мачихинымъ воспитаніемъ.

30
Собака и мясникъ.

Собака пришедъ въ мясной рядъ, и нетерпѣливо желая чѣмъ либо тамъ полакомиться, унесла сердце. Мясникъ оборотясь къ ней сказалъ: ты не унесла у меня сердца, а еще придала; но когда ты въ предь отважишься то

сдѣлать, то я проучу тебя добрымъ порядкомъ.

Угрозы дѣлаютъ человѣковъ осторожными и внимательными; но не всѣхъ же однако. Ибо есть много и такихъ обоего пола людей, коимъ и самые побои ни что. Толь непреклонны и вообще злонравны!

31

Собака и огородникъ.

Собака упала въ колодецъ на огородѣ. Когда огородникъ тащилъ ее оттуда, то она сильно на него огрызалась и неоднократно кусала, думая, что онъ хочетъ ее утопить. Огородникъ израненный напослѣдокъ сказалъ: терплю, что заслужилъ; ибо за услугу мою, чтобъ спасти тебя отъ потопленія, получаю жестокія раны.

Точно таковы и человѣки неблагодарные и злые.

32

Брюхо и ноги.

Ноги спорили съ брюхомъ о преимуществѣ своемъ. Между прочимъ

ноги говорили брюху: мы гораздо полезнѣе и превосходнѣе тебя и потому, что носимъ тебя. — На сїе отвѣтствовало брюхо: если бы я не принимало пищи, то бы вы и стоять не могли.

Равнымъ образомъ и семейство не можетъ долго быть семействомъ, т. е. пребыть въ мирѣ, тишинѣ и цѣлости; если не будетъ устрояемо достойнымъ начальникомъ.

33

Сова, курица и тернъ.

Сова, курица и тернъ согласились производить торгъ совокупно. Въ семъ намѣренїи занявъ сова золотыхъ, курица мѣдныхъ денегъ, а тернъ сукна, отправились въ чужїе краи моремъ; но какъ корабль, на которомъ они находились, претерпѣлъ на пути отъ жестокой бури крушенїе, и все то сокровище ихъ потонуло; то съ сего самаго времени сова опасаясь заимодавцевъ своихъ скрылась, и отнюдь никогда кромѣ ночнаго времяни не кажется; ку-

рица всемѣрно домогаясь сыскать потерянныя свои деньги беспрестанно роется въ землѣ, навозѣ, сору и тому подобномъ; такъ какъ морскія раковины индѣ во множествѣ и на высокихъ горахъ находятся; а тернъ стараясь возвратить сукно свое, прилипаетъ къ одеждѣ всякаго прохожаго.

Диру, на чемъ бы то ни было, какъ ни зашивай, все будетъ не цѣлое, а дира. По пословицѣ: пролитое полно не живетъ.

34

Левъ и лисица.

Левъ удрученный дряхлою старостію, когда уже пищи себѣ промышлять не могъ, рѣшился жить обманомъ. И такъ притворясь больнымъ, легъ въ пещерѣ; и звѣрей, кои приходили навѣщать его, убивая пожиралъ. Но лисица не входя къ нему въ пещеру, а стоя въ отдаленности, спрашивала у него о здоровьи. Левъ напротивъ того спрашивалъ ее: для чего она не войдетъ къ нему въ пещеру? —— Для того,

отвѣтствовала лисица, что я вижу слѣды многихъ туда вошедшихъ, но чтобъ кто оттуда возвратился, не вижу ни одного такого слѣду.

Сія лисица научаетъ примѣромъ своимъ всемѣрно остерегаться, дабы мнимою дружбою коварныхъ людей не обмануться.

35

Юноша и скорпія.

Нѣкій юноша ловилъ саранчу. Между оною увидѣвъ скорпію, и почитая ее за саранчу, хотѣлъ схватить. Но скорпія изощряя жало свое, сказала: если ты отважишся меня тронуть; то я сдѣлаю то, что ты и изловленную саранчу пустишь.

Съ развращенными людьми поступать надлежитъ не такъ, какъ съ честными; и всегда должно испытать прежде нравы тѣхъ и другихъ.

36

Волъ, левъ и дикія козы.

Волъ убѣгая отъ льва, остановил-

ся въ ямѣ, гдѣ находясь дикія козы возстали противъ него. Я не васъ боюсь, сказалъ имъ волъ, но того, который стоя у ямы, дожидаетъ меня.

Кто гонимъ и утѣсняемъ сильнымъ; тотъ и отъ слабыхъ терпитъ посмѣяніе. — По пословицѣ на кого Богъ, на того и люди.

37

Европеецъ и Ефіопъ.

Европеецъ увидѣвъ Ефіопа мывшагося въ рѣкѣ, сказалъ ему: не мути напрасно воды; ибо ты отъ того ни сколько бѣлѣе не будешь.

Тщетны труды тѣхъ, кои природу перемѣнить стараются. Безобразные, какъ бы ни умудрялись, не могутъ быть никогда благообразны.

38

Вдова и курица.

Вдова имѣла курицу, которая несла каждый день по яйцу. Она начала ее больше кормить, думая, что больше съѣдая, станетъ нести въ день по два

яйца. На противъ курица зажирѣвъ, вовсе перестала нестись.

Многїе изъ тѣхъ, кои большаго ищутъ, лишаются и того, что имѣютъ.

39
Муравей и кузнечикъ.

Муравей собранною трудами своими въ лѣтнее время пищею довольствовался зимою. Кузнечикъ пришедъ къ нему тогда, просилъ, чтобъ онъ позволилъ ему участвовать въ оной. — Скажи пожалуй, спросилъ его муравей, что тебѣ препятствовало лѣтомъ, заготовить для себя на зиму пищу. — Пѣнїе мое, отвѣтствовалъ кузнечикъ. — По семъ муравей спрятавъ подалѣ пищу свою, съ насмѣшкою сказалъ кузнечику: ну! если ты въ то время пѣлъ, то и теперь тебѣ ни что не препятствуетъ скакать.

Сїе во обличенїе празднолюбцевъ, лентяевъ и гуляковъ, кои въ послѣдствїи не рѣдко терпятъ крайнюю нищету.

40

Коза и волкъ.

Коза паслась на весьма высокой и крутой горѣ. Волкъ усмотрѣвъ ее тамъ, и желая получить ее себѣ въ добычу, тотъ часъ прибѣжалъ къ горѣ. Но какъ никоимъ образомъ не могъ взойти на оную; то стоя у подошвы ея говорилъ козѣ: для чего ты оставя тучные долы, на безплодной горѣ пасешься; или для того токмо, что бы по чрезвычайной крутизнѣ оной подвергать себя всегда опасности? — Я знаю, отвѣтствовала коза, что ты будучи праздень и лакомъ, для меня здѣсь изволишь прохаживаться; ожидай же, пока я сойду, чтобъ быть тебѣ пищею.

Многіе подаютъ совѣты, для коихъ они бѣдственны, а для нихъ токмо самихъ полезны. Таковы суть волокиты и имъ подобные.

41

Человѣкъ, кобыла и ея жеребенокъ.

Кобыла на дорогѣ ожеребилась. Жеребенокъ пробѣжавъ нѣсколько за ма-

терью, и весьма утомясь сказалъ хозяину своему: ты видишь, что я по слабости своей не могу далѣе бѣжать; знай же, что я скоро издохну, если ты меня здѣсь оставишь; а если возмешь съ собою, и станешь кормить, то я послѣ съ охотою возить тебя буду.

Отъ кого благодарность получить есть надежда; тому благодѣяние оказывать должно. —— Здѣсь разумѣются дѣти и всѣ вообще признательные люди.

42

Рыболовъ и обезьяна.

Рыболовъ ловилъ у берегу рыбу. Обезьяна примѣчая то издали, вздумала подражать ему. И какъ онъ оставя сѣть на берегу, пошелъ отдохнуть въ пещеру; то она схвативъ ее, начала метать въ воду. Но будучи неискусна въ подражанiи, вскорѣ запутавшись въ сѣть, утонула. Рыболовъ возвратясь, и видя ее мертву, сказалъ: бѣдное животное! безрасудная твоя ревность погубила тебя.

Кто силится подражать въ дѣлѣ превосходящемъ силы его; тотъ самъ себя губитъ. —

43
Комаръ и волъ.

Комаръ сѣлъ на рогу вола, думая тѣмъ обременить его. Спустя нѣсколько времяни сказалъ онъ волу: если я тебѣ тяжелъ, то изволь слечу. — Какъ ты сѣлъ, отвѣчалъ волъ, я не чувствовалъ; и какъ бы ты слетѣлъ, для меня все равно.

Много есть и людей, кои будучи глупы и подлы, стараются казаться знатными.

44
Честный человѣкъ и разбойникъ.

Нѣкоторый честный и почтенный человѣкъ жилъ долго и счастливо съ своими дѣтьми; но въ послѣдствіи ставъ крайне бѣденъ, и желая лучше умереть, нежели влачить таковую жизнь, рѣшился умертвить себя. Въ семъ намѣреніи взявъ кинжалъ удалился.

Между тѣмъ задумавшись пришелъ онъ ко глубокому рву, гдѣ разбойникъ закапывалъ котелъ денегъ. По отшествіи сего сколь скоро тотъ человѣкъ отрывъ увидѣлъ оные; то въ восторгѣ купно и ужасѣ бросивъ кинжалъ, поднялъ и понесъ ихъ поспѣшно въ домъ къ своимъ дѣтямъ. Разбойникъ же возвратясь къ мѣсту клада своего, нашелъ только кинжалъ; почему обнаживъ оный, закололся.

Рано ли поздо злые зло, а добрые добро получаютъ.

45

Охотникъ и всадникъ.

Охотникъ подстрѣлилъ зайца. Возвращаясь же съ нимъ домой, встрѣтился съ всадникомъ, который просилъ у него зайца за денги. Но коль скоро взялъ онаго; то не давъ ни копѣйки, ударился скакать. Охотникъ бѣжалъ за нимъ долго; но когда уже далеко отъ него отсталъ, то вскричалъ въ слѣдъ ему: уходи пожалуй; ибо я тебѣ зайца подарилъ.

Равномѣрно многіе и изъ насъ когда противъ воли чего лишаются; то добровольно отданнымъ почитаютъ.

46
Собака и заецъ.

Собака бѣжа за зайцемъ, то кусала его, то текущую изъ ранъ кровь лизала. Но заецъ думая, что собака хочетъ облобызать его, оборотившися къ ней сказалъ: или ты меня дружески обнимай, или непріятельски предай скорѣе смерти.

Многіе также люди, когда питаютъ въ сердцѣ своемъ къ кому ненависть и злобу, являютъ наружно дружбу.

47
Волкъ и левъ.

Волкъ поддѣнивъ барана, мчалъ на себѣ. Между тѣмъ встрѣтился онъ со львомъ, который тотчасъ его ограбилъ. Тогда волкъ самъ въ себѣ сказалъ: вотъ и на вора есть воръ.

Премного было и есть между человѣками примѣровъ, что насильно похи-

щенным не долго владѣютъ.— По пословицѣ: я твою а ты мою корову доишь,

48

Собраніе птицъ.

Птицы собрались въ назначенное предварительно ими мѣсто для избранія себѣ царя. Павлинъ говоря много о велелѣпіи и красотѣ своей, на конецъ сказалъ, что оная власть по достоянію принадлежитъ ему. Всѣ изъявили на то свое согласіе кромѣ ворона, который, коль скоро дѣло дошло до его голоса, такъ сказалъ: если тебѣ, павлинъ, ввѣрена будетъ самодержавная власть; то скажи пожалуй, возможешь ли ты защищать насъ отъ нападенія орла.

Высокой власти достойны не тѣ, кои превосходятъ другихъ красотою, но тѣ, коихъ природа преимущественно предъ другими одарила разумомъ и мужествомъ.

49

Солнце, вѣтръ и человѣкъ.

Солнце и вѣтръ спорили между собою, кто изъ нихъ скорѣе обнажить можетъ человѣка. Для разрѣшенія сего вѣтръ подулъ жестоко; но человѣкъ озябши отъ того, весьма много надѣлъ на себя одежды; и отъ усильныхъ порывовъ вѣтра всемѣрно оную поддерживалъ; и такъ вѣтръ не обнажилъ, а токмо отягчилъ человѣка. Коль же скоро по томъ солнце произвело великій зной; то человѣкъ тотчасъ сбросивъ съ себя всю ту одежду, возложилъ на плеча; и такъ и солнце хотя обнажило, но такъ же обременило человѣка.

Неумѣренность во всякомъ дѣлѣ весьма вредна.

50

Два человѣка и собака.

Человѣкъ сильно израненный грызеніемъ собаки, просилъ лѣкаря о излеченіи себя; но другой человѣкъ встрѣтясь тогда же съ больнымъ, и узнавъ

причину его болѣзни, совѣтовалъ ни мало не медля обмазать кровью своею кусокъ хлѣба, и бросить оный собакѣ, которая его изранила, увѣряя своимъ и иныхъ многихъ опытомъ, что сїе средство есть весьма сильное и единственное ко уврачеванїю ранъ его. — Если я сїе сдѣлаю, отвѣтствовалъ больной; то всѣ онаго города собаки будутъ меня кусать.

Сдѣлай командиръ одному подчиненному своему потачку, самъ не радъ будетъ. — Дай женѣ волю, самъ пойдешь въ неволю.

51

Птица и звѣрь.

Птица нашедши змѣиныя яйца, сѣла на нихъ для сбереженїя. Звѣрь примѣтивъ то, сказалъ ей: глупая! для чего ты такъ заботишься о дѣтяхъ змѣиныхъ? или ты не знаешь, что онѣ со временемъ могутъ нанести вредъ и намъ и вамъ?

Злому сколько и какъ ни благодѣ-

тельствуй; онъ никогда не престанетъ быть злымъ и неблагодарнымъ.

52
Птицеловъ и воробей.

Птицело́въ посыпая на одномъ мѣстѣ нѣсколько дней конопель для приманки мелкихъ птицъ, и потомъ разставя тамъ скрытно ловчую сѣть, покрылъ оною воробья, который находясь уже близъ смерти, когда птицѐловъ готовился убить его, сказалъ: сколь я несчастенъ, что сладкой сей кормъ причиняетъ мнѣ смерть!

Подобно и люди чрезмѣрно лакомые, или вообще заботящïеся много о плотоугодïи, гибнутъ.

53
Верблюдъ.

Верблюдъ желая имѣть рога, просилъ Юпитера, чтобъ онъ далъ ему оные. Но богъ оскорбленъ бывъ тѣмъ, оборвалъ у него и уши.

Люди посредственной красоты, неусыпно въ молодости своей старающïеся

усовершиться всевозможными прикрасами, дѣлаются гораздо за долго до старости своей безобразными.

54

Лебеди и гуси.

Лебеди и гуси подружась между собою, пошли вмѣстѣ пастись на луга. А какъ тамъ напали на нихъ охотники; то лебеди одаренные легкостїю, тотчасъ оставивъ друзей своихъ гусей, спаслись бѣгствомъ; а сїи будучи тяжелы, впали въ руки охотниковъ.

Сїя басня обличаетъ тѣхъ, кои прїятелей своихъ терпящихъ бѣдствїе оставляютъ. Сюда принадлежатъ измѣнники клявшїеся вѣчною любовїю.

55

Волки и человѣкъ.

Волки увидѣвъ въ рѣкѣ множество воловыхъ кожъ, хотѣли ихъ оттуда вытащить; но какъ глубина и волненїе рѣки препятствовали покушенїю ихъ; то они рѣшились прежде выпить всю

воду. Человѣкъ примѣтя то, сказалъ имъ: прежде нежели выпьете вы нѣкоторую часть сихъ водъ, поколѣете.

Премного есть и людей подобно безразсудныхъ, кои предпринимаютъ и силятся сдѣлать то, чего отнюдъ не могутъ.

56

Кузнечикъ и человѣкъ.

Кузнечикъ примѣтивъ, что человѣкъ хочетъ его поймать, сказалъ ему: ты лучше лови такихъ птичекъ, кои могутъ принести тебѣ пользу; а меня если и поймаешь, никакой прибыли не получишь.

Не должно искать того, что существенной пользы не приноситъ. Многїе только и думаютъ о томъ, чтобъ поймавъ желаемое потѣшиться, и по томъ бросить.

57

Свинья въ лисьей кожѣ.

Надѣла на себя свинья лисицы кожу
Моргнула скрививъ рожу;

Тащила длинной хвостъ, и какъ лиса ступала;
И такъ во всемъ съ лисицей сходна стала;
Догадки лишь одной свиньѣ не достаетъ;
Натура смысла всѣмъ свиньямъ не подаетъ.
Въ нарядѣ семъ вездѣ пошла свинья бродить,
И стала всѣхъ бранить.
Лисицамъ всѣмъ прямымъ ругаясь говорила:
Натура де меня одну лисой родила;
А вы де всѣ ноги не стоите моей;
За тѣмъ, что родились отъ подлыхъ вы свиней;
Теперя въ гости я сидѣть ко льву сбираюсь;
Лишь съ нимъ я повидаюсь;
Ему я буду другъ,
Не дѣлая услугъ;
Онъ будетъ самъ стоять, а я тотчасъ и лягу;
Не ужто онъ меня такъ приметъ, какъ бродягу?—
Пришла предъ льва свинья, и милости просила;
Хоть тварь была подла; но много говорила;
А все при томъ врала;
И съ глупости она осломъ льва назвала. ——
Великодушной левъ,
Не приведенъ тѣмъ въ гнѣвъ;
Съ презрѣньемъ на нее онъ только разсмѣялся;
При томъ ей говорилъ:
Я мало бы тужилъ;
Когдабъ съ тобой, свинья, во вѣкъ я не видался;
Тотчасъ узналъ то я,
Что ты всегда свинья;
Такъ тщетно тщилась ты лисою подбѣгать,
И столько мнѣ наврать.—
И такъ свинья предъ львомъ ни чуть не полежала;

Пошла съ стыдомъ домой; но идучи роптала;
Стократно проклянувъ себя, потомъ сказала:
За чѣмъ несло меня со львами спознаваться;
Когда мнѣ рокъ велѣлъ въ грязи всегда валяться.—

58
Собака на сѣнѣ.

Собака на сѣнѣ всегда почти лежала;
Кто ни покажется, на всѣхъ она брехала;
И къ сѣну далеко, грызясь не допускала,
Хотя бы то и свой былъ, словомъ: никого;
Да и сама она не трескала его.
Такъ всѣ завистники собакѣ подражаютъ.
Хоть въ чемъ нѣтъ нужды имъ;
Однакожъ не хотятъ отдать владѣть другимъ;
Неправдой сами живъ, жить правдой всѣмъ мѣшаютъ. —

Изъ короба не лѣзетъ,
А въ коробѣ не ѣдетъ,
И короба не отдаетъ.
Пословица у насъ идетъ.

НѢЧТО
во особенности о женщинахъ.

Говорятъ, что Нѣмцы господа женъ, Агличане слуги, Французы товарищи, Италїанцы тюремщики, Испанцы мучители, Россїане посредственно.

Женщины, кои немного румянятся, подражаютъ здоровью и красотѣ, а кои румянятся безмѣрно, тѣ подражаютъ лихоманкѣ, гнѣву, нечистотѣ; и называются малеваными идолами. И для того нѣкто думая, что всѣ красавицы румянятся, какую бы изъ нихъ ни увидѣлъ, спрашивалъ: *оригиналъ ли ето или копїя?*

Платье и уборы нѣкоторыхъ женщинъ дѣлаются болѣе для продажи ихъ тѣла, а не для покрытїя. Инымъ столько нравится украшенїе, какъ приправа къ кушанью для аппетита.

Жизнь многихъ женщинъ есть комедїя въ трехъ дѣйствїяхъ: первое состоитъ въ любовныхъ затѣяхъ, второе въ игрѣ, а третїе въ набожности.

Чтобъ заслужить имя красавицы, надобно по мнѣнію знатоковъ женщинѣ: быть весьма нестарой, здоровой, немного повыше средняго росту, стройной во всѣхъ частяхъ, нетучной, а только, какъ говорится, круглой; имѣть волосы длинные, бѣлорусые или черные; тѣло вездѣ нѣжное и чистое; бѣлизну румяную, что называется, кровь съ молокомъ; лице кругловатое, безъ рябинъ, прыщей, совершенно чистое, съ живымъ румянцемъ; чело ровное, безъ морщинъ; виски немускулистые; брови неширокія и неузкія, болѣе прямыя, нежели кривыя; глаза свѣтлосѣрые, большіе, не на выкатѣ, имѣющіе острый и прелестный взоръ; носъ долговатый, безъ горба; щеки немного выпуклыя съ маленькими ямками, цвѣту розово-алаго; губы того же колера, не большія однакожъ и несухія; ротъ прямой, малой; зубы ровные, нерѣдкіе, бѣлые и чистые; бородку продолговатую съ ямкою; уши небольшія, прилегшія къ головѣ; грудь крутоватую,

полную, крѣпкую; кисти у рукъ длинноватыя и полныя, какъ пышки; пальцы островатые; ногти жемчужные и овальные; станъ съ перехватомъ; ножки, а не ноги; голосъ ясный, безъ визту, прiятный; улыбку и смѣхъ восхитительные; походку благородную, величавую; прiемъ добрый, безъ примѣса гордости. — — N B о душевныхъ совершенствахъ здѣсь ни слова; ибо весьма немногiе дорожатъ оными.

ПѢСНЬ,
наказанный Нарцизъ,
или
новое превращенїе.

Предувѣдомленїе.

Нарцизъ есть цвѣтокъ, извѣстный всѣмъ. — Онъ, сказываютъ, имѣетъ свойство склонятъся къ водамъ, и какъ будто бы влюбясь самъ въ себя желаетъ видѣть изображенїе свое въ водѣ. — Отъ того вошло въ обыкновенїе называть Нарцизами всѣхъ красавцовъ, кои много мечтаютъ о своей красѣ и безпрестанно обращаются къ зеркалу, что бы любоваться собою. А какъ по видимому и въ старину не мѣнѣе было такихъ молодцовъ, какъ и въ наши времена; то Латинскїй древнїй стихотворецъ Овидїй сочинилъ между прочимъ и о семъ цвѣткѣ въ критику гордымъ красавцамъ баснословїе, будто бы Нарцизъ былъ молодой человѣкъ, весьма

влюбленный въ самаго себя, который пренебрегши страстную любовь Нимфы или нѣкоторой дѣвушки называемое *Эхо* (отголосокъ), довелъ бѣдную до того, что она скитаясь въ отчаянiи по лѣсамъ изсохла отъ печали такъ, что сдѣлалась невидимою, а слышенъ токмо ея голосъ, повторяющiй и понынѣ въ лѣсу все, что громко произносится. Нарцизъ же превращенъ въ цвѣтокъ сего имени.

Въ семъ Овидiевомъ вымыслѣ неменѣе, какъ и въ другихъ, удивляться должно остротѣ его и знанiю въ уподобленiи свойствъ людскихъ свойствамъ тѣхъ вещей или животныхъ, въ какiя онъ ихъ превращаетъ; ибо Нарцизъ цвѣтокъ не безъ естественной причины имѣетъ названiе отъ Греческаго слова Νάρκη значущаго безчувственность или одеревенѣлость, каковыя свойства всѣмъ влюбленнымъ въ себя приличны. Но при всемъ томъ оный великiй стихотворецъ не удостоилъ Нарцизова превращенiя живописною своею отдѣлкою; а

почти упомянулъ только, что онъ превращенъ въ цвѣтокъ; и при томъ не разсудилъ изобрѣтать сильнѣйшаго отмщенія за измученную Нарцизовою гордостію дѣвицу; то я и рѣшился взять смѣлость сдѣлать сіе превращеніе на Россійскомъ языкѣ другимъ образомъ. Въ слѣдствіе чего расположилъ мою пѣснь такъ, что бы вмѣсто дѣвицы *Эхо* представить влюбленную страстно въ Нарциза пастушку и наименовать оную *Лимфія* отъ слова Греко-латинскаго (lymрhа вода), въ Нарцизѣ же показать молодаго охотника; каковаго ремесла молодцы по развлеченности и по роду своей страсти бываютъ холоднокровнѣе извѣстныхъ въ древности пастушковъ.— Лимфія, Нарцизомъ пренебреженная, въ тоскѣ своей проситъ божка любви, Купидона, чтобъ, ежели не возможно перемѣнить ея судьбины, превратилъ ее въ какое-нибудь холодное вещество. — Купидонъ по ея мольбѣ разгнѣвавшись на Нарциза, испрашиваетъ у матери сво-

ей Венеры, богини любви, отмщенія на Нарцизѣ. — Венера склоняетъ прочихъ боговъ, чтобъ Лимфія превращена была въ ручей, а Нарцизъ, не удостоивавшій ее взглядомъ своимъ, нашелся принужденнымъ любоваться своею красою въ томъ ручьѣ, и отъ томленія изсохши превратился въ цвѣтокъ; что въ мгновеніе совершается. И такъ дѣйствіе оныхъ превращеній есть главный предметъ сея пѣсни.

Едва заря востокъ румянцемъ оживила,
И въ рощахъ къ пѣнію всѣхъ птичекъ возбудила;
Едва ночная тѣнь сокрылась передъ ней,
И скрылись хоры звѣздъ съ царицею своей;
Прекрасна Лимфія подъемля слабы очи,
Дивится скорому уходу тихой ночи;
Жалѣетъ, что заря прервала сладкій сонъ.
„Почто же, Лимфія, тебѣ столь сладокъ онъ?...
Сама себя она и сердце вопрошаетъ,
„Почто столь Лимфію заря сія смущаетъ?
„Не ты ли прежъ сего вставала съ нею вдругъ,
„И около себя собравъ овѣчекъ въ кругъ,
„Спѣшила пѣснями веселыхъ птицъ плѣняться,
„Вѣнками изъ цвѣтовъ избранныхъ украшаться?...
Но сердце страстное вѣщаетъ ей въ отвѣтъ,
Что болѣ для него ни въ чемъ забавы нѣтъ;

Забавы всѣ ея Нарцизъ одинъ вмѣщаетъ,
И нынѣ въ снѣ явясь, съ сномъ вмѣстѣ изчезаетъ.
Такъ сердце говоритъ трепещущее въ ней;
Ланиты мочатся слезами изъ очей;
Рыданія ея грудь нѣжну воздымаютъ;
И жалобы кругомъ весь воздухъ наполняютъ:
„Ахъ сколько на яву жестокъ Нарцизъ ко мнѣ,
„Столь нѣженъ, ласковъ, ты являлся мнѣ во снѣ,
„Казолось слезы ты мои въ очахъ лобзаешь,
„Словами сладкими грусть сердца умягчаешь,
„И самъ въ слезахъ твердишь, что мною сталъ плѣненъ,
„И сильнымъ что огнемъ любови воспаленъ;
„Но ахъ теперь я зрю единой то мечтою;
„Пріятной сонъ изчезъ съ надеждой и съ тобою;
„И эхо словъ твоихъ мнѣ измѣняетъ съ нимъ...
„Ругайтеся мечты симъ слабостямъ моимъ!
„Нарцизъ собой плѣненъ, красой своей гордится,
„И къ полу моему во вѣкъ не всцламенится,
„Соперникъ купно онъ, и мой любовникъ сталъ,
„Ещель несчастнѣе меня гдѣ свѣтъ видалъ!...
„Но сколько ни великъ, Нарцизъ, къ тебѣ мой пламень;
„Я превратила бы тебя въ крѣпчайшій камень...
„... Ахъ чтожъ бы и тогда!... колебляся сто разъ,
„Желалабъ зрѣть въ тебѣ пріятнѣйшій алмазъ;
„И камнемъ быть тебѣ судилабъ драгоцѣннымъ,
„Средь мщеній пламень мой осталсябъ непремѣннымъ...

„... Но тщетно жалобы и стонъ на вѣтръ летятъ;
„Ужъ боги для меня судьбы не премѣнятъ...!
Прервала жалобы; одръ скорбный оставляетъ;
Одеждой бѣлою грудь томну покрываетъ;
Зеленой лѣнтою поятетъ легкой станъ;
Не виденъ на главѣ чужихъ прикрасъ обманъ;
Часть русыхъ волосовъ вокругъ вїются шеи
Бѣлѣйшей, нежели всѣ нѣжныя лилеи;
Другая въ локонахъ спускается на задъ.
Таковъ тоскующей былъ Лимфїи нарядъ.
Вотще пастушку ждутъ блеющїя овѣчки;
Не гонитъ болѣ ихъ на лугъ, на хладны рѣчки;
Не гладитъ нѣжною и матерней рукой;
Идетъ одна подъ тѣнь съ своею лишь тоской;
Между густыхъ деревъ храмъ скорби поставляетъ;
Любови къ богу такъ въ отчаяньѣ взываетъ:
„О сильный богъ!.. Почто ставъ жертвой я твоей,
„Осуждена страдать безплодно въ страсти сей.
„Всѣ птички счастливы твоимъ любви закономъ;
„Овѣчки на тебя не плакались со стономъ;
„Всѣ дышутъ страстїю взаимной межъ собой;
„Но чѣмъ виновна я несчастна предъ тобой!...
„Пастушки наши всѣ любовїю томимы,
„Взаимно счастливы, взаимно всѣ любимы.
„А мой Нарцизъ себя, гордяся, любитъ самъ;
„Смѣется мнѣ; твоимъ смѣется онъ стрѣламъ....
„Иль властенъ только ты надъ слабыми сердца-
ми....
„А бодрый духъ закрытъ отъ стрѣлъ твоихъ
щитами;

„Ихъ чтитъ младенческой всегда игрушкой онъ!
„... Коль такъ безсиленъ ты; то пусть все будетъ сонъ,
„Что я его люблю, что онъ ругался мною;
„Дай ново бытіе мнѣ къ сладкому покою;
„Пусть я съ любезными овѣчками прощусь;
„Пусть въ камень, въ дерево, иль въ воду превращусь!
„Отмсти любовь мою, отмсти къ тебѣ презрѣнье;
„Услыши, нѣжный богъ, Лимфіино прошенье! —
Богъ юный раздраженъ презрѣньемъ метких стрѣлъ,
Къ богинѣ матери во гнѣвѣ полетѣлъ;
Любовный пламенникъ въ знакъ скорби въ низъ склоняетъ;
И нѣжны пальцы сжавъ, слезъ токи отираетъ;
Въ отмщенье помощи предъ нею проситъ онъ;
Вѣщаетъ: ... „что любви поруганъ сталъ законъ,
„Что юноши въ себя влюбляться стали нынѣ,
„Презрѣвъ почтеніе къ богининой святынѣ.
„Нарцизъ красу свою превыше ставитъ всѣхъ;
„Плѣнять пастушекъ, нимфъ, его любимый смѣхъ.
„Краса Лимфіина честь Книды, храмовъ Кипрскихъ,
„Честь славна Пафоса и троновъ нѣжныхъ Цитрскихъ,
„Презрѣнна отъ него, ему попавшись въ сѣть!
„Возможно ли любви столь наглостей стерпѣть?
Венера жалобамъ любима сына внемлетъ,
Цѣлуетъ во уста, и рамена объемлетъ;
И тотчасъ преклоня къ отмщенію боговъ,
Стремится устрашить земныхъ любви враговъ.

Трехъ грацїй предъ себя во гнѣвѣ призываетъ,
Колчаны, стрѣлы имъ принять повелѣваетъ:
„Спѣшите, говоритъ, сыновню честь отмстить,
„И сердце гордое стрѣлами изонзить.
„Ужель Нарцизова грудь столь не колебима,
„Что силой Грацiй всѣхъ не будетъ побѣдима!
„Къ ногамъ Лимфїинымъ пронзенный пусть падетъ;
„И изцѣленья ранъ да отъ нея онъ ждетъ.
„. . . Постойте! . . . Казнь сїя, я чувствую, напрасна;
„Стрѣлами не пронзить Нарциза вамъ безстрастна;
„Готова казнь ина; а Лимфїи покой! . . .
„Плѣнится болѣ онъ еще своей красой;
„Отъ тѣни онъ своей, безчувственной, холодной,
„Вѣкъ будетъ мучиться, и въ токъ смотрѣться водной.
„Я Лимфїю въ сей токъ спокойной обращу;
„И чрезъ струи ея Нарцизу отомщу.„
Богиня все сїе въ мгновенье исполняетъ.
И новый Лимфїя свой видъ воспринимаетъ:
Пастушка млѣетъ вся, предъ сладкимъ какъ бы сномъ;
Струями ужь власы катятся надъ челомъ;
Прохладу нѣкую на сердцѣ ощущаетъ;
Любовный Пламень въ немъ какъ жажда погасаетъ.
Изчезла вся любовь къ Нарцизовой красѣ;
Забвенье сладкое объемлетъ чувства всѣ;
Одежда бѣлая и нѣжные всѣ члены,
Какъ тающе сребро вдругъ стали распущенны.
Зеленой поясъ въ брегъ явился обращенъ,
Травою мягкою, цвѣтами изпещренъ.

Струи спокойныя съ веселїемъ играли,
Лучь солнца искрами златыми отливали;
Журчанье тихое токъ Лимфинъ испускалъ,
И будто бы еще Нарциза упрекалъ.

(*) Цефизовъ сынъ тогда съ Калчаномъ и стрѣлами
Еленей скорыхъ гналъ, травилъ своими псами;
Но рокъ Нарциза гналъ къ Лимфїинымъ струямъ.
Бѣжитъ Нарцизъ къ ручью по роковымъ стезямъ;
Обыкши онъ въ водѣ красой своей плѣняться,
Спѣшитъ въ источникѣ собою любоваться.
Ступилъ лишъ на берегъ, что Лимфинъ поясъ былъ,
Добычу всю свою и псовъ своихъ забылъ.
Толь чистый ручѣекъ во вѣкъ не попадался,
Въ которомъ живо бы онъ такъ изображался;
Любуется ручьемъ; а болѣ красотой.
„Когда разстанусь я, мой ручеекъ, съ тобой;
„Разстанусь, говоритъ, тогда и самъ съ собой;..
„Не боги ли тебя къ моимъ ногамъ излили,
„И тѣмъ красу мою мнѣ болѣ возвратили?
„.... Предметъ любезный мой! .... Но что? Предметъ сей тѣнь,
„Тоскую по себѣ я ночь и цѣлый день,
„Съ собою бывъ всегда, красу въ тѣни лишъ видя,
„Умру, при семъ ручьѣ въ мечтаньѣ сладкомъ сидя.

Сїи слова Нарцизъ смотря въ ручей твердилъ.
И естьли ночи мракъ воды прозрачность тмилъ;

(*) Нарцизъ по языческому богословїю былъ сынъ рѣки, называемой Цефизъ и дѣвицы Лерїоны.

Луна серебряны свои лучи спускала,
Нарцизу зрѣться въ ночь для казни помогала.
Ни въ пищи нужды нѣтъ, погасла жажда вся,
Любуяся Нарцизъ, страдалъ, томилъ себя.
Какъ роза въ знойный день всякъ часъ помалу
сохнетъ;
Подобно такъ и онъ едва лишъ только вздохнетъ,
Уронъ зритъ каждый разъ драгимъ своимъ
красамъ;
Румянецъ весь поблекъ и кожа льнетъ къ костямъ;
Стянулось тѣло все и стеблю равно стало;
Лишъ чистой бѣлизной лице его блистало;
Въ листочки нѣжные глава вся раздѣлясь,
И ноги въ тонку нить и въ корень превратясь,
Весь измѣнили видъ въ прекрасный бѣлый цвѣтъ;
Что имя на себѣ понынѣ тожъ несетъ.
Тогда Нарциза жизнь спокойна и блаженна;
Когда глава его виситъ къ ручью склоненна.
Взявъ Флора сей цвѣтокъ въ покровъ пріятной свой,
Питаетъ Зефиромъ и нѣжною росой.
Отъ сѣмени его Нарцизы расплодились;
Иные паки въ видъ людей преобратились. П. И.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

простонародныя

Большая часть во иносказательномъ смыслѣ.

Аминемъ бѣса не отбыть.
Атаманомъ артель крѣпка.
Аптекамъ предаться, деньгами не жаться.

Безъ бога ни до порога.
Бодливой козѣ Богъ рогъ не даетъ.
Береги денежку на черный день.
Безъ денегъ вездѣ худенекъ.
Бездонной кадки водою не наполнишь.
Безъ пастуха овцы не стадо.
Безъ матки пчолки, пропащія дѣтки.
Бра́няся, на миръ слово оставляютъ.
Брань на вороту не виснетъ.
Бабка скачитъ задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.
Будто тяпъ да ляпъ и клетка.
Борода выросла, да ума не вынесла.
Борода что ворота, а ума съ прикалитокъ.
Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.
Баба, что мешокъ, что положатъ, то несетъ.
Быть было ненастью, да дождь помѣшалъ.
Бѣлыя руки чужія труды любятъ.
Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.
Бѣлъ лицомъ, да худъ отцомъ.
Быль молодцу не укора.

Безъ пришчи вѣка не изживешь.
Бѣда ходитъ не по лѣсу по людямъ.
Бережливаго коня и звѣрь въ полѣ не беретъ.
Бѣгъ не красенъ, да здоровъ.

Врагъ силенъ и горами качаетъ.
Ворона съ мѣста, а сокомъ на мѣсто.
Выше лба уши не ростутъ.
Въ камень стрѣлять, только стрѣлы терять.
Вымѣнялъ кокушку на ястребца.
Вѣкъ мелетъ, а посыпать не умѣетъ.
Велика Федора да дура.
Всякой Еремей про себя разумѣй.
Вѣкъ пережить, не поле перейтить.
Въ людяхъ Илья, а дома свинья.
Всякому свое и не мыто бѣло.
Въ семьѣ не безъ урода.
Взялся за гужъ, не говори что недюжъ.
Въ чужихъ рукахъ всегда ломоть великъ.
Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.
Воинъ изнеможетъ, и свинья переможетъ.
Всякое дѣло мастера боится.
Волосъ долокъ, да умъ коротокъ.
Времена шатки, береги шапки.
Въ большомъ мѣстѣ сидѣть, много ума имѣть.
Воля птичкѣ лучше золотой клетки.
Воля и добру жену портитъ.
Волку зима за обычай.
Въ полѣ воля, кто въ немъ съѣзжается, родствомъ не считается.
Всякой молодецъ на свой образецъ.

Вамъ поютъ, а намъ навѣшки даютъ.
Воръ не всегда крадитъ, а всегда берегись.
Видимой рокъ, какъ ножемъ въ бокъ.
Въ рукахъ было, да по пальцамъ сплыло.
Всякой спляшетъ, да не какъ скоморохъ.

Глазъ видитъ, да зубъ нейметъ.
Грунью лѣта не избѣгаешь.
Гость не много гоститъ, да много видитъ.
Говорить, что въ стѣну горохомъ.
Говорить правду, потерять дружбу.
Говорить было не мало, да ума не стало.
Гусли потѣха, а хуже орѣха.
Грязью играть, руки замарать.
Горбатаго справитъ могила, а грубаго дубина.
Голодной волкъ и завертки рветъ.
Горшокъ котлу завидуетъ, а оба чорны.
Гдѣ любятъ, тутъ не учащай, а гдѣ не любятъ, туда ни ногой.
Грѣхи любезны доводятъ до бездны.
Глупой погрѣшитъ одинъ, а умной соблазнитъ многихъ.
Гдѣ любовь, тутъ и Богъ.
Гласъ народа, гласъ Божїй.
Гдѣ тонко, тутъ и рвется.
Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрѣстится.
Гдѣ сердце лежитъ, туда и око бѣжитъ.
Голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ.
Гдѣ бѣсъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ.

Доселева Макаръ гряды копалъ, а нонича Макаръ въ воеводы попалъ.

Долгъ платежемъ красенъ.
Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.
Дорого яичко къ велику дню.
Дальніе проводы, лишнія слезы.
Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.
Дважды лѣто не живетъ.
Давши слово держись, а не давши крѣпись.
Добра была деревня, да слава худа.
Другъ другу теремъ ставитъ, а недругъ гробъ ладитъ.
Для друга семь верстъ не околица.
Другъ познавается при ратѣ да при бѣдѣ.
Дорога милостыня во время скудости.
Дураковъ ни орютъ ни сѣютъ, а сами родятся.
Дураку и въ олтарѣ не спускаютъ.
Даромъ и чирей не сядетъ.
Денежка рубля бережетъ.
Десятью смѣряй, однова отрѣжь.
Дорого да мило, а дешево да гнило.
Десятая вода на киселѣ.
Дорогъ хлѣбъ, коли денегъ нѣтъ.
Дары и нечестиваго въ любовь приводятъ.
Дары и мудрыхъ ослѣпляютъ.
Дѣвичій стыдъ только до порога, какъ переступила, такъ и забыла.

Его милѣе нѣтъ, когда онъ уйдетъ.
Eта ворона намъ не оборона.
Есть нѣта лучше.
Естьли бы на горохъ не морозъ, онъ бы черезъ тынъ переросъ.

Есть что слушать, да нѣчего кушать.
Есть въ мошнѣ, такъ будетъ и въ квашнѣ.
Етотъ кусъ не твоихъ устъ.
Есть у молодца, не хоронится; а нѣтъ не соромится.
Елень быстръ бываетъ, да отъ смерти не утекаетъ.

Жаль дѣвки, а потеряли парня.
Жаль друга, да не какъ себя.
Живи ни шатко ни валко ни на сторону.
Жена мужа не бьетъ, а подъ свой норовъ ведетъ.
Животы что голуби, гдѣ хотятъ, тамъ сидятъ.
Живетъ какъ кошка съ собакой.
Жалѣть коня, истомить себя.
Жалѣть мѣшка, не залѣсть дружка.
Желаючи чужова свое растеряешь.
Жаденъ, какъ воронъ крови.
Женится, такъ перемѣнится.
Журавль межи не знаетъ, а черезъ ступаетъ.
Животину водить, не розиня ротъ ходить.
Жуку нора за обычай.

Знаючи недруга, непочто въ пиръ.
За вѣтромъ въ полѣ не угоняться.
Знаетъ кошка, чье мясо съѣла.
За мухой не съ обухомъ.
За неволю съ мужемъ, коли гостя нѣтъ.
Знать золото и на грязи.

Знать птицу по перьямЪ, а сокола по полету.
ЗвалЪ на честь, а посадилЪ на печь.
За хвостЪ не удержишься, коли гриву упустилЪ.
Злаго любить, себя губить.
Звонки бубны за горами, а кЪ намЪ придутЪ, какЪ лукошки.
ЗобЪ полонЪ, да глаза голодны.
ЗапасЪ мѣшку не порча.
Змѣй и умираетЪ, а зѣлье хватаетЪ.
Замѣшался, что пестЪ вЪ ложкахЪ.
Заваря кашу, не жалѣй масла.
За свой грошЪ, вездѣ хорошЪ.
ЗаймуетЪ ходишЪ; а платишь, такЪ кругомЪ обходитЪ.

И петухЪ на своемЪ пепелищѣ храбрится.
Иногда и отЪ добраго отца родится бѣшена овца.
Избалуется овца, не хуже козы.
И глупЪ молвитЪ слово вЪ ладЪ.
Иной любитЪ попа, а иной попадью.
И змѣя своихЪ черевЪ не ѣстЪ.
Исподоволь и ольху согнешь, а вкрутѣ и вязЪ переломишь.
ИзпуганЪ звѣрь далече бѣжитЪ.
Итти на драку не жалѣть волосовЪ.
ИзЪ огня да вЪ полымя.
ИзЪ пустой хоромины либо сычь, либо сова, либо самЪ сатана.
Игуменья за чарку, а сестры за ковши.
И по рылу знать, что не простыхЪ свиней.

И рыба ищетъ, гдѣ глубже.
И пчолка летитъ на красной цвѣтокъ.
Изъ короба не лѣзетъ, въ коробѣ не ѣдетъ и короба не отдаетъ.

Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.
Кормилъ калачомъ, да въ спину кирпичомъ.
Кобылка маленька, а сѣдлу мѣсто есть.
Каково въ лѣсу гукнется, таково и откликнется.
Кинь хлѣбъ соль назадъ, будетъ въ переди.
Которой рѣкой плыть, той и славой слыть.
Каковъ сава, такова ему и слава.
Какъ поживешь, такъ и послывешь.
Какъ лапотника не станетъ, такъ и бархатникъ не встанетъ.
Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.
Какъ тамъ говорить, гдѣ не дадутъ и рта отворить.
Кто нужды не видалъ, тотъ счастія не знаетъ.
Кусаютъ и комары до поры.
Каковъ игуменъ, такова и братья.
Каковъ попъ, таковъ и приходъ.
Куды конь съ копытомъ, туды и ракъ съ клѣшнею.
Куда иголка, туда и нитка.
Кто больше знаетъ, тому и книги въ руки.
Кума немила, и гостинцы постылы.
Кабы да не зубы, то бы и душа вонъ.
Клинъ клиномъ выбиваютъ.
Куда не кинь, такъ клинъ.

Клятва страшна, а глупому смѣшна.
Конь о четырехъ ногахъ, да и тотъ спотыкается.
Кто родился волкомъ, тому лисицей не бывать.
Какъ козьи рога, въ мѣхъ нейдутъ.
Конь до коня, а молодецъ до молодца.
Кормъ коня краше.
Княгинѣ ребя, кошкѣ котя, таковожъ дитя.
Какъ старому жениться, такъ и ночь коротка.
Куй желѣзо, пока горячо.
Какова пса кормля, такова отъ него и ловля.
Кто много грозитъ, тотъ мало вредитъ.
Кто вѣтромъ служитъ, тому дымомъ платятъ.
Коли орать, такъ въ дуду не играть.
Кучился мучился, а упросилъ такъ и бросилъ.
Какъ тонетъ, топоръ сулитъ; а вытащишь, и топорища жаль.
Какъ оса лезетъ въ глаза.
Кому поживется, у того и пѣтухъ несется.
Какъ отъ козла ни шерсти ни молока.
Кто кого смога, тотъ того въ рога.
Кто немилъ тѣломъ, тотъ немилъ и дѣломъ.

Ласковое телятко двѣ матки сосетъ.
Ложкой кормитъ, а стеблемъ глазъ колетъ.
Лисій хвостъ, а волчій ротъ.
Легъ медвѣдь, и игра легла.
Любить тепло, и дымъ терпѣть.
Ласковое слово пуще дубины.
Лисица хвоста не замараетъ.

Легко чужими руками жарЪ загребать.
Любо смотрѣть, какЪ дѣвка сЪ парнемЪ идетЪ.
Лѣнь мужа не кормитЪ, только портитЪ.
Лѣнивому всегда праздникЪ.
Люди ходятЪ ни чуть ни слыхать, а мы какЪ ни ступимЪ, такЪ стукнемЪ.
Люди пьютЪ, такЪ честь да хвала; а мы пьемЪ, такЪ стыдЪ да бѣда.
ЛетаетЪ хорошо, а садиться не умѣетЪ.
Лошадка вЪ хомутѣ, везетЪ по могутѣ.
Лишь зажить паномЪ, а то все придетЪ даромЪ.
Лакома овца кЪ соли, а коза кЪ воли.
ЛюбитЪ, какЪ волкЪ овцу.
Любовь холостова, какЪ вешній ледЪ.
Личико бѣленько, да разуму маленько.
Либо вЪ сукЪ, либо вЪ тетерю.
Либо сѣна клокЪ, либо вилы вЪ бокЪ.
Либо полонЪ дворЪ, либо корень вонЪ.

Мы про людей вечеринку сидимЪ; а люди про насЪ и ночь не спятЪ.
Мало говори, больше услышишь.
МужЪ жену любитЪ здоровую, а братЪ сестру богатую.
МѣтилЪ вЪ ворону, а попалЪ вЪ корову.
Матка по дочкѣ плачетЪ, а дочка на доскѣ скачетЪ.
МертвымЪ соколомЪ не ловятЪ и воронЪ.
МедЪ сладко, а муха падко.
Малоль чего хочется, да не все сможется.
Малоль что говорятЪ, да не все перенять.

Мягко стелетъ, да жестко спать.
Мысли за горами, а смерть за плечами.
Мужикъ богатой, что быкъ рогатой.
Мыло сѣро, да моетъ бѣло.
Межъ волками жить, волкомъ и быть.
Младъ мѣсяцъ не во всю ночь свѣтитъ.

Не рой подъ другомъ ямы, самъ ввалишься.
Не всегда коту масленица, иногда и великой постъ.
Не стыдно молчать, коли нѣчево сказать.
Нашла коса на камень.
Ни кожи, ни рожи, ни видѣнья.
Не всѣмъ чернцамъ въ игумнахъ быть.
Не въ коня кормъ терять.
На крѣпкой сукъ, да острой топоръ.
На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ.
Не смѣйся братецъ чужой сестрицѣ, своя дѣвица.
Не считайся съ рабою, не сравняетъ съ собою.
На чужой спинѣ беремя легко.
Не правъ медвѣдь, что корову съѣлъ; не праважъ и корова, что въ лѣсъ зашла.
Ночная кокушка денную перекокуетъ.
Ночь матка, все гладко.
Не ломайся овсяникъ, не быть калачомъ.
На безрыбьѣ и ракъ рыба.
Не дери глазъ на чужой квасъ; ранѣ вставай, да свой затирай.
Не плюй въ колодезь, случится самому воды испить.
Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки.
На лѣченой кобылѣ не долго наѣздишь.

Не кормя коня, недалеко уѣдешь.
Не смога съ корову, да подойникъ объ земь.
Нищета не отнимаетъ ни ума ни чести.
Нищему гордость, какъ коровѣ сѣдло.
На что етова болѣ, коли дураку воля!
Не всякая собака кусаетъ, которая лаетъ.
Не замай дерма, такъ не воняетъ.
Не спрашивай старова, спрашивай бывалова.
Не угадывай пива на суслѣ.
На обухѣ рожь молотитъ, а зерна не уронитъ.
Не только свѣту, что въ окошкѣ.
Нарѣкшись груздемъ, лѣзть видно въ кузовъ.
Не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ волѣ.
Не все что сѣро и волкъ.
Не по лѣтамъ бьютъ по ребрамъ.
Не мытьемъ, такъ катаньемъ.
Не до жиру, быть бы живу.
Не до поросятъ, какъ саму свинью палятъ.
На что отецъ, коли самъ молодецъ.
Не вкусивъ горько, не видать сладко.
На своемъ пепелищѣ и курица бьетъ.
Не испытавъ броду, да по уши въ воду.
Ни то ни сіо кипѣло, и то пригорѣло.
Не гузномъ пѣть, коли голосу нѣтъ.
Не поймавши щиплешь.
На гнилой товаръ, да слѣпой купецъ.
Не рада баба повою, рада покою.
Не избывай постылова, приберетъ Богъ милова.
Не люба честь, коли нѣчево есть.
Не красна изба углами, красна пирогами.
Не все то переплыть, что по рѣкѣ плыветъ.

НарядЪ соколей, да походка воронья.
Не ума набраться, что сЪ дуракомЪ подраться.
Новый вѣникЪ чисто мететЪ.
На что было жениться, когда рожь не родится.
На грѣхЪ мастера нѣтЪ.
НосЪ сЪ локоть, а ума сЪ ноготь.
НоготокЪ увязЪ, всей птичкѣ пропасть.
Не хвались отцомЪ, хвались молодцомЪ.
На брань слово купится.
На ловца и звѣрь бѣжитЪ.
На нагнутую сосну и коза вскочитЪ.
На ретивую лошадь не кнутЪ, а вожжи.
На горло наступя выпросить.
Не купленЪ, не холопЪ.
Не умѣла песья нога на блюдѣ лежать.

Одна ласточка весны не дѣлаетЪ.
ОтЪ берегу отсталЪ, а кЪ другому не присталЪ.
Осердяся на вши, да шубу вЪ печь.
Одна паршивая овца все стадо портитЪ.
ОдинЪ глупой вЪ море камень броситЪ, а сто умныхЪ не вынутЪ.
Охота пуще неволи.
ОдинЪ сынЪ не сынЪ, два сына полсына, три сына сынЪ.
ОтрѣзанЪ ломоть кЪ хлѣбу не пристанетЪ.
ОтЪ дождя не вЪ воду.
ОтЪ огня не вЪ пламя.
ОтЪ бѣды бѣжалЪ, да вЪ пропасть попалЪ
ОдинЪ чортЪ на дьяволѣ.

Одолѣли черти святое мѣсто.
Очи ушей вѣрнѣе.
Отольются волку коровьи слезы.
Отъ свиньи не родится бобренокъ, да поросенокъ.
Обидны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мірѣ вдова да дѣвка.
Отданъ мосолъ, хоть гложи, хоть броси.
О кумѣ не жить, а безъ кума не быть.
О комъ свѣтъ видѣлъ, тово и обидѣлъ.
О комъ хвалился, отъ тово и повалился.
Отъ щелка доходятъ до кулака.
Овечку стригутъ, и другая тово же жди.

Пить до дна, не видать добра.
Пьяному море по колѣно.
Пьянъ да уменъ два угодья въ немъ.
Пьянъ да глупъ, больше бьютъ.
По Сенькѣ и шапка.
Погнался за ломтемъ, да хлѣбъ потерялъ.
Поворачивается, какъ исподней жерновъ.
Послѣ рати много храбрыхъ.
По шерсти собакѣ и имя дано.
Про одни дрожди не говорятъ трожды.
Противъ огня и камень трѣснетъ.
Печка дрочитъ, а дорожка учитъ.
По сажѣ хоть гладь, хоть бей, всегда будешь черенъ отъ ней.
Плеть не мука, а впредь наука.
Передней заднему дорога.
При пиру при бесѣдѣ много друзей и братьевъ.
Первой блинъ да комомъ.

Пригнала нужа къ поганой лужѣ.

Подъ силу бѣда со смѣхами, а не въ мочь со слезами.

Пуганая ворона и куста боится.

Пролитое полно не живетъ.

Показался сатана лучше яснаго сокола.

При дорогѣ жить, всѣхъ не угостить.

Поганое судно и въ богатомъ дому неосудно.

Попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

Привыкай коровка ко ржаной соломкѣ.

Попъ да пѣтухъ и не ѣвши поютъ.

Посади свинью за столъ, а она и ноги на столъ.

Подъ лежачь камень и вода не течетъ.

По бородѣ Аврамъ, а по дѣламъ Хамъ.

Подъ лѣсомъ видишь, а подъ носомъ нѣтъ.

Пало теля, миновалося племя.

По одежки протягай ножки.

Птичка маленька, да ноготокъ востеръ.

Ранняя птичка носокъ прочищаетъ, а поздняя глаза продираетъ.

Рѣдкое свиданье, прїятной гость.

Работнику алтынъ, а нарядчику рубль.

Рука руку моетъ, обѣ хотятъ бѣлы быть.

Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Ракъ клешнею, а богатой мошною.

Ретивая лошадка не долго живетъ.

Радостенъ бѣсъ, что отпущенъ инокъ въ лѣсъ.

Руби дерево по себѣ.

Разжился, какъ вошь въ коростѣ.

Равные обычаи, крѣпкая любовь.

Ростомъ съ тебя, а разумомъ съ теля.
Рожею подкралъ, да умомъ не досталъ.
Разума много, да денегъ нѣтъ.

Смердомъ жить не хочется, а дворяниномъ не сможется.
Сколько волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ.
Съ бранливою кумою не напрощаешься.
Сорвавъ голову, надъ волосами не плачутъ.
Собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ.
Собака и на владыку лаетъ.
Собакѣ законъ не писанъ.
Сухая ложка ротъ деретъ.
Сытой голоднаго не разумѣетъ.
Сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ.
Скупость не глупость
Старой долгъ за находку мѣсто.
Съ чужова коня среди грязи долой.
Силенъ медвѣдь, да воли ему нѣтъ.
Соловья басни не кормятъ.
Спесивому хвала лучше дара.
Съ молода охотою, а подъ старость перьхотою.
Съ молоду прорѣшка, подъ старость дира.
Сидѣть на ряду не молвь, что не могу.
Своя болячка великъ желвакъ.
Своя ноша не тянетъ
Собака на сѣнѣ лежитъ, сама не ѣстъ и скотинѣ не даетъ.
Свои собаки дерутся, а чужая не приставай.

Сталъ, что ракъ на мѣли.
Свой своему по неволѣ другъ.
Съ худой головой не суйся въ чадъ.
Съ одного вола по двѣ кожи не дерутъ.
Сдѣлайся только овцой, а волки готовы.
Со лжи люди не мрутъ, да впредь имъ вѣры
неймутъ.
Старово воробья на мякинѣ не обманешь.
Скрыпучее дерево стоитъ, а здоровое летитъ.
Старый борозды не портитъ.
Слово не воробей, а выпустишь не схватишь.
Слово не стрѣла, а къ сердцу льнетъ.
Съ боку припёка.
Спасиба въ карманъ не кладутъ.
Схватился малахъ, анъ пусто въ головахъ.
Старова лѣсу кочерга.
Слѣпъ слѣпца водитъ, а оба зги не видятъ.
Съ сыномъ бранись за печь гребись, а съ зятемъ
бранись, вонъ торопись.
Спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину.
Сѣдина въ бороду, а чортъ въ ребро.
Сорока лѣтъ, а сорому нѣтъ.
Старова чорта да подперъ бѣсъ.

Тесть любитъ честь, зять любитъ взять,
а шуринъ на все глаза щуритъ.
Терпи казакъ, атаманомъ будешь.
Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.
Та не бѣда, что на деньги пошла.
Теля умерло, хлѣва прибыло.
То не овца, что съ волкомъ пошла.

Треску бояться, и въ лѣсъ не ходить.
Тужи по молодости, какъ по волости.
Ты за пирогъ, а чортъ поперѐгъ.
Тише ѣдешь, далѣ будешь.
Товаръ полюбится, и умъ расшупится.

Уговоръ лучше денегъ.
У семи нянекъ всегда дитя безъ глазу.
Умъ хорошо, а два лучше тово.
У праздника не безъ бражника.
У кого во рту желчь, у того все горько.
У сердитова губа толще, да брюхо тоще.
У Фили пили, да Филюжъ и били.
Умыкали бурку крутыя горки.
У одной матки да неодинаковы дѣтки.
Упился бѣдами, а охмѣлился слезами.
Умремъ, такъ все останется.
Упрямая овца, волку корысть.

Фома плачетъ, а жена скачетъ.

Хорошо тому жить, у ково бабушка ворожитъ.
Хорошо тому пить, кто хмѣль можетъ скрыть.
Худой мужъ въ могилку, а добрая жена по дворамъ.
Холостова сватомъ не посылаютъ.
Хоть криво впрягъ, да поѣхалъ такъ.
Худой миръ лучше доброй брани.
Хорошо и честь и гроза.
Хорошо тово учить, кто слушаетъ.

Хорошо тово бить, кто плачетъ.
Хотя жаль кулака, да бить дурака.
Хотя гузка бита, да душка сыта.
Хоть нералъ, да готовъ.
Хвастливова съ богатымъ не распознаешь.
Хороша дочка, коли мать хвалитъ.
Хрестьянинъ пьянъ, самъ себѣ панъ.
Худо овцамъ, гдѣ волкъ воевода.
Хлѣбъ да капуста, лихова не попустятъ.

Чужую рожъ вѣять, глаза порошить.
Что придорожной пень прибился.
Черенъ макъ, да бояра ѣдятъ.
Честь приложена, и убытку Богъ избавилъ.
Чужое горе полусилою горевать.
Чужой хлѣбъ вкусенъ.
Чья душа чесноку не ѣла, та и не воняетъ.
Что грозно, то и честно.
Чужой ротъ не клѣвъ, не затворишь.
Что скоморошья жена, всегда весела.
Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.
Что красенъ? жениться хочу; что побледнѣлъ? женился.
Что городъ, то норовъ; что человѣкъ, то обычай.
Что было долбить, то само провалилось.
Что про то говоришь, чево не можно сварить.
Чужую кровлю кроетъ, а своя каплетъ.
Чѣмъ бѣсъ не шутитъ.
Что кому до насъ, коли праздникъ у насъ.
Чево стыдимся, тово таимся.
Что въ сердцѣ варится, то въ лицѣ не утаится.

Што то говоришь, што курица не доитъ.
Што смѣшно, то и грѣшно.
Шутки шутишь, людьми замутить.
Шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.
Што на яву бредится, то и во снѣ грѣзится.
Шиломъ воду не нагрѣешь.
Шей вдова широкія рукава, былобъ куда класть небыльныя слова.

Ѣмъ, а дѣла не вѣмъ.
Ѣду не свищу, а наѣду не спущу.
Ѣшь больше, да говори меньше.
Ѣсть калачи, не сидѣть на печи.
Ѣздилъ ни пошто, привезъ ничего.

Языкъ голову кормитъ, онъ же и до бѣды доводитъ.
Языкомъ что хочешь болтай, а рукамъ воли не давай.
Якимъ простота, рукавицъ ищетъ, а двои за поясомъ.
Ящерка маленька, да зубы востры.

ЗАБАВНЫЯ ГРАМОТКИ КЪ КРАСАВИЦАМЪ.

Первая.

Мнѣ весьма непонятно, за что ты на меня сердишся. Не уже ли причитается въ вину, если кто любитъ то, что для него всего на свѣтѣ милѣе. Грудь моя подобно какъ и твой взглядъ долгъ свой творятъ; слѣдовательно какъ ты, такъ и я невиноваты. А если въ любви находятъ винность, то есть, обвиняютъ тѣхъ, кто прельстилъ и кто прельстился; то ты первая въ винѣ, что меня прельстила, а я уже второй, что прельстился. Когдажъ то такъ, что вина одна другой равна; то я не сержусь, не сердись только ты на меня.

Вторая.

Не трать, красавица, времени напрасно; не теряй прелестной своей красоты, дабы въ послѣдствіи не посѣтило тебя мучительное раскаяніе,

что ты провела вѣкъ свой принужденно и несчастно. Употреби себѣ въ пользу младость свою. Любись, когда еще сердце страстно. Всякъ признается, что безъ любви все въ свѣтѣ суета. Какъ младость твоя пролетитъ; то ты уже будешь не та. Розовой румянецъ, который теперь на щекахъ твоихъ прелѣстно играетъ, превратится въ блѣдность, морщины разсѣются по всему лицу твоему; и тогда, повѣрь мнѣ, никто на тебя и не взглянетъ. И такъ повторяю, не трать ты дней своихъ напрасно, пока еще розы твоей не прошла пора, пока не отцвѣла. Плети себѣ вѣнки, пока есть цвѣтки. Нагуляйся весною, а осенью вить ненастно.

Третія.

Писанная отъ раскольника, купца, вдовца, который уже былъ по лѣтамъ дѣдушка, къ молодой богатой щеголихѣ, купецкой дочери дѣвицѣ, что она

ему люба и непостыла, и чтобъ съ нимъ въ законное супружество вступила.

Почтенная госпожа дѣвица!

Въ милости божїей вамъ всякагѡ благополучїя охотно желаю и земнѡ кланяюсь.

Хотя съ вами случаевъ быть и не имѣлось; но въ разсужденїи прїязни покойнагѡ родителя вашего, а моего милостивца, и всѣхъ вашихъ любезныхъ свойственниковъ и родственниковъ, беру смѣлость вашу милость спросить, не согласитесь ли со мною законнымъ бракомъ сочетаться; а о себѣ вашей милости донести болѣе не могу, какъ что отца, матери, жены и дѣтей по власти божїей не имѣю; а жить, гдѣ тобою разсуждено будетъ, соглашусь. Въ прочемъ желаю вамъ съ моимъ усердїемъ всякагѡ здравїя и благополучїя на лѣта многа; и на сїе во ожиданїи остаюсь благосклонной отповѣди. И тако немало пожаловать изволите; когда сей моей первой прозьбы не презрите;

и пребываю вамъ моей вселюбезной и почтенной госпожѣ

Доброжелательный слуга,
Еремей Фадѣевъ сынъ Колоколкинъ.
купецъ богоспасаемаго града.....

За показаннымъ же еще о своемъ состоянiи имѣю къ вашему свѣдѣнiю мало толико сообщить, что отецъ мой покойный, вѣчная ему память и царство небесное, завелъ судами торговать, тому нынѣ пятдесятъ годовъ, а я при немъ сталъ въѣзжать съ небольшимъ отъ десяти годовъ; и какъ здѣсь такъ и въ другихъ мѣстахъ имѣли небольшой промыселъ, а прiятелей за помощiю Божiей довольное число. Меньше бремя, такъ лучше несть; больше работы, такъ больше и заботы. По кончинѣ же родителя своего имѣлъ я немалыя поставки провiанту въ разныя мѣста, такожъ съ прошлаго 1777 года чинятся мною отпуски пеньки, масла и другихъ товаровъ моимъ прiятелямъ за море въ Любекъ, въ Ганбуръ, въ Аглiю и въ Галандiю; и нонича, дай богъ здоровье,

посильную партїю отпустилъ. А прошлаго 1789 году хотя по власти божїей и понесли отъ згорѣнія товаровъ убытокъ; точїю помощїю божїею и кредиторскою снабдены; въ томъ числѣ и братцомъ вашимъ единоутробнымъ уступлено мнѣ до шести тысячь рублевъ, и отъ другихъ разныхъ случаевъ получилъ себѣ поправленїе. Совѣтуютъ намъ и писанїя: при радости не быть радостну, а при печалѣ быть мудру; радость не вѣчна, и печаль не безконечна; не бывъ будетъ, а бывъ минетъ; претерпѣвый же до конца спасется. А домъ родительской у себя имѣю гораздо не худъ; да домовъ много и тутъ. Намѣренїе мое состояло съ братомъ учинить раздѣлъ; чего для построенъ мною новой домъ; только не допустилъ богъ съ женою въ немъ жить; и нынѣ товарища не имѣю; а сказать о пословицы: не нада и кладъ, какъ съ женою ладъ. При томъ и за симъ приношу своей любавѣ желательной поклонъ **Еремей Колоколкинъ**, и **прошу хотя**

краткостію словъ меня писменно къ извѣстію одолжить; за что всегда долженъ благодарить.

В Санктпетербургѣ,
числа 24 Ноября
1795 года.

За вышеписаннымъ же хочу вамъ объявить, какъ слышу, что ваше намѣреніе состоитъ за дворянина итить. А на сіе вамъ скажу, что въ прошломъ Іюнѣ мѣсяцѣ, какъ случай мнѣ привелъ въ домѣ быть дядюшки вашего Елизара Панкратьича, то тѣмъ временемъ до пріѣзду моего пріѣхалъ подполковникъ, а дядюшка вашъ былъ въ городѣ, и тому Офицеру по приказу его отказано; а какъ же про меня доложили, то вскоростѣ самъ пришелъ къ меня благодарилъ, потомъ чаемъ, кофіемъ поилъ, а послѣ того и обѣдали. А за обѣдомъ какіе ни были тамъ дворянчики, всѣхъ съ головы на голову перецыганилъ и бранилъ; а какъ откушали, то всѣхъ ихъ почти нечестью проводилъ. Тогда прилучилось мнѣ спросить о томъ под-

полковникѣ, какой онъ человѣкъ, и за чемъ, какъ слышу, такъ часто къ его милости жалуетъ; и дядюшка обьявить изволилъ, что де онъ сватается къ дочери его; при томъ изволилъ молвить, что братъ Василий Панкратьичь отдалъ дочь за придворнаго а онъ за военнаго; и какъ тѣ дворяне стараются только, чтобъ больше приданова взять, да въ карты проиграть, а женъ сослать въ деревню свиней кормить, и во всемъ де купцовъ и дочерей ихъ презираютъ; то я де теперь лутше за послѣдняго купца отдамъ, нежели за лутшаго дворянина; да и по правиламъ святыхъ отецъ велѣно духовнымъ у духовныхъ брать, военнымъ у военныхъ, а купцамъ у купцовъ. Да въ нынѣшней вѣкъ, правду молвить, какъ военные такъ и штатскіе не въ большой зависти. Можно видеть то и во всемъ свѣтѣ изъ газетъ. Въ которой то землѣ Король хотѣлъ жаловать Кавалеріей, то они отказались; ни одного града не осталось, ктобъ не имѣлъ на себѣ долгу

отъ разныхъ прикаюченій; а кто былъ во всемъ постояненъ, то въ разсужденіи министерства долженъ всему учредить штатъ, имѣть знатной домъ, сады, инжиреи, модели, уборы, гардеропъ, сиречь: платье, вѣщи, посуда всякая, кореты, цуки, ливреи; надобно имѣть столъ и за всемъ смотрѣніе, а гдѣ не усмотрено, то будетъ попорчено, растощено, ко двору приѣздъ заставитъ по манежу во всемъ дѣлать новое, чрезъ то неописанова трѣбовать будетъ безпокойства; а въ томъ хотя мало упущено, то бѣдствіе съ убыткомъ понести должно; надобно оставить резиденцію и свои домы, ѣхать противъ непріятеля; а жена оставшися дома съ дѣтьми и можетъ быть малъ-маломеньши, имѣй скорби и печали. Штатской человѣкъ гдѣ бы въ судѣ ни присудствовалъ; то вездѣ строгость законовъ; быть съ утра до третіяго часа за полдень; а часто платятъ и штрафы; жена же всю въ окно гляди да жди. А придворный человѣкъ всякой день

подверженъ опасности; ему приключаются неописанныя бѣды, скорби и печали, и о такихъ знатностяхъ боже сохрани и помилуй всякаго православнаго и помыслить; а наиболѣе которые пешиметры ногами шаркаютъ, въ карты играютъ, зайцовъ тоняютъ и во всемъ мошаютъ; надобно думать, что несчастливъ тотъ человѣкъ, кто такъ самъ себя безъ нужды обиждаетъ. Батюшку вашего хотѣли жаловать и чинами и дворянствомъ и медальми; но онъ и слышать о томъ не хотѣлъ, и во всю жизнь свою ни къ кому изъ большихъ лицъ не хаживалъ на поклонъ. Надобно отъ натуры подумать, какъ и дерево, гдѣ большое стоитъ, то вѣтръ часто ломитъ, а которое пониже, то никогда бѣды не имѣетъ; въ малой же рѣкѣ хотя вѣтры бываютъ, только большихъ волнъ нѣтъ; а въ большей или въ озерѣ малый вѣтръ необычныя волны поднимаетъ, которыми и корабли часто разбиваетъ. Спокойству и честности купеческой, чево еще

лучше? весь свѣтъ завидуетъ. Первое, что воля куда изволишъ во всей Россіи для дѣлъ и безъ дѣлъ гулять, ко двору пріѣздъ имѣть, а на мускарады и въ кіатръ лишъ бы охота была; золото же и въ грязи знать. У министровъ всякаго примутъ съ отмѣнною честію, такъ же въ сады, въ Царское село и Петергофъ; а чтобъ вообразить было можно, то вездѣ вольно компанію имѣть и въ компаніи быть. Времяжъ есть въ церковъ, и книгъ житія святыхъ отецъ и гисторей честь, и потомъ безъ дальнаго труда покой имѣть. И тако слава Богу у нашей братьи купцовъ идетъ всё на ладъ; каретъ здѣсь много нѣмецкихъ, и француских; какую поволишь, такую съ помощ ю Божіей имѣть можете; домовъ довольно а дѣвицею тебѣ право жить полно. Тётушка ваша, дай Богъ ей здравствоватъ, Василиса Панкратьевна сказывала, что вамъ уже двадесятъ пятый годикъ. Сожалѣть достойно, что вы свою жизнь столько изнуряете. Еще до сего время какая въ

жизни радость замыкается, не знаете; а какъ Богъ судитъ сочетаться, то о прошлыхъ дняхъ много и тужить станете; а по закону велѣно жениться пятьнадесяти, а брать дванадесяти лѣтъ. Такъ уже время давно минуло; сожалѣю о твоемъ одиначествѣ. Первое отца матери не имѣете; братцу дѣлъ много по комерціи, а о вашей помощи и думъ не достанетъ, отца же твоего покоя за купцомъ тебѣ быть желаетъ. А богатства будете разбирать; то и вѣкъ за мужемъ не бывать. Батюшка вашъ кто былъ и гдѣ взялъ? Господь всемощенъ возводитъ и низводитъ. Мнѣ доходило до шести лѣтъ бургомистромъ, гдѣ и нонычи не отрѣшонъ; только честь такъ наскучила, что и думать объ ней не хочется. Честной человѣкъ всегда съ помощіею божіей честь имѣетъ. Въ деньгахъ же я незавидливъ; а желаю имѣть хорошева человѣка; а лѣты ваши мнѣ весьма сходственныя. Много думать не очемъ; не мы первые, не мы и послѣдніе; и тако отдая себя волѣ

Божїей по рукамъ бы да за свадебку. Я и первую жену бралъ съ немалымъ достаткомъ, изо дву палатъ, и отецъ ею̑ былъ богатъ. Естьлижъ вы вздумаете иттить за такова, гдѣ есть свё̑коръ, свекровъ, деверь, заловка, невѣстка; то и въ такомъ случаѣ всегда бываютъ свары, раздоры и желаемое получить не можно. А когда подумаете выттить за молодова; то сыщетъ помоложе, наведетъ вамъ скорбь; и въ неравности лѣтъ рѣдко согласно бываетъ, первое отъ глупости, а второе и отъ разныхъ приключенїй мало любви есть. А о себѣ вамъ доложу, чтобъ вы себѣ ни захотѣли, то бы за помощїю Божїей получили; а въ законѣ писаны слова Господа Вседержителя: недобро есть одному жити, сотворимъ ему помощницу; раститеся и множитеся и наполняйте землю и обладайте ею. А Павелъ апостомъ пишетъ: бракъ честенъ и ложе нескверно; лутше женитися, нежели разжизатися; а скрывый талантъ да будетъ проклятъ.

Всякое древо нетворящее три лѣта плода, посѣкаемо и во огнь вмѣтаемо бываетъ.

Четвертая.

Писанная отъ того же вдовца и дѣдушки къ родственнику оной любавы.

Прїятный, надежный, милостивый мой государь,
Пафнутїй Силивр͡юстрычь.

Купно съ любезной вашей сожительницей и съ дражайшими чады здравїя и всякаго благополучїя въ продолженїяхъ лѣтъ многихъ всегда охотно желаю.

При семъ обнадѣясь на ваше великодушїе, осмѣлюсь вашей милости донести, если воли твоей непротивно, какъ есть вамъ и не безъизвѣстно, что по власти господней хозяйки моей не стало. А въ законѣ писано: Господь вседержитель рекъ: не добро быти одному человѣку; и сего ради праотцу нашему Адаму сотворилъ помощницу Евву. А Павелъ Апостолъ пишетъ: бракъ

честенъ и ложе нескверно; лучше же̂нитися, нежели разжизатися. Чего для и я послѣдуя закону Господню и заповѣдемъ его святымъ; содержу свое намѣреніе сочетаться законнымъ бракомъ. А въ надеждѣ твоего ко мнѣ пріятства; хочу донести, что нѣкоторые Пелагеи Степановны и ваши купно ближніе родственники, а мои душевные благодѣтели; мнѣ ею милость въ сочетаніе брачное хвалили и совѣтовали свататься; и я былъ въ такомъ сужденіи: невѣстамъ всѣ женихи, а женихамъ всѣ невѣсты. А въ разсужденіи покойнаго родителя ея; а моего милостивца, Степана Патрикѣича; и нынѣ здравствующаго любезнова сына его Корнила Степаныча, и вашей пріязни, касаюсь вашу милость утруждать, терпѣливо сіе писаніе прочесть; потомъ ково надлежитъ опросить, можно ли то наше намѣреніе совершить, и о томъ меня хотя краткостію словъ увѣдомить. И тако вы меня, государь мой, не мало пожаловать изволите; когда сей моей

яко первой прозьбы не отщетитесь; и пребуду во ожиданіи вашева благодѣтельства и милости государь мой навсегда

Готовый ко услугамъ Еремей Фадѣ: с: Колоколкинъ.

ПѢСНИ

Выражающія разныя чувствованія и дѣянія страстныхъ любовниковъ.

По пословицѣ: сказка складна, а пѣсня быль.

1.

Я люблю тебя и стражду,
Но отрады не сыщу;
Зрѣть тебя всегда я жажду,
И очей не насыщу.

Быть хочу всегда съ тобою,
И съ тобой всегда вѣщать,
Наслаждаться красотою,
И словамъ твоимъ внимать.

Жизнь съ тобою провождати,
Нѣтъ утѣхи мнѣ иной;
И тебѣ немилымъ стати,
Нѣтъ мнѣ горести другой.

Все съ тобою мнѣ пріятно,
И зла мука не тяжка;
Безъ тебя же все превратно,
И утѣха не сладка.

Ты мнѣ радость усугубишь,
Коль прїязнїю почтишь;
А со всемъ меня погубишь,
Коль недружбой огорчишь.

2.

Все, что сердце ни терзало,
Чѣмъ мой рушился покой,
Все уже то миновало,
Я любимъ моей драгой.
Все, что прежде было въ тягость,
Все то нынѣ въ ней мнѣ радость;
Шутки, младость, пустота,
Съ ней мнѣ прелесть, красота.

Взоръ очей ее прелестныхъ,
Сладость устъ и тихой нравъ,
Мнѣ виной утѣхъ всемѣстныхъ,
Образъ истинныхъ забавъ.
Съ ней минутами мнѣ годы,
Краснымъ лѣтомъ непогоды;
И одинъ лишь ея сонъ,
Духъ томя, влечетъ мой стонъ.

Я на грудь ея взирая,
Новымъ пламенемъ горю;
Умъ къ утѣхамъ простирая,
Тмы безчетныя ихъ зрю.
Свѣтъ въ утѣхахъ забываю;
И о немъ всю мысль теряю;
И что въономъ ни гублю,
Нахожу въ томъ, что люблю.

3.

Баринъ къ крестьянкѣ, и она къ нему.

Слушай, радость! одно слово:
Гдѣ ты свѣтикъ мой живешь?
Тамъ ли, гдѣ свѣтелка нова?
Скажи, какъ мой свѣтъ слывешь?
Какъ отца и мать зовутъ?
Разскажи все не забудь.
Что спѣшишь теперь домой?
Ахъ! послушай, ахъ! постой, постой.

*

Полно, полно, балагуръ!
Мнѣ пора итти домой,
Мнѣ загнать гусей и куръ,
Чтобъ не быть битой самой.
Тебѣ смѣхи вить одни;
Не подставишь ты спины;
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости, прости.

*

Ты не думай, дорогая!
Чтобы я тобой шутилъ;
Для тебя, моя милая!
Весь я духъ мой возмутилъ.
Какъ узрѣлъ красу твою;
Позабылъ я честь свою.
Что спѣшишь теперь домой?
Ахъ! послушай, ахъ! постой, постой.

*

Господинъ ты мой изрядной!
Какъ ты можешь говорить
Со мной дѣвкой неучоной?
Я не знаю въ свѣтѣ жить;
А совѣтую тебѣ
Любить равную себѣ.
Поди; поди; не шути,
Добра ночь тебѣ, прости, прости.

*

Ахъ! свирѣпа, умилися,
Не предай меня въ тоску;
Я тобою заразился;
Не хочу слышать про ту.
Непритворну красоту,
Люблю милу простоту.
Что спѣшишь теперь домой?
Ахъ! послушай, ахъ! постой, постой.

*

Отпусти меня, пожалуй,
Мнѣ съ тобой не сговоришь;
Мнѣ досугъ еще немалой,
Семь коровъ пора доить,
Пахтать масло, хлѣбы печь;
Щи варить; капусту сѣчь.
Поди; поди, не шути,
Добра ночь тебѣ; прости; прости.

*

Поди, поди; дорогая!
Нѣтъ, постой! хошь поцѣлуй;
Будетъ радость пребольшая;
Если тѣмъ мя наградишь. ——
Ну теперь я одолженъ,
Что такъ щедро награжденъ.
Поди, радость! здраво спи,
Добра ночь тебѣ, прости, прости.

*

Ахъ! кабы нашъ Ванька видѣлъ,
Что теперь ты учинилъ;
Онъ бы такъ то тебя выбилъ,
Что впередъ бы позабылъ,
Нашихъ дѣвокъ цѣловать,
И такъ долго имъ болтать.
Убирайся, не шуми,
Поди, бѣшеной! прости, прости.

4

Деревенское житье,
Щастье непорочно;
Упражненїе мое
Мнѣ съ друзьями прочно.

Время съ пользой провожу,
Дальнихъ бѣдъ не видя;
Всѣ забавы нахожу,
Ближнихъ не обидя.

Не хочу знать, что то свѣтъ;
И что въ немъ по модѣ.
Я отъ свѣтскихъ всѣхъ суетъ
Жить хочу въ свободѣ.

Пусть манятъ другихъ
Градскія кокетки;
Мнѣ милѣе ихъ сто разъ
Сельскія сосѣдки.

Ихъ не въ маскѣ красота
Сердца восхищаетъ;
Но любезна простота
Вѣрность обѣщаетъ.

Я созрѣлые плоды
Въ радости сбираю;
Окончавъ мои труды,
Сладко засыпаю.

5

Позабудь дни жизни сей,
Какъ о мнѣ вздыхала;
Выдь изъ памяти моей,
Коль невѣрна стала.

Гасни пламень мой въ крови;
Ахъ чего желаю!
Истребляя жаръ любви,
Больше лишь пылаю.

Правдой принимаю лесть
Я въ твоемъ отвѣтѣ;
Мнѣ и льстя всего что есть
Ты милѣй на свѣтѣ.

Въ томъ, что нынѣ ясно зрю,
Самъ себѣ не вѣрю;
День и ночь тобой горю,
Сердцу лицемѣрю.

За невѣрность внѣ себя
Я сердясь бываю;
Но увижу лишь тебя,
Все позабываю.

Я не помню въ оный часъ
Твоея досады,
И во взорахъ милыхъ глазъ
Я ищу отрады.

Только то одно манитъ,
Сердце подкрѣпляетъ,
Мню пустой меня лишь видъ,
Ревность, ослѣпляетъ.

Нѣтъ не тѣмъ теперь моя
Грудь отягощенна;
Зрю невѣрность ясно я,
Тѣмъ душа смущенна.

6

Что я прельщенъ тобой,
Чего тому дивиться;
Назначено судьбой,
Тебѣ красой родиться.

Прекрасное любить,
Намъ сей законъ природенъ;
И такъ несклоннымъ быть
Къ тебѣ, я не свободенъ.

Ты сдѣлана прельщать;
А я рожденъ прельщаться.
На что же превращать
Природу намъ стараться?

Я жертвую красѣ;
Ты жертвуй пылкой страсти;
Свершимъ уставы всѣ
Естественныя власти.

Въ отвѣтъ.

Прекрасное любить
Хоть сердцу и природно;
Однако склонной быть,
Къ кому хочу, свободно.

Не для неволи въ свѣтъ
Родятся красоты;
Мнѣ надлежитъ въ отвѣтъ
Сказать: не милъ мнѣ ты.

Ты мной теряешь власть;
А я тобой неплѣнна;
ТакЪ знать такую страсть
Лѣчить не я рожденна.

Порядка не вреди
Уставленна природой;
Другую побѣди,
Меня оставь сЪ свободой.

Несклонности удары
Чувствительны вЪ любви;
Ищи себѣ ты пары,
И счастливо живи.

7

Полюбя тебя смущаюсь,
И не знаю какЪ сказать;
Что тобою я прельщаюсь;
Я боюся виннымЪ стать.

ПредЪ тобой когда бываю;
Весь вЪ смятенїи сижу.
Что сказать тогда не знаю;
Только на тебя гляжу.

Глядя на тебя, внимаю,
ВсѣмЪ словамЪ твоихЪ рѣчей;
Прелести твои считаю,
Красоту твоихЪ очей;

И боюсь тогда прервати
Твой пріятной разговоръ,
Чтобъ твою не потеряти
Тѣмъ пріязнь и милой взоръ.

Въ семъ смущеньи пребывая,
Оставляю нужну рѣчь;
И часы позабывая,
Времени даю протечь;

Вдругъ увидя день минувшій,
Принужденъ сказать: прости;
И иду по томъ вздохнувши,
Беспокойну ночь вести.

8

Подъ тѣнію древесной,
Межъ розъ растущихъ вкругъ,
Съ пастушкою прелестной
Сидѣлъ младой пастухъ.

Не солнца укрываясь,
Онъ съ ней туда зашелъ;
Любовью утомляясь,
Открыть ей то хотѣлъ.

Межъ тѣмъ гдѣ ни взялися
Двѣ бабочки сцѣпясь;
Вкругъ розъ и ихъ вилися,
Другъ за другомъ гонясь.

По томъ одна взлетѣла
Къ пастушкѣ на високъ;
Ища подругу сѣла
Другая на кустокъ.

Пастухъ на нихъ взирая,
Ихъ счастью ревновалъ;
И онымъ подражая,
Пастушку щекоталъ,

Все ставя то въ игрушки,
За шею и бока,
Какъ будто бы съ пастушки
Сгонялъ онъ мотылька.

Ахъ! станемъ подражати,
Сказалъ онъ, свѣтъ мой! имъ,
И рѣзвость съединяти
Съ гуляньемъ своимъ;

И бѣгая лѣсочкомъ,
Четѣ подобясь сей,
Я буду мотылючкомъ,
Ты бабочкой моей. ——

Пастушка улыбалась;
Пастухъ ее лобзалъ;
Онъ млелъ; она смущалась;
Въ обѣихъ жаръ пылалъ. ——

Потомъ вскоча помчались,
Какъ легки вѣтерки,
Сцѣплялися, свивались,
И стали мотыльки.

9

Нѣгдѣ въ маленькомъ лѣску,
При потокахъ рѣчки,
Что бѣжала по песку,
Гдѣ паслись овечки;
Тамъ пастушка съ пастухомъ
На брегу была крутомъ,
И въ струяхъ мѣлкихъ водъ съ нимъ она плескалась.

Зацѣпились за траву,
Что сказать не можно,
Какъ упали въ мураву,
Вправдуль иль нарочно.
Пастухъ ее подиимал,
Да и самъ туда упалъ;
И въ травѣ щекоталъ дѣвку безъ разбору.

А что дѣлалось потомъ;
Я того не знаю;
Ибо мало при такомъ
Дѣлѣ примѣчаю;
Только эхо по рѣкѣ.
Отдавалось въ далекѣ:
О! я, яй, о! я, яй; знать они рѣзвились.

10

По среди войны кровавой
Истреблю тебя любовь;
Разорву твой плѣнъ суровой;
И свободенъ буду вновь;
Я съ потокомъ моей крови
Вмѣстѣ пламень твои пролью;
И не буду ужъ въ любови
Больше знать, что я терплю.

Прочь любовное то бремя;
Прочь любезная моя;
Мнѣ пришло ужъ ѣхать время
Въ походъ въ дальнiе края;
Гдѣ любовь твоя не можетъ
Мое сердце поразить,
И души не востревожитъ;
Тамъ я веселъ буду жить.

Мнѣ военное сраженье,
Шумъ оружiя и крикъ,
Представлять будутъ веселье
Лучше оперныхъ музыкъ.
Тамъ пальбой земля застонетъ,
Потечетъ ручьями кровь;
Ахъ! тогда уже не тронетъ
Твоя нѣжная любовь.

Прочь любовь, мнѣ нѣтъ утѣхи,
Прочь поди, меня не знай;
И красавицыны смѣхи
Мнѣ и въ умъ не представляй.

Мечи страсть сїю на горы,
Мечи вЪ долы и пески;
Мнѣ не нужны женски взоры;
И о любови нѣтЪ тоски.

Я геройской духЪ вперяю
ВЪ свою мужественную грудь;
И драгую оставляю,
Коль назначили мнѣ путь.
ТыжЪ любовь вЪ нѣгѣ останься,
Ты вЪ войнѣ не можешь быть;
И во слѣдЪ мнѣ не бросайся,
И вЪ шатрахЪ не льстися жить.

АхЪ! на чтожЪ я такЪ отважно
Дорогу любовь гоню?
КакЪ услышитЪ слово важно,
КоимЪ я ее гнѣвлю;
ПревратитЪ мою надежду
Во отчаянну напасть,
ВЪ коей злѣйше я постражду,
ПотерявЪ надЪ сердцемЪ власть.

Среди пыли, огня, крика,
Среди примкнутыхЪ штыковЪ,
Между пушечнаго звука,
И преострыхЪ тесаковЪ,
Вездѣ путь любви свободенЪ,
Вездѣ сыщетЪ тамЪ меня,
Вездѣ буду я неволенЪ,
Буду плакать безЪ тебя.

11

Мы любовницъ оставляемъ,
Оставляемъ и друзей;
Въ смутныхъ мысляхъ представляемъ
Пулей свистъ и звукъ мечей.
Ни зараза ни забава
На умѣ теперь у насъ;
На лицѣ и въ сердцѣ слава
И побѣды громкой гласъ.

Скучно было бы расташься
И любезныхъ покидать;
Еслибъ мы не шли сражаться
И злодѣевъ побѣждать,
Тѣхъ злодѣевъ, что мѣшаютъ
И любви и тишинѣ,
Что любовницъ насъ лишаютъ,
И зовутъ отъ нихъ къ войнѣ.

Вы лишаяся спокойства,
Будете о насъ тужить;
Мы наполнены геройства,
Будемъ вашъ покой хранить.
О любезныя! желайте,
Чтобъ войнѣ пришелъ конецъ;
Къ намъ любовь не оставляйте;
То для насъ одинъ вѣнецъ.

Гласы трубны раздаются,
И оружїя гремятъ;
Ваши горьки слезы льются;
А у насъ сердца кипятъ.

Но съ любезной разлучаться,
То труднѣе всѣхъ побѣдъ;
Сердце хочетъ съ ней остаться;
Слава на войну зоветъ.

12

Для тоголь я въ дни разлуки
Здѣсь страдала безъ тебя?
И къ томуль жестоки муки
Презирала я любя?

Чтобъ тобой самимъ открылся
Рокъ погибели моей,
Чтобъ правдивой слухъ носился
О невѣрности твоей.

Вспомни, что прощаясь,
Мнѣ, жестокой! говорилъ;
Какъ притворно ты терзаясь,
Предо мною слезы лилъ.

Вспомни злое разлученье,
Вспомни клятвы ты свои,
Вспомни и мое мученье,
И слова къ себѣ мои.

Собери то въ мысль бестрастну;
И невѣрность тѣмъ измѣрь;
А по томъ меня несчастну
Ты терзай, какъ лютой звѣрь.

Слабость вся тебѣ открылась;
Ты мя ввергнулъ въ злу напасть;
Ахъ! къ чему, къ чему вселилась
Въ грудь мою ты, тщетна страсть?

Страсть къ слезамъ произведенна!
Больше ранъ не растравляй;
Чѣмъ душа моя смущенна,
То изъ мысли вылетай.

Гасни, гасни огнь безмѣрной;
Исцѣляйся скорбна грудь.
Ахъ! а ты, о льстецъ невѣрной,
Ласки всѣ мои забудь.

13

Лишь только занялась заря,
И солнце взошло въ верхъ горя,
И освѣтило земной кругъ;
Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ
Къ потокамъ чистыхъ водъ.
Гдѣ виденъ былъ на днѣ песокъ,
Понравился ей струйной токъ;
Раздѣвшись стала мыться въ немъ;
Нага невидима ни кѣмъ
Плескалася водой.
Вдругъ въ сторону простерла взоръ;
Идетъ пастухъ съ высокихъ горъ,
Который ею былъ плѣненъ,
И часто духомъ возмущенъ;
Изъ струй спѣшила вонъ.

Пастухъ уже къ струямъ прибѣгъ;
А ей еще далекъ былъ брегъ;
Она не знала, что начать,
Казаться ль или утопать,
Смутившись въ мысляхъ вся.
Нашла стыдъ скрыть единой путь,
Чтобъ бросясь въ глубину тонуть.
Пастухъ лишенный зрѣть красы,
Ужъ видитъ чуть одни власы,
Кидается съ бреговъ.
Гдѣ дѣлось платье, гдѣ свирѣль?
Нагой влечетъ нагу на мѣль.
Страхъ гонитъ стыдъ, стыдъ гонитъ страхъ,
Пастушка вопитъ вся въ слезахъ:
Забудь, что видѣлъ ты.
Какую дашъ мнѣ плату ты,
Что спасъ твои я красоты?
И сталъ припадши улещать;
Пастушка начала молчать,
Сердяся на него.
Къ чему ты мя привелъ случай?
Кричала: ахъ! не докучай;
Я не могу свирѣпа быть;
Но не могу и такъ любить,
Какъ хочется тебѣ.
Недолго продолжала рѣчь,
Какъ начала любовь ту жечь;
Не молвитъ ужъ ни да, ни нѣтъ;
Потомъ вскричала: ахъ, мой свѣтъ,
Теперь ужъ я твоя!

14

Достигнувши тобою
Желанья моего;
Нерву уже тоскою
Я сердца своего.
Душа твоя мной страстна;
Моя тебѣ подвластна;
Коль счастлива ты мной;
Стократно я тобой.
Тебя, мой свѣтъ! считаю
Я жизнїю своей;
Прекраснѣе не знаю
Тебя я и милѣй.
Въ любви не зря препятства;
Въ тебѣ зрю всѣ прїятства,
Въ твою отдавшись власть,
Не знаю, что напасть.
Твой взоръ не выпускаю
Изъ мыслей никогда;
И въ мысляхъ лобызаю
Твой образъ завсегда.
Тобою утѣшаюсь;
Тобою восхищаюсь;
Тебя душой зову;
Тобою и живу.

15

Если вспомнишь обо мнѣ,
Живучи въ разлукѣ;
Знай, что въ здѣшней сторонѣ
Я въ несносной скукѣ.

Безъ тебя всѣ мѣста здѣсь я ненавижу;
Безъ тебя красныхъ дней въ сей странѣ не вижу.

Какъ растался я съ тобой;
Нѣтъ нигдѣ покою
Всю терзаюся тоской,
И тоской презлою.
О любовь! для чего кровь во мнѣ вспалила,
А вспаля, для чего съ милой разлучила?

Тыжъ въ прекрасной сторонѣ
По лугамъ гуляя,
Дай отраду въ грусти сей,
Сжалься, дорогая!
Посмотри къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ живу въ напасти;
И скажи: жаль тебя, зря въ суровой части.

16

Окончай безплодны мысли
Мною овладѣть опять;
И меня своимъ не числи,
Давъ изъ плѣна убѣжать.

Не на время, не возвратно
Страсть мою ты прогоня,
Не возможно ужъ обратно
Вырвать сердце у меня.

17

Лесть твоя теперь напрасна,
И лукавства полный взоръ;
Мысль моя уже безстрастна;
Вижу весь я твой притворъ.

Слабы, тщетны всѣ успѣхи
Для меня твоихъ заразъ;
Лестныя сїи утѣхи
Ужъ моихъ не тронутъ глазъ.

Кровь когда во мнѣ пылала,
Распалясь твоей красой;
Мной тогда ты презирала,
И ругалася тоской.

Я же страсть безплодну видя,
И презоръ моимъ слезамъ,
Тщетну грусть возненавидя,
Позабылъ тебя и самъ.

17

Нечувственная злость ядъ далѣ не пускай;
Смотря на случай мой, самъ впредь тожъ ожидай;
И помни всѣ тѣ дни, что будутъ впереди;
И въ тотъ обманъ, гдѣ я, самъ злѣе не впади.
Что сладко въ нутръ идетъ, въ вкусъ горкой премѣнитъ;
Злость злой конецъ найдетъ, началомъ хоть манитъ.
Не льстися, что взошелъ на верхъ довольствъ ты всѣхъ,
Непрочны тѣ дѣла, кои творятся вспѣхъ.

На счастливой горѣ свой верхЪ не урони;
И крѣпко тамЪ держись; скользнувЪ не упади.
Я тѣмЪ же ядомЪ самЪ предЪ симЪ напоенЪ былЪ,
Что счастливѣй себя вЪ весельяхЪ быть не мнилЪ.
Но ахЪ! какой ударЪ почувствовалЪ я вдругЪ;
ТѣтЪ нынѣ сталЪ злодѣй, кто прежде былЪ мнѣ другЪ.
ЧемужЪ я такЪ дивлюсь? на томЪ основанЪ свѣтЪ:
То темно, то свѣтло, ни вЪ чемЪ равенства нѣтЪ.
Вертится коль земля, намЪ прямо какЪ стоять?
Премѣну нашихЪ дѣлЪ чѣмЪ лучше доказать?
Коль права та судьба, мы кою признаемЪ;
Неправедна божба не пройдетЪ, судЪ найдемЪ.
Вверху кто прежде былЪ, тотЪ долженЪ внизЪ сойтить;
ПотокЪ воды гдѣ лилЪ, опять тамЪ можетЪ лить.

18

КакЪ сердце ни скрываетЪ
Мою жестоку страсть;
ВзорЪ смутный обЪявляетЪ
Твою надЪ сердцемЪ власть.

Глаза мои плѣненны
Всегда кЪ тебѣ хотятЪ;
И мысли оболщенны
Всегда кЪ тебѣ летятЪ.

Тебя не извлекаетЪ
И сонЪ изЪ мыслей прочь;
Твой образЪ обладаетЪ
Равно мной вЪ день и вЪ ночь.

Всеночно: дорогая!
Мнѣ зришся ты во снѣ;
Вседневно обольщая,
Ты множишь страсть во мнѣ.

Твой каждой взорЪ вонзаетЪ
Стрѣлу мнѣ вЪ сердце вновь;
Весь умЪ мой наполняетЪ
Одна кЪ тебѣ любовь.

А ты хоть все то знаешь,
И какЪ я рвусь стеня;
Но все то презираешь,
Не любишь ты меня.

19

Что сердце устрашало;
Все сталося со мной.
Что сердце утѣшало;
То льститЪ уже иной.

ЖарЪ страшный! жарЪ безмѣрный!
Ты тщетно мнѣ манилЪ.
За что ты, льстецЪ невѣрный!
Несчастной измѣнилЪ?

Очамъ моимъ свободнымъ
Ты первой самъ предсталъ;
И сдѣлался угоднымъ
Ты мнѣ, какъ самъ желалъ.

Ты самъ меня бестрастну
Любити научилъ;
За чтожъ меня несчастну
Ты плакать осудилъ?

За что возненавидѣлъ
Прельщенную тобой?
Иль болѣе увидѣлъ
Пріязни ты въ другой?

Ахъ! вѣрь мнѣ, какъ другая
Тебѣ не станетъ льстить;
Не будетъ такъ пылая,
Тебя, какъ я, любить.

20

Я нигдѣ не веселюсь, я вездѣ скучаю;
Вся смущенна, вся въ слезахъ; отъ чего? не знаю.
Не могу я понять что меня смущаетъ,
Что меня иногда плакать принуждаетъ.

Премѣнился весь мой нравъ, ужъ не та я стала;
Уже прежнихъ нѣтъ забавъ; все я потеряла.
Милой взоръ всё во умѣ, и вездѣ мнѣ зрится,
Безъ него и при немъ духъ во мнѣ мутится.

Не влюбилась ли? ахъ! нѣтъ; мнѣ любовь ужасна.
Отъ чегожъ кипитъ вся кровь, когда я не страстна?
Что за скорбь въ грудь мою злѣйшая все-
лилась?
Всё грущу, всё въ слезахъ; знать, что
я влюбилась.

Возвратишьсяль ты когда вольность дорогая?
Иль останусь завсегда въ сей тоскѣ страдая?
О любовь! какъ ты зла, я теперь узнала;
Для чегожъ отъ тебя я не отбѣгала?

Ты почувствуй то, драгой! не лиши покою;
Я плѣнилася тобой, ты плѣнился мною.
Хоть сказать, *что люблю*, стыдъ мнѣ
запрещаетъ;
Но тебѣ то завсегда взоръ мой откры-
ваетъ.

21

Тщетно я скрываю сердца скорби люты;
Тщетно я спокойною кажусь.
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, какъ много я ни тщусь.

Сердце тяжкимъ стономъ, очи токомъ слезнымъ
Извлекаютъ тайну муки сей.
Ты мое старанье сдѣлалъ безполезнымъ,
Ты, о хищникъ вольности моей!

Ввергнута тобою я въ сїю злу долю;
Ты спокойной духъ мой возмутилъ;
Ты мою свободу премѣнилъ въ неволю;
Ты утѣхи въ горесть обратилъ;

И къ лютѣйшей мукѣ ты, того не зная,
Можетъ быть вздыхаешь о иной;
Можетъ быть безплоднымъ пламенемъ сгарая,
Страждешь ею такъ, какъ я тобой.
Зрѣть тебя желаю, а узрѣвъ мятуся,
И боюсь, чтобъ взоръ не измѣнилъ.
При тебѣ смущаюсь, безъ тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мнѣ милъ.
Стыдъ изъ сердца выгнать страсть мою стре-
мится;
А любовь стремится выгнать стыдъ.
Въ сей жестокой брани мой разсудокъ тмится,
Сердце рвется, страждетъ и горитъ.
Такъ изъ муки въ муку я себя ввергаю:
И хочу открыться, и стыжусь.
И не знаю прямо, я чего желаю;
Только знаю то, что я крушусь.
Знаю; что всемѣстно плѣнна мысль тобою,
Воображаетъ мнѣ твой милой зракъ.
Знаю, что вспаленной страстїю презлою
Мнѣ забыть тебя нельзя никакъ.

22

При рѣкѣ сидя въ долинѣ,
Плакалъ бѣдной пастушокъ;
И крушился на единѣ,
Оперщись на посошокъ.

Только тихимЪ голосочкомЪ
Жалобы цвѣтамЪ чинилЪ;
И прохладнымЪ вечерочкомЪ
ЖарЪ любви своей тушилЪ.

АхЪ! когдабЪ ты только знала,
КакЪ душа во мнѣ горитЪ;
Ты бы мнѣ давно сказала
Слово, что любовь мягчитЪ.

Я едва собой владѣю;
Никакой отрады нѣтЪ;
Чуть открыть долинамЪ смѣю;
И едва смотрю на свѣтЪ.

КакЪ мои не видятЪ очи
Нѣжной красоты твоей;
То мнѣ день темнѣе ночи,
Чернѣй нѣтЪ цвѣтовЪ лилей.

Мутны мнѣ ключи прозрачны;
Скучно соловьи поютЪ;
Розы и Нарциссы мрачны;
Слезы какЪ ручьи текутЪ.

Я щитаю, что пропали
Взгляды, мысли, словеса;
Будто мнѣ не представляли,
Какова твоя краса.

23

Взоромъ ты меня прельщаешь,
Вспламеняя завсегда;
Взоромъ счастье обѣщаешь
Ты мнѣ, свѣтъ мой! иногда.

И любви моей ужъ вѣришь,
Умъ мой прелестьми плѣня;
Еслижъ ты не лицемѣришь;
Нѣтъ счастливѣе меня.

Ласки я твои считаю
Драгоцѣннѣе всего;
Въ нихъ надежду познаваю
Я блаженства своего.

Еслижъ чувствуешь ты то же,
Что и грудь моя стеня;
Нѣтъ тебя, свѣтъ! мнѣ дороже;
Нѣтъ и счастливѣй меня.

Дни со мной ты провождаешь,
Радости мнѣ въ грудь лїя;
Ты не зря меня скучаешь;
Ахъ! никакъ ужъ счастливъ я!

И когда не заблуждаю,
Сей мечтой себѣ маня,
Что тобой я обладаю;
Кто счастливѣе меня?

24

Что ты тужишь, я то знаю;
Да не можно пособить.
Я сама, мой свѣтъ! страдаю;
Да не льзя тебя любить.

Стыдъ и страхъ мнѣ воспрещаетъ,
Объявить любить себя;
А свирѣпость принуждаетъ
Ненавидѣти тебя.

И такъ сердце защищайся,
И противься страсти сей;
И въ неволю не вдавайся;
Будь подъ властїю моей.

Очи больше не прельщайтесь,
Часто на него взирать;
Сильтеся и отвращайтесь
Взоры страстные кидать.

Только какъ я ни крѣплюся;
А принуждена воздыхать;
Видно, хотя и таюся,
Что мнѣ вольность потерять.

Стыдъ ты прочь уже отходишь,
И любви вручаешь власть;
Ахъ! въ какую ты приводишь
Меня днесь поносну страсть.

25

Сколько грусти и мученья намъ безплодна страсть
сулитъ;
Столько бѣдства и напасти въ сей любви намъ
предстоитъ.
Коль судьбина несогласна съ нѣжной волею сердецъ;
На какой, мой свѣтъ! ты страстна, на какой, увы,
конецъ?
Что въ томъ пользы, дорогая! хоть и равна въ насъ
любовь,
Хоть единымъ напоенны чувствомъ наши жаръ и
кровь?
Тщетно сходны наши мысли, рокъ противится
любви;
Ты своимъ меня не числи, и оковы разорви.
Позабудь меня, драгая! позабудь меня, мой свѣтъ!
Такъ судьба опредѣлила, что въ любви намъ
счастья нѣтъ.
Мнѣ рыдать повелѣваетъ о тебѣ ея уставъ;
А тебя онъ осуждаетъ ожидать иныхъ забавъ.
Возвращай свою свободу; пусть одинъ лишь я
грущу;
Хоть останусь въ злой печали; но тебя не возмущу.
Удалюсь очей любезныхъ, въ сихъ не буду жить
мѣстахъ;
Ахъ! не трать ты въ бесполезныхъ время вздохахъ
и слезахъ.
Симъ не можешь быть довольна; а иныхъ доволь-
ствій нѣтъ;
Лучшей части ты достойна; ожидай ея мой свѣтъ!

26

Желанья наши совершились;
И всѣ напасти тѣ прошли,
Которыхъ токмо мы страшились;
Пріятны дни опять пришли.
Судьба нашъ пламень награждаетъ,
Возставя прежній намъ покой;
Ты счастливъ мной,
А я тобой;
Чегожъ душа моя желаетъ?
Чтобъ ты мнѣ милъ
и вѣренъ былъ,
И чтобъ одну меня любилъ.

*

Любима будучи тобою,
Я чту себя счастливѣй всѣхъ;
Довольна я своей судьбою;
И тѣмъ вкушаю тму утѣхъ.
Но если презришь пламень страстной,
Отдашь иной ты сердце въ даръ;
Какой ударъ,
За весь мой жаръ,
Ты приготовишь мнѣ несчастной?
Тогда твой взглядъ
Мнѣ будетъ ядъ,
И цѣлой свѣтъ мнѣ будетъ адъ.

*

Тебѣ на вѣки посвятила
Я сердце, умъ и мысль свою;
Душа твоя меня прельстила;
Мой жаръ къ тебѣ я не таю.

Не льзя въ тебѣ быть столько звѣрства,
Чтобъ ты мой духъ къ любви склоня,
Сгубилъ меня,
И самъ себя.
Не льзяжъ быть столько лицемѣрства,
Чтобъ такъ умѣть
Разставить сѣть,
И на невинность цѣпь надѣть.

*

Но если даннаго мнѣ слова
Ты не премѣнишь никогда;
Я цѣпь сїю носить готова,
И быть твоей хочу всегда;
Гдѣбъ мнѣ судьба жить ни велѣла,
Лишь ты мой жаръ не презирай;
Мнѣ всякой край,
Съ тобою рай;
Къ тебѣ я страстна вѣчно стала;
Тебя любить,
И вѣрна быть,
Я тщилась клятву сохранить.

27

Ахъ что сердце уныло?
Что душа моя груститъ?
Ой люли, ой люли, что душа моя грститъ.
Али я тебѣ противенъ,
Али я тобой забытъ?
Ой люли - - -

Твоя мила красота
Заразила духъ во мнѣ.
Ой люли - - -
Пріятныя твои очи
Привели сердце подъ власть.
Ой люли - - -
Ты мнѣ зришься всякой часъ;
Ты прелестна ночью снишься.
Ой люли - - -
Тебѣ полно, тиранка!
Тиранить страстну грудь.
Ой люли - - -
Ты привыкла всѣхъ тиранить,
И меня не забывашь.
Ой люли - - -
Сжалься, сжалься надо мной,
И оковы разорви.
Ой люли - - -
Ты смягчи свою суровость,
Своимъ милымъ назови.
Ой люли - - -

28

Сколько горъ я проходила;
Сколько рѣкъ переплыла;
Сонъ и голодъ побѣдила;
Но драгова не нашла.
Ахъ! когда съ любезнымъ буду,
На него когда взгляну;
Горы, рѣки позабуду;
И трудовъ не вспомяну.

29

Какъ скоро я тебя узналъ;
Тебѣ одной подвластенъ сталъ.
Прелѣстной взоръ плѣнилъ меня;
Боюсь сказать: люблю тебя.
Любовь сердца подъ власть беретъ;
Для всѣхъ равно вѣнки плететъ.
Кого люблю, боюсь сказать;
Но гдѣ отрадъ себѣ искать?
Почто судьба къ тому вела?
Почто ты стала мнѣ мила?
О небо! грянь, рази меня;
Карай судьба; умру стеня.
Я мучуся презлой тоской;
Не льзя, не льзя мнѣ быть съ тобой.
Когда ужъ воли нѣтъ моей,
Любезною назвать своей;
Лѣти мой взоръ, лѣти стрѣлой,
Скажи, скажи любезной той,
Кого люблю, нѣтъ имя ей;
Живетъ она въ душѣ моей.

30

Я въ пустыню удаллюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Сколько горестей смертельныхъ *мнѣ въ разлукѣ должно снесть!* 2.
Оставляю градъ любезной, оставляю и того,
Кто на свѣтѣ мнѣ милѣе, *и дороже мнѣ всего.* 2.

Премѣнить не льзя предѣла, не льзя страсти истребить;
Знать судьба мнѣ такъ велѣла, *чтобъ въ пустынѣ вѣчно жить.* 2.
Въ тѣхъ мѣстахъ уединенныхъ вображать буду тебя.
О! надежда мыслей плѣнныхъ, *ты тревожишь здѣсь меня;* 2.
Повсечасно буду плакать, и тебя все вспоминать.
Ты старайся, мой любезной, *взоръ несчастной забывать;* 2.
Ужъ вздыханьемъ и тоскою пособить не можно намъ;
Коль несчастны мы судьбою *и противны небесамъ.* 2.
Здѣсь собранье, здѣсь веселье, здѣсь всѣ радости живутъ;
А меня на зло мученье *въ мѣста страшныя влекутъ.* 2.
Уменьши мое мученье; и въ разлукѣ тѣмъ увѣрь;
Не забудь меня несчастну, *тѣмъ тоску мою измѣрь.* 2.
Знаю, что и ты страдаешь и вздыхаешь обо мнѣ;
Но и ты знай, мой любезной! *что я мучусь по тебѣ.* 2.
Ахъ! прости, прости, любезной! разлучаюсь я съ тобой;
Не забудь меня несчастну, *и не будь плѣненъ иной.* 2.

31

Весела тогда бываю,
И довольна я судьбой,
Все на свѣтѣ презираю;
Когда миленькой со мной.

Съ нетерпѣньемъ ожидаю,
Чтобъ скорѣе шелъ домой;
Для чегожъ того желаю?
Будетъ миленькой со мной.

То мнѣ служитъ въ утѣшенье,
Былобъ въ тягость что одной;
Раздѣляетъ упражненье,
Всегда миленькой со мной.

Какъ музыка ни играетъ,
Забавляя мя собой;
Но то лучше утѣшаетъ,
Что мой миленькой со мной.

Тоску книга отнимаетъ,
И питаетъ разумъ мой;
Но то больше забавляетъ,
Что мой миленькой со мной.

Иногда гуляя въ полѣ,
Птицы слухъ плѣняютъ мой;
Не завидую ихъ долѣ;
Если миленькой со мной.

Городами не прельщаюсь;
Здѣсь вкушаю я покой;
Всей утѣхой наслаждаюсь;
Когда миленькой со мной.

Не желаю славы, злата;
Все считаю я мечтой;
Я счастлива и богата;
Когда миленькой со мной.

32

Ты молодчикЪ, молодчикЪ молодой!
Поживи, радость, во вѣрности со мной.

УжЪ я вѣрной, покорной слуга твой,
Неразлучная любовь наша сЪ тобой;
Ей, ей, ей, сокрушаюсь по тебѣ,
По тебѣ моя сударушка.
Ты безсовѣстна сударушка моя;
Гдѣ то прежняя любовь ко мнѣ твоя?
Во глаза ты говоришь мнѣ, всегда льстишь;
Но заочно вездѣ честь мою вредишь.
Слышу, матушка, инова хошь любить;
Но со мной за что хошь дерско поступить?
Полно, лапушка! не слушай ты людей;
Допускай меня до бѣлыхЪ до грудей.

Я поистиннѣ всей честью побожусь,
Ни сЪ какими я, любезной, не вожусь;
Одново тебя голубчика люблю,
И немало вЪ томЪ здоровьица гублю;

Мнѣ здоровьице на умъ разумъ нейдетъ
Лишь сердечной другъ въ умѣ моемъ живетъ.

33

День уже проходитъ, ночка наступаетъ,
Ко мнѣ молоденькой, милой присылаетъ,
Милой присылаетъ, и самъ пріѣзжаетъ:
Дома ли милая, радость дорогая? —
А я молоденька, а я зелененька,
На ножку легонька, съ постельки вставала,
На дворъ поспѣшала, дружечка встрѣчала:
Про ево здоровье у дружка спросила,
Про свое несчастье ему объявила.—
Тогда мой дружечикъ отошолъ подалѣ,
Сплеснулъ онъ руками, залился слезами.—
А я молоденька дружку говорила:
Соколъ ты мой ясной, молодецъ прекрасной,
Голубчикъ мой сизой, орелъ златокрылой,
Орелъ златокрылой, дружечикъ мой милой!
Куда отъѣзжаешь, кому покидаешь
На чужой сторонкѣ меня молоденьку,
Меня молоденьку, меня зелененьку? —
А я отъѣзжаю въ нижній городочикъ,
Въ нижній городочикъ, на одинъ годочикъ;
Пиши ко мнѣ письма, я буду читати,
Къ сердцу прижимати, и горько рыдати,
Тебя молоденьку въ слезахъ вспоминати.

34

Одинъ славной охотникъ въ поляхъ разъѣзжаетъ,
И въ лавровыхъ островахъ вездѣ разглядаетъ;
Гонимъ злой будучи судьбой,
Провождаетъ время въ мысляхъ самъ съ собой.
Наѣхалъ на рѣчку, гдѣ кристальны воды,
Зефиры летаютъ съ пріятной погоды;
На брегу хотѣлъ отдохнуть;
Эхе, эхе, эхе, гончихъ стало чуть.
Охотникъ не медля на лошадь садился,
Звѣря любопытно видѣти онъ тщился;
Увидѣвъ, весь затрепеталъ;
Венера! Венера! тихонько сказалъ.
Лице той покрыто алыми цвѣтами;
Груди бѣлѣй снѣга открыты судьбами;
Обозрѣвъ, задрожалъ, упалъ;
И тѣмъ ту красотку бѣдну испугалъ.
Изъ прекраснѣйшихъ очей слезы покатились;
Была уже какъ мертва, ни чѣмъ не владѣла;
Пастушка въ память приходя,
Промолвила слово, на него глядя:
Злодѣй ты, охотникъ! поступилъ безстыдно;
Звѣрское ты дѣло учинилъ ехидно;
Отнялъ ты честь, какъ лютѣйшій звѣрь;
Есть ли въ томъ разсудокъ, иль какой примѣръ?
Ты не сыщешь зайцовъ здѣсь въ прекрасныхъ пущахъ;
Отъѣзжай ты далѣ отъ мово жилища,

Изъ острововъ лавровыхъ деревъ;
Гдѣ пасутъ овѣчекъ, ягнятъ и коровъ. —
Моя дорогая! тому ужъ не статься,
Что бы мнѣ съ тобою такъ скоро растаться;
Слышишь ли, стали въ трубы играть?
Поѣдемъ со мною, будемъ ночевать. —
Садились на лошадь хотя не веселы;
Приѣхавши въ лагерь, веселиться стали;
Дивился слуга русаку:
Пошло наше счастье теперь на руку!

35

Въ день отъ солнушка прекрасный,
Отъ воздуха теплый, ясный;
Гдѣ источники, потоки,
Чисты воды и глубоки,
Громко, звонко птицы пѣли,
На древахъ листья шумѣли;
Тамъ дѣвонька ипостасна,
Бѣлымъ личикомъ прекрасна,
Гуляючи при лѣсахъ,
Забавляючись въ красахъ,
Гуляючи цвѣты рвала;
Вѣнокъ себѣ совивала;
Вся цвѣтами украсилась;
Сама къ дому торопилась;
Бѣгучи скоро вспотѣла;
Отдохнуть подъ кустикъ сѣла.
Злы собаки набѣжали,
Красну дѣвку испужали.

А охотникъ на тотъ часъ
Отогналъ собакъ за разъ;
И къ ней съ лаской подбѣжалъ,
Небойсь, дѣвушка, сказалъ;
Дарилъ ее тѣмъ и сѣмъ,
Цѣловалъ же между тѣмъ.
Дары дѣвушка любила,
Вся себя ему вручила.

36

Не смущай меня, драгая!
И не кажись очамъ моимъ;
Воля знать судьбы такая,
Что бы владѣть тобой инымъ,
А мнѣ тебя любить,
И вѣкъ въ мученьѣ быть,
Одну любя, страдать,
И ту чужею звать
Покамѣстъ живъ. 2.
Чѣмъ утѣшиться? не знаю;
Забыть не льзя, надежды нѣтъ;
Зрѣть себя ей запрещаю;
А страсть весь духъ мой къ ней влечетъ;
Единъ сей зракъ драгой
Весь умъ отъемлетъ мой;
И нѣтъ забавъ иныхъ,
Окромѣ слезъ моихъ
И жалости. 2.

Я пѣнять тебѣ не смѣю;
И не хочу тебя винить;
Часть такую я имѣю,
Что бы несчастну вовсе быть;
Отрады сей лишенъ;
Знать я на то рожденъ,
Что бы всегда страдать,
И вѣкъ любви не знать,
Драгихъ утѣхъ. 2.
Обладай, мой свѣтъ! ты мной;
И знай, что я родился твой;
Я назначенъ жить съ тобой;
Ты не должна отнять покой.
Хоть тѣмъ утѣшь меня,
Скажи: мнѣ жаль тебя;
Скажи: не льзя любить
И нѣчимъ премѣнить,
Коль судьба велитъ. 2.

37

Отъ несклонности твоей
Духъ во мнѣ мятется;
Я люблю; но въ страсти сей
Только сердце рвется.
Я на толь тебя спозналъ,
Для тоголь твой плѣнникъ сталъ,
Чтобъ вздыхать всечасно?
Иль мя рокъ мой осудилъ,
Чтобъ я вѣчно мучимъ былъ
И гонимъ напрасно?

Какъ пастухъ съ морскихъ бреговъ
Въ бурную погоду,
Во сраженіи валовъ
Видитъ грозну воду;
И смотря на корабли,
Онъ смѣется на земли
Безпокойству свѣта;
Такъ смѣялся я любви
И ея жару въ крови
Прежде многи лѣта.
Нынѣ самъ подвластенъ сталъ
Я сей страсти лютой;
И покой мой убѣжалъ
Съ тою вдругъ минутой,
Коя жизнь мою губя,
Мнѣ представила тебя,
Въ первой разъ предъ очи;
Воображалася въ тотъ день
Мнѣ твоя дражайша тѣнь
И до самой ночи.
Сонъ глаза мои закрылъ;
Ты и въ немъ предстала;
Я во снѣ тебѣ былъ милъ,
Ты мнѣ то сказала.
Коль въ забаву ставишь то,
Что страдаю ни за что
Завсегда вздыхая;
Что сказала ты во снѣ,
Ахъ! скажи, скажи то мнѣ
На яву, драгая!

38

То теряю, что люблю;
Ахъ! какой ударъ терплю.
Свѣтъ! побудь въ моихъ глазахъ,
Наглядѣться дай въ слезахъ.
Я лишаюся тебя;
Чтожъ осталось для меня?
Лишь мучительная страсть
И прелютая напасть.
Вѣчно стану слезы лить,
И тебя одну любить;
Хоть не будешь ты со мной;
Мой остался духъ съ тобой.
Когда вспомнишь ты меня;
Вспомни, какъ любилъ тебя;
Вспомни, сколько я терплю;
И вездѣ равно люблю.
Въ той печальной сторонѣ,
Всего злѣе будетъ мнѣ
Помнить радостны часы,
Въ кои зрѣлъ твои красы.
Оставайся здѣсь, мой свѣтъ!
Безъ тебя рокъ жить влечетъ;
Оставайся; какъ снести?
Принужденъ сказать: прости;
Молви, умягчи печаль:
И самой мнѣ тебя жаль.

39

Прости, мой свѣтъ! въ послѣднїй разъ, и вспомни, какъ тебя любилъ;
Злой часъ пришелъ мнѣ слезы лить;
Я буду безъ тебя здѣсь жить;
О день! о часъ! о злая жизнь! о время! какъ я счастливъ былъ.
Куда мнѣ въ сей тоскѣ бѣжать?
Гдѣ скрыться? ахъ! иль что начать?
Печальна мысль терзаетъ духъ;
Я всѣхъ утѣхъ лишаюсь вдругъ;
И помощи ужъ нѣтъ;
Прости, прости, мой свѣтъ!

Не будетъ дня, во дни часа, въ часѣ минуты мнѣ такой,
Чтобъ тѣнь твоя ушла изъ глазъ;
Я буду плакать всякой часъ;
Когда придутъ на мысль часы, въ которые я былъ съ тобой;
Утѣхи прежни вспомнятся;
Глаза мои наполнятся
Потоками горчайшихъ слезъ,
Что рокъ драгую жизнь унесъ,
Одну оставя страсть
И лютую напасть.

*

Мѣста, дражайшія мѣста, свидѣтели забавъ моихъ,
Любезная страна и градъ!
Гдѣ сердце мнѣ пронзилъ сей взглядъ;
Вы будете въ умѣ моемъ, всегда въ моихъ печаляхъ злыхъ;
И станете изображать,
Чего во вѣкъ мнѣ не видать.
О какъ я днесь несчастливъ сталъ!
О рокъ! какой ударъ ты далъ;
Возможноль то снести?
Прости, мой свѣтъ! прости.

40

Вамъ, прекрасныя долины!
Гдѣ я съ малыхъ лѣтъ жила,
Гдѣ не знала я кручины,
Дни веселыя вела;

Вамъ тоску мою открою,
Я которую терплю;
Какъ лишилася покою,
И любовію горю.

Хоть стараюсь истребити
Вспламененный въ сердцѣ жаръ;
Тщуся способъ изыскати,
Отвратить чѣмъ сей ударъ.

Но стараніе безплодно;
Нѣтъ ужъ власти надъ собой;
Возвратить то неудобство,
Что отъемлется судьбой.

Я судьбой лишилась воли;
Побѣдитель мнѣ предсталЪ;
Для чего толь злыя доли
Ты мой духЪ не предузналЪ?

Что не сладость я вкушала,
Но смертельной ядЪ пила.
ВЪ комЪ прїятности искала;
ВЪ томЪ тирана я нашла.

НѣтЪ на свѣтѣ лучшей части,
КакЪ любя любимой быть;
НѣтЪ и злѣе сей напасти:
Тщетно вольность погубить;

И вЪ плѣненїе отдавшись,
НикакихЪ утѣхЪ не знать;
Вѣчно сЪ вольностью разставшись,
Безполезно воздыхать.

41

ВЪ колѣняхЪ у Венеры
СынокЪ ея игралЪ;
ОнЪ тѣшился безЪ мѣры
И вЪ очи цѣловалЪ.
Она плела вѣночки;
ОнЪ рвалЪ изЪ рукЪ плоды;
АхЪ, аленьки цвѣточки
Дай, матушка, сюды.
МежЪ тѣмЪ ищетЪ прилѣжно
Пастушка пастуха;
Пришли, гдѣ тѣшитЪ нѣжно
Младова мать божка;

И только лишь вступила
Изъ частой рощи въ лугъ;
Венера опустила
Сынка свово изъ рукъ.
Онъ крыльями взмахнувшись,
Къ пастушкѣ полетѣлъ;
Къ Венерѣ обернувшись,
Съ усмѣшкой посмотрѣлъ:
Не ты мнѣ мать родная;
Сударыня моя!
Пастушка дорогая,
Пріятнѣе тебя.

42

Душа моя возлюбленна, красная дѣвица!
Зачѣмъ меня не взлюбила, чѣмъ я худъ собою?
Природа моя шляхетска; хожу во убранствѣ;
Ношу платье парчевое, шито по французски;
Фалды долги за колѣно, рукавчики узки;
Въ пукли сыплю пудры на всякъ день по фунту;
Я гуляфною водою бѣлы руки мою;
Я гораздъ и танцовать всяки минуеты,
По рускому не умѣю, а все по нѣмецки,
Для того то по нѣмецки, что люди шляхетски.

43

Чѣмъ грозилъ мнѣ рокъ всечасно, то свершилося со мной;
Я теперь то разлучаюсь, на весь вѣкъ мой, свѣтъ, съ тобой.

Не увижу твоихЪ взоровЪ, не увижу никогда;
Но тобою буду страстна, но тобою навсегда.
Хотя ты меня забудешь, не забуду я тебя;
Я хотЪ вѣчно не увижу, и умру тебя любя.
Я со свѣтомЪ разлучаясь, тебя буду вображать,
Испуская духЪ послѣдний, тебя буду вспоминать.
О жестокая судьбина! о несносная любовь!
Я почто на свѣтЪ рожденна, и зачемЪ вспаленна кровь;
Коль тѣмЪ вѣчно не владѣти, что всего вЪ свѣтѣ милѣй?
МучитЪ ли кого несчастье, мучитЪ ли кого такЪ злѣй?
УжЪ сладчайшія минуты, теперь скоро пролетятЪ,
Кои радости тобою навсегда, мой свѣтЪ, затмятЪ.
Будь ты счастливЪ мой любезной, и печали умѣряй;
ТѣмЪ вЪ разлукѣ духЪ смущенной, тѣмЪ однимЪ лишь утѣшай.

44

Прости, жизнь холостая! тебѣ я измѣнилЪ;
Мнѣ жаль тебя оставить; но что? ужЪ сговорилЪ!
Ведя тебя, я счастливЪ, могу сказать, что былЪ;
НапротивЪ и несчастья немало я сносилЪ.
Но сколько я сЪ тобою несчастливЪ ни бывалЪ,
ОднакЪ мнѣ жаль теперь тебя, что потерялЪ.
Людей женатыхЪ жизнь, не знаю, какова;
Коль будетЪ сЪ огорченіемЪ, тобЪ лучше не была.
Легко ли вѣкЪ мученье, женату бывЪ, терпѣть?
Сто кратЪ желалЪ бы лучше, бывЪ холостЪ, умерѣть.

Однако опущусь, коль не льзя миновать;
И буду лишь учиться умѣть, чтобЪ угождать.

45.

Чувствую скорби люты
СЪ самой тоя минуты;
КакЪ я сталЪ знать тебя,
Вольность на вѣкЪ губя.

Мысль во мнѣ вся темнѣла;
Кровь что смола кипѣла;
ВзоромЪ я былЪ смущенЪ;
СловомЪ я сталЪ прельщенЪ.

ВЪ грусти сЪ тобой расстался;
Помня тебя терзался.
Гдѣ ты была, вздыхалЪ;
Гдѣ не была, стоналЪ.

Время ношу, что камень;
Лютый, о лютый пламень!
Долголь стеня горѣть?
Долголь тоску терпѣть?

Время, о время злое!
Будуль когда вЪ покоѣ?
Иль мой спокойной вѣкЪ,
СЪ быстрой водой утекЪ.

Сжалься, мученье зная,
Сжалься, моя драгая!
Сжалься; отраду дай;
Сжалься и грусть скончай.

Горесть тогда забуду;
Вѣренъ всегда пребуду;
Вѣчно я буду твой;
Только отдай покой.

Все будетъ ужъ превратно;
Время пойдетъ прїятно;
Минетъ мой томной стонъ;
Сладокъ мнѣ будетъ сонъ.

46

Лишь солнца лучи свѣтъ дали;
Пастушки овецъ погнали
Въ поля, гдѣсъ быти имъ однимъ,
И тамъ весельемъ симъ простымъ
Найти себѣ покой.
Пришедъ, овечки разбрелись,
Траву щипать поразошлись;
Одна пастушка отошла,
Овецъ своихъ искать пошла;
Въ близи къ горамъ пришла.
Изъ тѣхъ горъ ручеекъ взялся,
По камышкамъ быстро лился;
На что прельстясь раздѣлася,
Одной быти надѣяся,
Купаться стала въ немъ.
Купидо недалеко былъ,
Онъ въ томъ же ручьѣ лукъ свой мылъ;
Покинулъ лукъ со стрѣлами,
Убрался самъ цвѣточками,
И легъ на брегъ тамъ спать.

Пастушка все то видючи,
Младенца быти чаючи,
Пошла на брегЪ его ласкать,
ЧтобЪ тѣ цвѣты кЪ себѣ прибрать,
И тѣмЪ красы придать.
Купидо, врагЪ, прикинулся,
КакЪ сонной, весь раскинулся;
Она тутЪ подошла кЪ нему,
И стала такЪ кричать ему:
Ты встань, мальчишка! встань.
ВскочилЪ онЪ тутЪ сЪ торопостью,
БѣжалЪ вЪ кусточки сЪ робостью;
ВЪ бѣгу кричалЪ: „ пропалЪ, пропалЪ,
„ОтЪ матушки отсталЪ, отсталЪ,
Ай, ай, ай, ай боюсь.„
Пастушка испужалася,
За мальчикомЪ погналася;
ВЪ бѣгу кричитЪ: *не бойсь дружокЪ!*
А онЪ вскоча на тотЪ лужокЪ,
СхватилЪ сЪ стрѣлами лукЪ.
Дѣвонька все то видючи,
Кричала ему бѣгучи:
„АхЪ! злой мальчишка, обмянулЪ.„
А онЪ ее стрѣлой стрѣльнулЪ,
Крича: *не тронь меня.*
Узнала тутЪ любви бремя,
Да поздо ужЪ не во время;
ВЪ слезахЪ пошла овецЪ искать;
А сердцемЪ стала обмирать,
Не знаючи по комЪ.

Назадъ пришедъ къ мѣстечкамъ тѣмъ,
Гдѣ мнила быть подругамъ всѣмъ;
Нашла тамъ млада пастуха;
Вскричала, только изъ глуха:
А ай, ау, гдѣ вы?
Тотъ часъ пастухъ прибѣгъ самъ къ ней,
Вруча себя и стадо ей;
За ручку взявъ, къ горамъ повелъ;
И тамъ купидо съ ней нашелъ,
Гдѣ сей кричалъ: ай ай.

47

Ночною темнотою
Покрылись небеса;
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.

Внезапно постучался
У двери Купидонъ;
Пріятной перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.

Кто такъ стучится смѣло?
Со гнѣвомъ я вскричалъ. —
„Согрѣй обмерзло тѣло,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ,

„Чего ты устрашился?
„Я мальчикъ чуть дышу;
„Я ночью заблудился;
„Обмокъ и весь дрожу.

Тогда мнѣ жалко стало;
Я свѣчку засвѣтилъ;
Не медливши нимало,
Къ себѣ его пустилъ.

Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.

Жалѣя о несчастьѣ,
Огонь я разложилъ;
И при такомъ ненастьѣ,
Къ камину посадилъ.

Я теплыми руками
Холодны руки мялъ;
Я крылья и съ кудрями
До суха выжималъ.

Онъ чуть лишь ободрился;
„Каковъ то, молвилъ, лукъ?
„Въ дождѣ чай повредился.„
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.

Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла;
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.

Онъ громко засмѣялся;
И тотъ часъ заплясалъ;
„Чего ты испужался?
Съ насмѣшкою сказалъ,

„Мой лукъ еще годится
„И цѣль и съ тетивой;
„Ты будешь вѣкъ крушиться
„Отнынь, хозяинъ мой! „

48

При долинѣ за ручьемъ пастушка гуляла;
И туда глядь и сюда, какъ что примѣчала;
То пойдетъ, то постоитъ,
За ручей часто глядитъ;
Только въ рощѣ пастуха она не видала.
Невидала и того, какъ онъ къ ней подкрался;
Поверня ее къ себѣ, съ ней поцѣловался;
За плечо хватилъ рукой,
Поперегъ обнялъ другой,
И безчинно сталъ играть, какъ играютъ въ полѣ. ——
Не шути такъ, молодецъ! дѣвка говорила,
Не шути такъ, дорогой! много разъ твердила;
Закричу, такъ не уйдешь,
Да и мѣста не найдешь;
Вить здѣсь близко за ручьемъ пасутъ наши стадо.
Поди прочь, что ты напалъ; пожалуй уймися;
Отвяжись ты отъ меня; полно не бѣсися;
Поди прочь, оставь меня,
Пастуху кричитъ, браня;
Куды право ты какой, какъ тебѣ не стыдно! ——

Не смотря на то пастухъ, все играетъ съ нею;
Она вырвавшись бѣжать, онъ тудажъ за нею;
Торопясь уйти въ лѣсокъ,
Вдругъ упала на песокъ,
И подшибла пастуха невзначай ногами.
Какъ упали вдругъ они, мнѣ стало не видно;
Только слышу, что кричитъ: какъ тебѣ не стыдно.

- - - - -

- - - - -

- - - - - - - - -

49

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гулять;
Меду сладкова не нада,
Лишь быть въ полѣ, да стрѣлять.

На лѣту я птицъ пернатыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ;
Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ,
Лишь прицѣлясь, попадалъ.

Но вечоръ вдругъ повстрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной;
Вдругъ крылами размахалась,
И пошла со мной на бой.

Хвать въ колчанъ, анъ стрѣлъ ужъ нѣту;
Лукъ опущенъ . . . сталъ я въ пень.
Ахъ! беречь было монету
Бѣлую на черной день.

ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕ

ИЗЯЩНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ

МУЖЧИНЪ И ЖЕНЩИНЪ.

Нѣкій владѣтельный князь желая видѣть въ цвѣтущемъ состояніи страну свою, которая опустошена была продолжительною войною, указалъ всѣмъ своимъ подданнымъ, ктобъ какого званія и достоинства ни былъ, бракосочетаваться; а дабы никто не отговаривался неимуществомъ въ разсужденіи содержанія семейства своего, то всѣхъ таковыхъ нужды повелѣлъ обезпечивать потребною суммою денегъ изъ казны своей.

Княгиня, супруга его, не менѣе общественнаго блага желая, но токмо опасаясь, что бы избранный ради того способъ не истощилъ въ непродолжительномъ времени всѣхъ сокровищъ двора ихъ, старалась изобрѣсть выгоднѣйшій. И такъ совѣтовала она въ семъ случаѣ сообразить законъ съ свойствомъ чело-

вѣческаго сердца, и поспѣшествовать размноженію народа тѣмъ самымъ, что до толѣ оному препятствовало, т. е. не принуждать никого жить въ супружествѣ, но предоставить всѣмъ таковую же свободу къ разводамъ, какъ и къ бракамъ, отличая при томъ нѣкоторою почестію многосемейныхъ супруговъ; дабы тѣмъ обязать ихъ рачить взаимно о воспитаніи дѣтей ихъ.

Совѣтъ сей принялъ князь заблаго; и вскорѣ не токмо издалъ указъ о разводахъ брачныхъ по произволенію каждаго; но и въ сосѣдственныхъ земляхъ всюду обвѣстилъ, что желающіе преселяться въ области его для перемѣны мужей или женъ, приняты будутъ благосклонно.

Не успѣли сего огласить, какъ появилось великое множество отвсюду пришельцовъ для поселенія въ Райской, какъ они всѣ говорили, землѣ; а вскорѣ по томъ столь много таковыхъ стеклось, что недоставало и жизненныхъ

припасовъ, хотя до того земля сія избыточествовала оными.

Князь и княгиня вѣдая, что всякое повелѣніе имѣетъ желаемое дѣйствіе тогда токмо, когда въ исполненіи онаго усматривается примѣръ того самаго, кто оное даетъ, показали первые опытъ тому, къ чему другихъ побуждали. И такъ ставъ жить порознь, бесѣдовали съ наибольшею частію тѣхъ, кои преселялись въ землю ихъ для помянутой перемѣны; и тщательно навѣдывались о точныхъ причинахъ разрыва супружескихъ союзовъ.

Искреннее признаніе многихъ мужей удостовѣрило князя о безмѣрной кичливости женъ, и о преимуществѣ, какое въ семъ случаѣ супруга его предъ всѣми иностранками имѣла; ибо изъ донесеній ихъ усмотрѣлъ онъ, что всѣ почти изъ нихъ: прекрасныя были горделивы, надмѣнны; дурныя влюбчивы, подозрительны, ревнивы и упрямы; умныя высокомѣрны, а постоянныя хладнокровны, скучливы и несносны.

Княгиня выслушивала так же жен недовольныхъ мужьями своими.

Первая представшая предъ нее для изъявленія неудовольствія своего, имѣла пріятнѣйшее лиценачертаніе и величавый станъ; пронзительный ея взоръ показывалъ остроуміе ея; а простая но нѣжная одежда свидѣтельствовала тонкій ея вкусъ. — Княгиня предварила ее: я понимаю причину твоего неудовольствія; ты желаешь имѣть любовниковъ, да и стóишь ихъ; мужу твоему не льзя быть неревнивымъ, такъ какъ и тебѣ при томъ спокойною. — Нѣтъ, ваша свѣтлость! отвѣтствовала она; мужъ мой неревнивъ и мнѣ непротивенъ; онъ молодъ, пригожъ, статенъ, богатъ, знатнаго рода, любитъ меня искренно, и старается угождать мнѣ во всемъ; словомъ такой мужъ, какого я рѣдко видала. — Такъ чтожъ тебя тревожило? спросила княгиня. — Одно то, милостивѣйшая государыня, продолжала она, что я доселѣ не имѣла воли въ перемѣнѣ. — Ахъ! вскричала кня-

гиня, какъ мы женщины странны! Я не думала, что бы непостоянство нашего пола простиралось столь далеко, какъ нынѣ то вижу.

По семъ предстала другая женщина рѣдкой же красоты, но съ унылымъ духомъ. И княгиня вопросивъ, чѣмъ она огорчена отъ своего мужа, услышала, что ни чѣмъ болѣе, какъ непрестанною его ласкою, причинявшею ей несносную скуку. — Княгиня только улыбнулась.

Послѣ сего подступила третія, коей смущенный взоръ заставлялъ думать, что виною тому ревнивость ея. — Конечно, спросила у нее княгиня, мужъ твой влюбчивъ? — Счастлива бы я была, отвѣчала сія, если бы онъ былъ таковъ. Влюбчивые мужья не сидятъ всегда дома; опасеніе ихъ, чтобъ не подвергнуть себя ѣдкой укоризнѣ за нарушеніе супружескаго обѣта, дѣлаетъ ихъ робкими предъ женами своими, въ дѣла коихъ тогда они вовсе не входятъ. Постоянство же моего мужа столь ожесточило нравъ его, что онъ убѣга-

етъ людей, не выходитъ изъ дому, развѣ по побужденію прекрайней нужды; по каковой нелюдкости и мнѣ не позволяетъ никуда безъ себя отлучаться. —Княгиня признавъ неудовольствіе ея не неосновательнымъ, обратилась къ иной гостьѣ.

Сея роптаніе на мужа своего состояло въ томъ, что онъ побуждалъ ее противъ воли ея соотвѣтствовать страсти преданныхъ ей любовниковъ. — Да развѣ не нравится тебѣ, спросила княгиня, ни одинъ изъ тѣхъ, коихъ онъ ко услугамъ твоимъ представлялъ? — Онъ далъ мнѣ, отвѣтствовала сія гостья, полную волю въ выборѣ ихъ, говоря не рѣдко, что женщины съ лишкомъ много соблюдающіе брачные обѣты, обыкновенно бываютъ упрямы и брюзгливы до несносности. — Княгиня на сіе ничего не отвѣтствовала.

По томъ слушала она терпѣливо многихъ женъ, коихъ всѣхъ неудовольствія весьма похожи на объявленныя помянутыми предшественницами.

Напослѣдокъ обративъ она вниманіе свое на гостью превосходныя красоты, желала нетерпѣливо вѣдать, въ чемъ состоитъ жалоба ея на мужа.

Прелеста, имя сей гостьи, доносила слѣдующее. — Вина прибытія моего сюда та же самая, что и протчихъ иностранокъ. Я бывъ дѣвицею, имѣла счастіе нравиться многимъ; но сама ни кѣмъ столько не была плѣнена, какъ сыномъ сосѣда отца моего, который воспитывался въ чужихъ краяхъ, и по возвращеніи оттуда имѣлъ частое со мною свиданіе. Поступки его были весьма пріятны, такъ какъ и видъ привлекателенъ; и я предпочитала его всѣмъ мужчинамъ, кои меня искали и коихъ я знала. По долговременномъ его со мною обращеніи сдѣлалъ онъ мнѣ предложеніе о бракѣ; а я бывъ расположена любить его, не могла въ томъ ему отказать. И такъ два года жили мы въ совершенной любви; но послѣ когда онъ возмнилъ, что строгое наблюденіе брачныхъ обѣтовъ не сопровож-

дается всѣми тѣми пріятностями, коими наслаждаться можно, и что не прилично гражданину свѣта быть рабомъ помѣстныхъ или частныхъ учрежденій, началъ изъявлять ко мнѣ холодность, и наконецъ весьма мало занимался мною; имя жены стало для него тягостнымъ. Въ чемъ и я ему подражала; не менѣе его скучала я именемъ и предметомъ толико предъ тѣмъ меня восхищавшимъ. И такъ у насъ осталось токмо взаимное почтеніе. —— Примѣтя сіе искренній другъ моего мужа и желая знать, отъ чего угасъ тотъ огнь, коимъ воспламенено было прежде его и мое сердце, спросилъ его; развѣ еще есть кто прекраснѣе той, которою ты обладаешъ? — Нѣтъ, отвѣтствовалъ онъ; но къ сожалѣнію скажу тебѣ, что все на свѣтѣ прискучиваетъ; и что превосходнѣйшая красавица въ очахъ мужа теряетъ все свое достояніе, раждая въ сердцѣ его болѣе неудовольствія, нежели удовольствія, тѣмъ наипаче, что полагаетъ непреодолимую преграду

къ разнымъ утѣхамъ какъ со стороны ревности, такъ и зависти; ибо никакая почти красавица неможетъ равнодушно смотрѣть на обращенїе съ иными пригожими пола ея особами, и рѣдкая прелестница признаетъ за истинную любовь, въ коей увѣряетъ ея человѣкъ имѣющїй жену красавицу. — Я слышала разговоръ сей сама случайно, продолжала Прелеста, и нимало не досадовала на таковое признанїе мужа своего; по тому что и я то же бы сказала предъ искреннею своею прїятельницею. — И когда я по томъ изъявила сїе помянутому собесѣднику; то онъ удивленъ бывъ тѣмъ крайне, сказалъ: престранная чета! мужъ имѣющїй супругу, которая превосходитъ красотою своею можетъ быть самыхъ Ангеловъ, предпочитаетъ безобразїе лѣпотѣ ея ради того токмо, дабы свободно изъявлять страсть свою иной; а жена толь прекраснѣйшая не только странностїю сею не оскорбляется, но и сама еще оную одобряетъ. — Я пока-

завъ ему такъ же свое удивленіе, что онъ не знаетъ, что въ свѣтѣ то только и мило, чего нѣтъ, и то дорого, что съ трудомъ пріобрѣтается, рѣшилась потомъ доказать мужу своему на опытѣ, что онъ слабѣе меня, и что одного токмо призрака довольно обольстить чувства и пленить сердце его. И для того приказала сшить себѣ такое платье, какого прежде никогда не нашивала, т. е. отмѣнно щегольское; и одѣвшись такимъ образомъ, поѣхала въ 11 часу по полудни на гулянье, куда мужъ мой незадолго предъ тѣмъ улетѣлъ. Онъ не узнавъ меня тамъ, по тому что оставилъ дома въ постелѣ, и что я имѣла покровенное лице, и совсемъ не такое одѣяніе, въ какомъ онъ привыкъ меня видѣть, подошелъ ко мнѣ и говорилъ, что онъ будучи въ недоумѣніи, божество ли нѣкое поразило величествомъ своимъ зрѣніе его, или такая особа, которая совершенствомъ красоты своея подобна оному, дерзнулъ предстать предъ меня и про-

сить о разрѣшенiи сумненiя его. — Я премѣня голосъ свой, благодарила его за такое привѣтствiе и притомъ сказала, что Ангелы привыкшiе зрѣть всегда божество легко могутъ ошибиться при встрѣчѣ съ людьми. — Сиэъ восхищенъ, онъ былъ столько что позабылъ даже благопристойность, и почти въ слухъ началъ увѣрять меня, что онъ во всю свою жизнь ничего не видалъ прекраснѣе меня, и что несказанно радъ случаю толико его осчастливившему. Посемъ просилъ съ великою учтивостiю о позволенiи проводить меня въ домъ; но я давъ ему примѣтить, что имѣю ревниваго мужа, разсталась съ нимъ немедлѣнно; и онъ пребывъ въ недоумѣнiи, противенъ ли мнѣ или нѣтъ, посѣщалъ всякой вечеръ то мѣсто, которое ему къ свиданiю отъ меня назначено, всемѣрно при томъ стараясь снискать мою любовь. На конецъ томленiе его столь было велико, что я признала за нужное объявить ему, что онъ мнѣ нравится, и что не премину въ томъ его самымъ

дѣломъ удостовѣрить. — По нѣкоторомъ времени наняла я загордной домъ для тайнаго съ нимъ свиданія; онъ явясь тамъ въ назначенный день и часъ, и нашедъ меня въ томъ самомъ уборѣ, въ какомъ дома оставилъ, удивился такъ, что не зналъ, чудо ли то съ нимъ случилось, или чувства его измѣнили ему. На послѣдокъ когда я стала смѣяться слабости и легковѣрїю его, и открыла самымъ голосомъ своимъ, что онъ подлинно тутъ не иного кого какъ жену свою видитъ, которая желая доказать ему, сколь сильно дѣйствуетъ въ немъ мечта и сколь слабую имѣлъ онъ причину скучать тою, на кою въ лицѣ жены смотрѣлъ равнодушно, а въ лицѣ любовницы взиралъ какъ на божество исполнившее его чрезмѣрнымъ восторгомъ, рѣшилась преобразиться въ чуждый и искусительный для него видъ и съиграть съ нимъ такую шутку; то онъ вмѣсто благодарности за освобожденїе его отъ толь постыднаго заблужденія, возъимѣлъ на меня такой

гнѣвъ, коего я не могши далѣе сносить, прибыла сюда. Но прибыла я не съ тѣмъ, что бы разрушить уставъ брака, а дабы токмо имѣть здѣсь надежное убѣжище и жить съ мужемъ своимъ въ разлукѣ, доколѣ оная возжетъ въ немъ прежнюю его ко мнѣ горячность, охладѣвшую единственно по тому, что онъ могъ всегда невозбранно наслаждаться объятіями моими.

Княгиня удостоила сію гостью особеннаго вниманія; взяла ко двору; бесѣдовала съ нею часто; и воспоминая о случаяхъ наиболѣе открывшихъ состояніе женскаго пола въ разныя времена и у разныхъ народовъ, благоволила возвѣстить ей нѣкогда примѣчанія свои, достойныя всеобщаго вниманія: что мужчины неупущавшіе никогда употреблять во зло власти и силы своей, обожая прелести женъ, превозмогали ихъ слабость, и были часто въ одно время и невольниками и властителями ихъ; что большая часть земнаго шара покрыта искони темни-

цами, гдѣ порабощенная красота бывъ заточена, принуждена удовлетворять прихотямъ жестокихъ чудовищъ, и хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жены избавлены отъ ига постыднаго уничиженія, но законами отчуждены отъ всѣхъ правъ свободности; что въ иныхъ земляхъ полъ ихъ оскорбляется вѣчнымъ сожитіемъ соперницъ, а въ другихъ подвергается неразрывнымъ узамъ, совокубляющимъ часто ненависть съ грубостію и любовь съ ненавистію; и что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предразсужденіе учинило женщинъ съ одной стороны невольницами, а съ другой владычицами, окружены онѣ отвсюду судіями, кои купно суть искусители и гонители ихъ.

По семъ разсуждая Княгиня о благосостояніи сѣмейственномъ и вообще о счастіи человѣческомъ такъ же о разныхъ превосходныхъ добродѣтеляхъ и пріятностяхъ женъ, приводившихъ нерѣдко въ стыдъ и тѣхъ самыхъ мужей, кои отмѣннымъ мужествомъ своимъ и муд-

ростію прославились, упомянула о *Порціи*, дочери Катоновой а супругѣ Брутовой, оказавшей при разныхъ случаяхъ отмѣнное величіе своего духа, и о последовательницѣ ея *Аріи*, которая увидѣвъ супруга своего оробѣвшаго, когда надлежало ему умереть, пронзила для ободренія его собственную грудь свою, и о разныхъ другихъ подобныхъ ироинях, такъ же о *Кессандрѣ-Фиделлѣ* и *Аннѣ Аррогоноской*, удивлявшихъ просвѣщеніемъ и мудростію своею не токмо отечество свое Италію, но и всю Европу, и о иныхъ многихъ знаменитыхъ женскихъ особахъ, изъ коихъ нѣкія прославили себя и въ важнѣйшихъ должностяхъ, каковы суть: мудрое правленіе народовъ и изданіе полезныхъ для нихъ законовъ.

Наконецъ говоря она о *Аспазіи*, коея совѣщаніями услаждалися въ Греціи Сократъ и Периклъ, и о прекрасной *Нинонѣ*, которой прелести и дарованія разума привлекали Фенелона, Конде и другихъ именитыхъ мужей, не сокрыла

примѣчанія своего, что распутство никогда почти не начиналось отъ женщинъ, и что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ дѣйствительно развращаютъ мужчинъ, были сами отъ нихъ прежде развращены.

Было время, продолжала Княгиня, что слабости мужчинъ прешедши въ сердце нашего пола производили ужасныя дѣла. Тогда женщины пылали купно огнемъ любви и ярости. Буйство и нѣжность обладали ими въ единое время, и при томъ столь сильно, что народъ былъ жертвою и тѣхъ слабостей, кои нынѣ ни вочто вмѣняются. И сіе продолжалось до временъ той превратности, когда открытое любострастіе не стали уже вмѣнять въ порокъ, но употребляли дерзость и необузданность въ своихъ желаніяхъ; когда благопристойность признаваемая дотолѣ должностію, не почиталась болѣе утѣхою; когда оба пола освободились отъ стыда, и вѣтреничество соединилось съ чрезмѣрностію; и когда за симъ по-

слѣдовало толь великое развращенїе, что начали смѣяться всему, дабы не стыдиться ничего. Молодые люди преданные всѣмъ суетностямъ, и имѣвшїе болѣе страстей нежели понятїй, бывъ непостоянны по тщеславїю, умножая свои прихоти отъ скуки, пренебрегая людскїя о себѣ мнѣнїя, которымъ цѣны не знали, сообщали женщинамъ свои шалости и дурачества; и тогда возмечтали, что вѣрность браковъ приличествуетъ однимъ токмо простолюдимамъ равно какъ и святость дружбы; и никто уже не смѣлъ презирать подлыхъ дѣлъ учиненныхъ съ нѣкоторымъ видомъ прїятности. — Съ того времени воспитанїе женскаго пола совсемъ отличное отъ прежняго, и приноровленное къ слабостямъ исказившимъ подлинное достоинство мужчины, производитъ ощутительную разнообразность во внѣшнемъ образѣ страстей. Женщины видятъ нынѣ всюду невольниками тѣхъ, коихъ сами были прежде плѣнницами; а сїе лаская сильно ихъ самолюбїю, внушаетъ

имъ непомѣрное желанїе быть предметомъ особеннаго ихъ уваженія. Любовь представляется взорамъ ихъ подъ видомъ прiятнаго обхожденія; и всѣ наставленія преподаваемыя имъ отъ надзирательницъ и матерей, клонятся единственно къ тому, что бы содѣлать ихъ притворщицами; поелику прежде научаютъ скрывать впечатлѣнія произведенныя въ нихъ мужчинами, нежели предосторожности противу оныхъ; словомъ, стараются болѣе вкоренить въ нихъ хитрости нежели добродѣтель. Мужчины обыкновенно начинаютъ теперь жить въ большомъ свѣтѣ распутствомъ, а женщины жеманствомъ; по тому что ихъ чувства воспламеняются позднѣе, нежели у мужчинъ, или вообще сказать: онѣ не столь скоро заражаются. И такъ единственное ихъ упражненїе есть искать случая возбуждать желанія; ибо чрезъ одно только сїе средство могутъ онѣ властвовать; а владычество есть первенствующая ихъ страсть. Сила чувственная, которая

рѣдко отдѣляется отъ силы нравственной, даетъ мужескому полу власть существенную; женщины напротивъ того раждаясь, слабыми по нѣжности своего сложенія, ищутъ похитить чрезъ хитрость ту власть, въ которой природа имъ отказала, и покорить своихъ обладателей. Хитрость въ женщинахъ дѣлаетъ перевѣсъ противу мужеской силы, но не столько однако же какъ красота и пріятности независящія иногда отъ склонности къ жеманству и стараній приемлемыхъ научать ихъ сему искуству; поелику онѣ имѣютъ тѣ же чувства, слѣдственно также расположены и къ любви. Разность только въ томъ, что мужчина предается свободно стремленію своея страсти, и не изъявляя нимало въ томъ робости; женщина же молодая встревоженная своими ощущеніями стыдится волнованія, которое ее колеблетъ, и старается сокрыть отъ себя самой неизвѣстныя ей желанія, кои любовь въ очахъ ея и въ самыхъ малѣйшихъ движеніяхъ изображаетъ; ибо коль скоро встрѣтится съ тѣмъ, кто

овладѣлъ ея сердцемъ, то оное начнетъ биться, она трепещетъ и заботится, что бы краска оказавшаяся на лицѣ ея не открыла состоянія ея внутренности; восхищенная же удовольствіемъ, что находитъ сама себя достойною понравиться тому, коимъ занято ея сердце, влекома при томъ любовію и удерживаема страхомъ, устремляетъ взоръ свой на вожделѣнной свой предметъ; и насытивъ очи свои болѣе, нежели сердце, предается по томъ уединенію, дабы не лишиться нималѣйшей пріятности возчувствованной.— Ею въ сіи первыя минуты ощущаемая любовь сладостнѣе, живѣе и чувствительнѣе всего; ибо въ то время еще не знаемъ мы ни страха, ни ревности, но ощущаемъ одно только удовольствіе любить; все представляется намъ тогда въ веселомъ видѣ; и мы наслаждаемся вкупѣ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Надежда приобрѣтатъ всякой день новое и восхитительнѣйшее услажденіе въ сердцѣ того, коко любимъ, приводитъ въ движеніе всѣ наши чувства

и исполняетъ оныя ежеминутно желанїемъ или наслажденїемъ. И если бы сїе состоянїе могло продлиться; то можно-бы его назвать самымъ прїятнѣйшимъ; но оно кратковременно по тому, что чѣмъ живѣе и сильнѣе бываетъ чуствованїе радости; тѣмъ скорѣе оное проходитъ; мучительныя же его слѣдствїя нерѣдко заставляютъ насъ раскаеваться, что предались съ лишкомъ обманчивымъ прелестямъ страсти, которая при началѣ однѣ только утѣхи предлагаетъ. — Часто случается, что плѣняемся тѣмъ, что сами изъяснить не можемъ; и сїе болѣе имѣетъ власти, нежели совершеннѣйшая красота и превосходныя достоинства. Когда предметъ нравится, приписываемъ ему все: разумъ, дарованїя, красоту; и даже самые его недостатки превращаются въ совершенства, все восхищаетъ, все плѣняетъ. Обольщенїе изливаетъ лестныя очарованїя на всѣ черты предмета поразившаго наши чувства; и любовь приемлетъ совершенную надъ нами власть. Въ семъ случаѣ можно быть

любиму, но не налагать оковъ на своихъ любезныхъ. Чувствованіе любви никогда не могло имѣть плѣнниковъ; а женщины хотятъ нынѣ всѣ почти имѣть и могутъ дѣйствительно приобрѣсть ихъ чрезъ жеманство. — Та, которую нѣжная склонность влечетъ противъ воли, бываетъ безъ хитрости; примѣтно, что она чувствуетъ; самыя ея усилія, дабы сокрыть страсть свою, суть неложнымъ доказательствомъ ея невинности. Какое сердце можетъ устоять противъ нѣжнаго влеченія внушаемаго природою и удерживаемаго честностію, противъ смущенія, коего безхитростныя и невинныя пріятности возвѣщаютъ чистосердечіе, и заставляютъ почитать добродѣтель въ то самое время, когда стараются надъ оною восторжествовать; и гнусный соблазнитель, коего любострастіе болѣе нежели любовь заражаетъ пламенемъ, ищетъ тогда въ преступленіи вкусить утѣхи, коими самое наслажденіе изъявляетъ ихъ лишеніе.

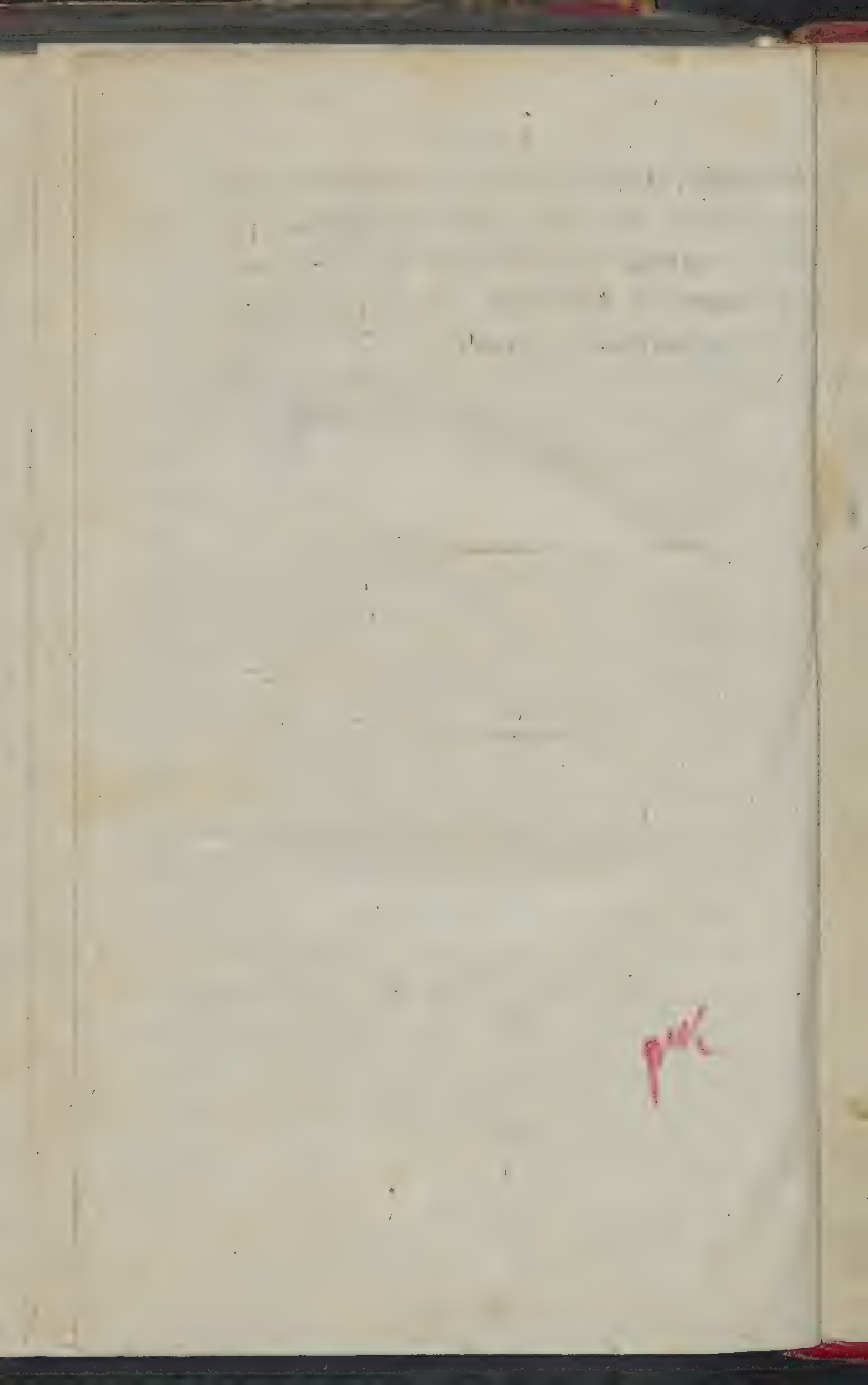
По таком изображенiи первоначальнаго дѣйствiя любви въ женскомъ полѣ нынѣшняго времени, совѣщалась Княгиня съ собесѣдницею своею о способахъ, могущихъ положить преграду той чрезвычайной противуположности, вѣтренности съ степенностiю и разума съ глупостiю, которая болѣе всего примѣтна въ брачныхъ союзахъ, и открываетъ въ семъ случаѣ болѣе изступленiе, нежели стремительность ко благу отъ разсужденiя происходящую. И не нашедъ кромѣ примѣра никакихъ другихъ надежнѣйшихъ къ тому средствъ, радовалась, что въ области ея обитаютъ нѣкоторыя жены, кои соединяя въ себѣ здравой разумъ съ твердостiю духа, возвышаютъ добродѣтелями своими чувствованiя бодрости и чести; кои избыточествуя въ томъ, что поспѣшествуетъ прiятности ихъ жизни, удѣляютъ изъ имущества своего несчастнымъ, даютъ убѣжище бѣднымъ, и научаютъ ихъ быть чувствительными, проливая объ нихъ слезы состраданiя;

кои при всей молодости и красотѣ своей славятся должностію попечительныхъ матерей, и въ нѣжныхъ узахъ представляютъ трогательное зрѣлище невинности и любви; и кои всѣ убѣдительно доказываютъ, что непорочность и для самаго лестнѣйшаго удовольствія предпочтительнѣе всѣхъ соблазнительныхъ утѣхъ, и что простая и тихая жизнь, въ которой нѣтъ ничего противнаго, и въ коей наслаждаются истинною дружбою во удаленіи отъ всякихъ суетъ, есть такое блаженство, коего никто въ шумномъ обществѣ и мятежномъ сердцѣ вкушать не можетъ. Свойство отличное въ достоинствахъ нашего пола состоитъ въ послѣдованіи обычаямъ своего времени и въ избѣжаніи всего, что въ нихъ есть порочнаго. Почтенною женщиною можетъ по справедливости именоваться та, которая принявъ всѣ прелести общества своего вѣка, т. е. вкусъ, пріятности, и разумъ, умѣетъ въ тоже время предохранить разсудокъ свой и сердце

отъ тщеславія, отъ ложной чувствительности, отъ стремительнаго самолюбія и отъ множества притворствъ раждающихся въ собраніяхъ; которая бывъ вовлечена во всеобщую коловратность, чувствуетъ надобность отдохновенія, и умѣетъ соблюсти постоянство среди окружающаго ее отвсюду легкомыслія и сохранить въ домѣ своемъ и внѣ онаго почтеніе къ добродѣтели, презрѣніе къ пороку и чувствительность къ дружбѣ; которая могши здраво разсуждать не имѣетъ ничего принужденнаго, и скрывая искусным образомъ свое просвѣщеніе имѣетъ разумъ гибкой; и которая могши цѣнить великое не презираетъ малаго, и испытуя человѣческое сердце научается извинять слабости и почитать добродѣтели. —

Иностранка выслушавъ все сіе со вниманіемъ, и ощущая въ сердцѣ своемъ соотвѣтствіе къ чувствованіямъ и разуму Княгини, полагала утѣшеніе свое въ послѣдованіи ея наставленіямъ и участіи въ мудрыхъ и пріятныхъ ея

бесѣдахъ; доколѣ мужъ познавъ ея цѣну, вступилъ съ нею паки въ пріятный тотъ союзъ, коимъ былъ прежде совокупленъ, и который расторгли страсти, а разумъ соединилъ.



ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	строк.	напечатано:	читай:
18.	14.	врзмущаютъ	возмущаютъ
114.	12.	вотъ	вотъ я
117.	15.	настоящихъ	подобныхъ
133.	11.	надабно	надобно
145.	25.	сударыня;	сударыня,
192.	3.	со львими	со львами
195.	5.	ноги	ножищи
197.	3 и 4.	называемое	называемой
200.	9.	казолось	казалось
231.	1.	человѣкѣ	человѣкъ
301.	3.	нелюдкости	нелюдимости
315.	13 и 14.	возчувство-ванной.— Ею	возчувствован-ной ею.—

Сія книга принадлежит

Amonsieur
Corhenof

229

зали
Ему Ильину
Какіе правы ты ищеш
перед ним даль Ему отколе иные вещи